

Енисей

№2 * Красноярский литературно-художественный
2023 и краеведческий альманах

Михаил Тарковский главный редактор
Александр Ёлтышев заместитель главного редактора
Ольга Гуляева редактор отдела прозы
Сергей Кузнечихин редактор отдела поэзии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Астраханцев прозаик, член Союза российских писателей
Леонид Бердников краевед, председатель
историко-патриотического
общества «Краевед»
Иван Булава прозаик, первый секретарь
Сибирского представительства
Союза писателей России и Белоруссии
Марина Москалюк доктор искусствоведения,
профессор кафедры культурологии
и искусствоведения ФГБОУ
«Сибирский государственный
институт искусств имени
Дмитрия Хворостовского»
Марина Панфилова поэт, член Союза писателей России
Михаил Северьянов доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
России Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»
Александр Щербаков поэт и прозаик, член Союза писателей
России, заслуженный работник культуры РФ

* Красноярск
«КАСС»

ББК 84 (2 Рус = Рос)

Е 63

Альманах выходит благодаря
финансовой поддержке министерства
культуры Красноярского края.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.

Редакция не вступает в переписку.
Тексты не рецензируются.

В оформлении обложки использованы
фрагменты картин Леонида Кузнецова.

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
Дом искусств

Вёрстка: Олег Наумов
Корректор: Андрей Леонтьев

Подписано в печать: 30.11.2023

Тираж: 500 экз.

Формат: 70 × 100 / 16

Объём: 15,6 усл. печ. л.

Отпечатано в ООО «Типография КАСС»
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, стр. 23;
т. +7 (391) 259-59-60
info@kass24.ru www.kass24.ru

© Дом искусств, 2023

ISBN 978-5-6048503-9-8

Содержание

ЮБИЛЕЙ

Пётр Коваленко

Мои стихи, как ножевые раны... 5

СТИХИ И ПРОЗА

Сергей Кузнечихин

Учитель, перед именем твоим... 10

Светлана Ермолаева 78

Юрий Беликов 82

Андрей Пучков

Добрая страшная сказка 89

Андрей Леонтьев 98

Сергей Максимов 101

Светлана Мель 106

Павел Веселовский

Качественный рывок 110

Андрей Кармолин 119

Станислав Феньков 125

СУДЬБЫ

Марат Валеев

Таёжный роман 130

АРКТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Сергей Смирнов

Что достанется белым медведям 140

КРАЕВЕДЕНИЕ

Ольга Небезикова

Снежная весна 175

Авторы 189

Пётр Коваленко

Мои стихи, как ножевые раны...

Мои стихи, как ножевые раны...

Поэт, член Союза писателей России Пётр Павлович Коваленко родился в Ужурском районе Красноярского края в день Петра и Павла — 12 июля 1923 года. Участник Великой Отечественной войны с первых её дней — отправился на фронт добровольцем прямо со школьной скамьи вместе со всей мужской частью своего класса. Закончил свою военную «карьеру» командиром роты разведчиков.

Его год рождения был самым убойным для той войны, и то, что Пётр Павлович выжил в этой мясорубке, «отсидеваясь» в окопах на передовой линии и частенько ходя в разведку и в атаки, а также будучи четырежды раненным (причём последнее ранение — тяжелейшее, в результате которого едва выжил после удаления более половины искромсанного кишечника) — иначе как чудом не назовёшь.

Вернувшись домой инвалидом второй группы, он всю жизнь прожил на маленькой станции Крутояр Ужурского района Красноярского края и сорок семь лет проработал на Красноярской железной дороге. Ветеран труда, имеет трудовые награды.

Всю послевоенную жизнь он прожил вместе с семьёй в деревянном домишке без всяких удобств, собственноручно таская воду, дрова и уголь, топя печь, копая свой огород, попутно ещё рыбача и охотясь — не ради развлечения, а чтобы иметь дополнительный прокорм для семьи. И то, что его природный поэтический талант пробил себе дорогу в профессиональную поэзию из полного творческого одиночества, из деревенской глуши, иначе как вторым чудом не назовёшь. Только это, скорее, уже не чудо, а результат многолетней, многотрудной каждодневной работы над собой.

Писать стихи и публиковать их в газетах он начал ещё со школьной скамьи, продолжил писать и публиковать их в военное время в армейских газетах, а после войны судьба подарила ему долгую и плодотворную творческую жизнь, в которой он успел полностью себя выразить, став одним из наиболее ярких поэтов-фронтовиков.

Для читателей он остался главным образом поэтом одной темы — военной. Да, она осталась для него самой значительной и по объёму, и по страстному душевному и поэтическому накалу: каждое стихотворение на эту тему — настоящий документ времени, написанный собственной кровью непосредственного свидетеля и прямого

участника великих страшных битв той войны. До конца жизни он как поэт так и остался на линии огня.

Однако палитра его лирики весьма разнообразна: есть у него и стихи о любви к женщине, и стихи со страстными объяснениями в любви и к большой Родине, и к Сибири, и к своей малой родине — Причудлымью.

Несмотря на вроде бы уединённую сельскую жизнь, он вёл активную воспитательно-патриотическую работу и в родном посёлке, и в Ужурском районе, выступая со своими стихами и воспоминаниями о войне в школах и библиотеках, а два последних года, живя в Красноярске, в уже весьма преклонном возрасте, — перед студентами вузов. Удивительно активным, страстным и неугомонным был этот человек, наш сибирский, красноярский поэт Пётр Коваленко.

* * *

Бабы веники вязали
И взахлёб судачили:
— Гляньте, Ольга в новой шали!
Что бы это значило?

Хороша краса-обнова.
Шаль — на диво! Шаль пухова.
Кисти веером — вразлёт...
По селу молва идёт.

Мчится чалый чистым полем.
Шёлком стелется трава.
От любви пьянеет Оля,
Поцелуи мнут слова...

Откипело бабье лето,
Отшумели веники,
Не на Оле, а на Свете
Мишка-хахаль женится.

Мчится чалый, словно ветер,
Зарябила синева.
От любви пьянеет Света,
Поцелуи мнут слова.

Хороша краса-обнова.
Шаль — на диво! Шаль пухова.
Кисти веером — вразлёт.
По селу молва идёт.

Ах, веники, веники!
Женихи-изменники!

ОКОПЫ — НАША КРЕПОСТЬ

Всю ночь, не разгибая спи́ны,
Мы долбим про́клятую глину.
Она, промёрзлая насквозь,
Тверда, как мамонтова кость.
А нам, солдатам, дан приказ:
«Копать! Копать,
Хоть кровь из глаз!»
И без приказа так понятно:
Спасение — в её объятых.
И мы стучим в земную твердь,
Чтоб победить шальную смерть.
Долбим —
 кто стоя, а кто лёжа...
С мозолями сползает кожа.
Атаки фрицев ждём с рассветом.
Окопы наши — наша крепость.

ЖАЖДА

Мы с тобой —
И кажется мне: больше
Ничего не надо на земле.
Нараспашку каждая нам роща,
Каждая калитка на селе.
Как светлы зареченские дали!
Как нарядны радуги в полях! —
Где прошли
И где мы не бывали
С негасимой жаждою в сердцах.
Я целую каждый подорожник,
Лютики, малютки-лепестки,
Где твои касались босоножки
И твои ступали сапоги.
Я склонюсь над каждою волною,
К каждому ручью и роднику.
Окунусь в запруду с головою,
В облака, в зелёную куту.
На заре аукнусь за рекою,
Радуюсь, рыдая и скорбя...
Я всегда, всегда, всегда с тобою,
Если даже рядом нет тебя.

КОРОСТЕЛЬ

Всю ночь в обгоревшей осоке
Скрипит коростель и скрипит.
Скупые солдатские строки
О всех написать он спешит.
О тех, кто в свинцовом угаре
Лежит на остывшей золе.
И молча седые Стожары
Над ними склонились к земле.
Ночь стелет туманы-пелёнки,
Качает траву-колыбель.
И пишет, скрипя, похоронки
Всю ночь, как штабист, коростель.

ВЕЧЕР В ЗИМОВЬЕ

Догорают в печи головёшки.
На столе оплывает свеча.
И лохматою лапой в окошке
Вьюга бьётся, скуля и рыча.

Как от стаи отставшая птица,
Крыша хлопает, силясь взлететь.
У двери кто-то фыркает, злится —
Знать, пожаловал в гости медведь.

А у столика белою свечкой
Тянет лапки ко мне горностаю.
Так вот с ним коротаю я вечер,
Попивая с брусникою чай.

МОИ СТИХИ

Во здравие и на помин души —
Мои стихи,
Как водка перед боем.
Когда прочтёшь,
Об этом сам реши.
Да будет так,
Как суждено судьбою...
Мои стихи,
Как ножевые раны,
Покоя днём и ночью не дают.
И без меня останутся, как знамя,
Что я пронёс, не уронив в бою.

ВЫСОТКА

Довольно, капитан,
Черкать двухвёрстку,
Высотку эту
Знаем я и ты.
Она, как кость,
У нас застряла в глотках
И многим захлестнула
Кровью рты.

Но нам её придётся снова брать.
Направо — топь,
Налево — лёд шугою.
Два капитана за полночь не спят.
Где, как рискнуть солдатскою судьбою?

Мы раскатали баню на плоты
И, прикрываясь берегом и льдами,
Нырнули в кипень бешеной волны,
Обняв друг друга стылыми руками.

Трещали льдины,
И трещали брёвна,
И нас бросало в ледяную муть.
Кого-то волны поднимали снова,
Кому-то в чёрной мути утонуть.

На полчаса опередив зарю,
Пробрались с тыла проклятой высоты,
И снежным валом — р-раз на немчуру!
Кого — под дых,
Кого взаимим — за глотки.

Потом я целый день,
Как ни старался,
Не мог разжать
Своих сведённых пальцев.

Сергей Кузнечихин

Учитель, перед именем твоим...

Среди моих знакомых случаются и состоятельные люди. Приятель, готовясь к пенсии, купил дом в деревне и пригласил похвастаться недвижимостью. Место живописное — на берегу большой реки, рядом с озером и сосновым бором. Вечером обмывали углы. Я искренне нахваливал пятистенки, может, даже немного завидовал. Утром вышел на зады и увидел забавную сцену. Два молоденьких бычка упёрлись лбами, не желая уступить дорогу. Телятки ясельного возраста, но уже упрямые и своенравные. Стоят, склонив шеи, на которых едва проглядывают недоразвитые, но напряжённые мышцы. Ни один из них не хочет сдаваться, но силы равные, и головы бычков медленно склонялись к земле, а когда ноздри упрямец защекотала трава, мирно принялись щипать её, забыв о стычке.

* * *

И всё-таки придётся начинать с Пашки, который всегда лез из кожи, чтобы не оставаться на вторых ролях. Он появился сразу после весенних каникул. Мы заканчивали девятый класс.

— Павел Михайлович Дронов, ударение на букву «фэ», третий взрослый разряд по футболу, — представился новичок.

Шёл урок литературы.

— Почему на букву «эф»? — удивилась Ганна Григорьевна. — Такого не может быть.

— У меня всё может быть, Вы потом удостоверитесь, — успокоил он, даже без намёка на улыбку.

— Как может быть ударение на согласную? Не понимаю, — потом покачала головой и неуверенно спросила: — Может, ты пошутил?

— Конечно, пошутил, извините, пожалуйста.

— Хорошо хоть извиниться догадался, — холодно сказала учительница.

Жило в Пашке какое-то звериное чутьё, он почти безошибочно угадывал, с кем можно вольничать, а с кем следует попридержаться языку. Не мог же он знать заранее, что Ганна Григорьевна не имеет авторитета не только в учительской, но и у школьников?

Белобрысый, с широкой ряшкой и глубоким шрамом на верхней губе, он был вызывающе некрасив, спасали разве что высокий рост и, опять же, кошачья гибкость движений.

С неделю он присматривался к одноклассникам, но в гости к себе первым позвал почему-то меня. Учился я неплохо, но учителя никогда

не ставили меня в пример другим, потому что постоянно ждали от меня какого-нибудь подвоха. В отличники не лез, но знал многое из того, что не входило в школьную программу, и, что греха таить, любил щегольнуть этим.

Отец Пашки работал начальником пожарной охраны, мать — продавщицей в хлебном магазине. Когда я пришёл, родителей дома не было. Пашка открыл кладовку и достал охотничью двустволку.

— Полюбуйся, трофейное, настоящий «зимсон», между прочим, из коллекции самого Геринга.

— Так уж и Геринга?

— Батя говорит, что из коллекции.

Пашка сделал вид, что собирается передать ружьё, но неожиданно отступил на пару шагов и направил его в мою сторону. Выстрел сада-нул оглушающе громко. Я даже испугаться не успел, так и застыл с протянутой рукой, которой собирался взять ружьё.

— А ты молодец, — засмеялся он. — Я думал, что в штаны с перепугу надедаешь.

Не сразу понял, что произошло. Уши заложило. Я закричал:

— В морду захотел за такие шутки?!

— Ничего страшного, в патроне только капсюль, без пороха.

— А почему так громко?

— Так в комнате стоим. Звуку некуда деваться. Но ты всё равно молодец, выдержал проверку!

— Ещё одна такая проверка — и по роже схлопочешь.

— Не боишься, что сдача замучает?

Я сказал просто так, без каких-то серьёзных предупреждений, да и Пашка вроде как отшучивался, но посмотрел на меня довольно-таки пристально.

Потом он показывал ордена и медали отца, который на фронте служил командиром разведроты. У моего отца имелось всего две медали, а у Пашкиного — целая россыпь. Пашка протянул мне медаль «За отвагу».

— За неё меня два раза выпороли. В шестом классе учился и, чтобы играть в пристенок, отпилил напильником ушко, которым она к колодке крепилась. Батя увидел, разбушевался, я ни разу его таким злым не видел. Какими только словами не обзывал меня. Щенок, мол, не понимаю, какой кровью она досталась ему, но в основном матом крыл. И главное — по трезвости. Неделю присесть не мог. Медаль спрятал от меня в нагрудный карман гимнастёрки, а потом она снова попалась ему на глаза, но уже пьяному, да, видимо, забыл, что отлупил меня, и выдал повторную порцию. Теперь уже заросло, а то бы показал.

— Правильно сделал, что всыпал. «За отвагу» — самая почётная медаль.

— Теперь-то я понимаю, что это не за город Будапешт или за взятие Берлина, которые раздавали чуть ли не каждому, кто до Берлина дошёл.

— А ружьё? Серьёзно, что ли, из коллекции Геринга?

— Батя по пьяни проговорился, уверял, что оно бешеных денег стоит, но на другой день сказал, что пошутил, и велел никому про него не рассказывать. Он его сначала под диван прятал, потом в чуланку перенёс, туда, где рабочая одежда свалена. Только ты смотри не проболтайся. Батя боится, что его украдут. На прежней работе директор предприятия хотел купить ружьё, но батя отказался, хранит как память, а ведь мог бы и пропить, на охоту всё равно не ходит: какой из него теперь охотник? Обещает подарить мне на свадьбу.

К концу года мы стали лучшими друзьями, а в десятом классе заняли одну парту. Первую.

Друзья-то друзья, но Пашку постоянно тянуло доказать, что он первый. Наверное, потому, что учился хуже меня. Свои футбольные таланты он продемонстрировал ещё весной, показал, как долго может чеканить мяч, исполнил знаменитый финт Месхи на глазах у капитана взрослой команды, и тот взял его в основной состав. Я играл намного хуже и спокойно мирился с этим. Пашка знал, что я сильнее, видел, как жонглирую двухпудовкой, но ему хотелось доказать, что в драке он не уступит. Я никогда не был драчуном, привычнее было разнимать чужие потасовки. Однако Пашке хотелось, чтобы начал именно я. Он постоянно нарывался на ссору — то шуточку обидную отпустит, то якобы нечаянно толкнёт. Потом он признался, что, обозвав меня лаптем турбогенераторным, был уверен, что я обязательно вызову его к водокачке, возле которой проходили все школьные поединки «один на один». И всё-таки пришлось вызывать ему. Повод нашёл самый невинный. Я заметил, что он засмотрелся на голубиную пару на подоконнике, подставил палец к его щеке и окликнул. Он повернул голову и напоролся на мой палец. Такие глупые шуточки мы позволяли себе чуть ли не каждый день, но Пашка сделал вид, что сильно обиделся, ткнул меня в бок и заявил, что после уроков ждёт меня за водокачкой. Не отказываться же! Неправильно поймут. Виталя Селезнёв увязался с нами в качестве секунданта. Пашка не любил Виталя за то, что он учился лучше всех и был комсоргом класса, поэтому был уверен, что в критический момент Виталя встанет на мою сторону. Но само подозрение, что ему, возможно, придётся драться против двоих, его возбуждало, а не пугало. По дороге Виталя пытался примирить нас, отговаривал драться из-за нелепой шутки, но Пашка его не слушал. Шёл, глядя под ноги, и сопел.

Дошли до места. Встали друг против друга. Молчим. Ждём. Он вызвал, ему и начинать. Виталя продолжает уговаривать помириться. Пашка ударил меня в плечо. Не ударил даже, а толкнул. Я ответил тем же. И тогда он ударил по-настоящему. Кулак летел в лицо, но я успел отклониться. Мой ответный удар скользнул по его уху. Мы прыгали, раскачивались, изображая опытных боксёров. Большинство ударов уходило в воздух. И всё-таки пару раз мне прилетело в подбородок, и довольно-таки чувствительно. Реакция у Пашки была лучше, чем

у меня, но я исхитрился разбить ему нос. Удар пришёлся вскользь, но кровь потекла. Виталья крикнул:

— Брейк.

По неписаному кодексу, такие поединки велись до первой крови.

Пашка стоял, запрокинув голову, и бормотал:

— Теперь ты знаешь, что я не боюсь тебя.

— Я давно это знал.

* * *

Нина, а для кого-то и Нина Сергеевна, потому как преподавала географию в поселковой школе, воспитывалась в нашем доме и приходилась мне двоюродной сестрой.

Родителей у неё убили бандиты. Потом она рассказывала мне. Мать была беременная и потому нервная. Они поссорились из-за какой-то ерунды, и она, обиженная, ушла спать в сенцы. Бандиты постучались поздно вечером, сказали, что из милиции. Отец открыл дверь, и сразу началась драка. Услышав крики, Нина выскочила из сеней и побежала в соседний дом за помощью. Шёл дождь. Она поскользнулась и оказалась в какой-то канаве, попыталась подняться, но нога нестерпимо болела. Сделала шаг и снова упала. Стала кричать, но её никто не услышал. Кое-как доползла до крыльца соседей, а подняться смогла только на колени. Стучала, кричала, но окна, закрытые ставнями, так и не засветились. Нашли её только утром. Сняли грязную одежду, уложили в кровать. Потом ей сказали, что родителей нашли мёртвыми на полу, их зарезали. Вещи были разбросаны. Ящики комода валялись вверх дном. Отца перед смертью сильно били — видимо, допытывались, где спрятаны деньги и драгоценности. Отец работал завмагом, и бандиты были уверены, что где-то что-то обязательно припрятано. Было ли? Нина не знала. И милиция ничего не нашла.

Моего отца вызвали телеграммой. Мать недолюбливала младшую сестру. Может быть, завидовала её красоте и умению устроиться в жизни. Ещё бы — вышла замуж за богатого вдовца и каталась как сыр в масле. Жили не очень далеко, но мать не видела сестру со времени отъезда на посёлок. Отец, правда, заезжал к ним, когда бывал в командировках, и уважал свояка. С похорон отец вернулся через неделю, с двенадцатилетней девочкой на костылях. Синюю кофту, забрызганную кровью, и юбку привёз для матери, а для себя — поношенные галифе. Грех, конечно, надевать после покойников, но времена стояли нещепетильные. Наряды Нининой матери и остальную одежду бандиты унесли с собой. Не знаю, как восприняла матушка чужого ребёнка в семье, но не отдавать же перепуганную девочку в детдом? Главной фигурой в этой головоломке оказался я. Старший брат давно просился отпустить его в техникум. Мать работала дежурной медсестрой, крутилась из последних сил между больницей и четырёхлетним ребёнком. В особо сложные моменты, пусть и без особого желания, выручал

брат Димка или даже отец. И тут случился подарок судьбы. Жестокий, но своевременный. В доме появилась нянька. Брат уехал учиться и освободил ей кровать, а в каникулы уходил ночевать на сеновал.

Сначала Нина была моей нянькой, потом заменяла старшую сестру и лучшего друга. Окончив школу, она стала работать пионервожатой и сразу же поступила в институт на заочный.

Она была хорошей вожатой. Даже рутинные пионерские линейки проводила вдохновенно, и на её звонкий призыв: «За дело Ленина и Коммунистической партии будьте готовы!» — мы с искренним восторгом кричали: «Всегда готовы!» При ней в школе появился кружок «Умелые руки», где поселковые девчонки учились стряпать и делать мороженое, которое в наше захолустье никогда не привозили. До неё не было и тимуровского движения, а Нина предложила, и у неё получилось. Мальчишки помогали старикам напилить дров. Девчонки приходили помыть полы. Не знаю, требовалось ли хозяйкам перемыть после них, но забота и старательность умиляли старушек, и они открывали свои комоды и доставали припрятанные конфеты. У старушек мыли с энтузиазмом, а дома чуть ли не со скандалом. И нас, пацанов, заставить работать у себя дома было не просто. Умела она как-то настроить юных пионеров на добрые дела. В пионерской комнате после уроков кучки ребят постоянно о чём-то спорили, что-то осуждали и даже ругались. Кстати, при очередной пионервожатой тимуровское движение незаметно заглохло.

Самым важным для Нины были хлопоты по организации пионерского костра. Она относилась к нему как к любимому празднику. Место для костра выбрали ещё до неё — большая поляна за железной дорогой. Под её руководством и присмотром физрука на середине поляны вкапывали высокий кол, и вокруг него ребятня выкладывала пирамиду из сухих веток и хвороста. Главным изобретением Нины были соревнования за право зажечь костёр. В зачёт соревнования шли баллы за сдачу макулатуры, металлолома, аптечной посуды и золы — для этого она завела специальную тетрадку. В торжественной обстановке объявляла имя победителя и вручала ему коробок спичек. Когда костёр разгорался, внутри него начинали стрелять подброшенные тайком и заранее куски шифера. Услышав стрельбу, девчонки начинали визжать, а Нина высматривала какого-нибудь шпанистого пацана и с деланной строгостью грозилась ему пальцем. Вроде как собиралась наказать, но никаких воспитательных бесед не проводила, потому что без этой стрельбы костёр был намного скучнее. Иногда этим шпанистым пацаном оказывался я. Она знала это наверняка. Посмеиваясь и заверяя, что не выдаст, предлагала покаяться. Я признавался, но не каялся.

Наши отношения усложнились, когда её после института перевели в преподаватели. Я вёл себя не всегда правильно, особенно в старших классах. Случалось, что она приходила с работы и выговаривала:

— Мне в учительскую страшно заходить, сразу начинаются жалобы на твои выходки. Неужели нельзя вести себя как нормальные люди?

Какой-то бес постоянно подталкивал меня дерзить учителям и задавать им неудобные вопросы. Больше всех доставалось учительнице литературы. Нервная старая дева, живущая с пожилой матерью, часто срывалась на крик и безжалостно ставила в угол. Когда выгоняют из класса, всё-таки проще, а стоять в углу — тяжёлая и позорная пытка. На одном из её уроков я, как любознательный, но вредный ученик, спросил: — Ганна Григорьевна, а правда, что жена писателя Козьмы Прутковки издала мемуары намного скандальнее, чем любовница Некрасова Авдотья Панаева?

Она сказала, что не помнит, и пообещала узнать. Спросила в учительской, и её подняли на смех, объяснили, что Прутков — псевдоним четырёх писателей и жены у него быть не могло. Она в слёзы. А дома мне выговаривают:

— Да откуда ей знать? Под оккупацией росла. Институт после войны заканчивала. Тогда не только студенты, но и профессора голодали. Лишь бы программу освоить, не до тонкостей было. И вообще, некрасиво хвастаться своей начитанностью.

Нина была умнее и добрее меня. Так ведь и я не был злым и жестоким. Просто она не понимала, что глупому подростку постоянно мнилось: если родственница работает в школе, значит, одноклассники думают, что он на особом положении. Все свои выходки я считал смелостью, а на самом деле это была обыкновенная трусость. Боялся, что посчитают, будто и отметки ставят мне по блату, потому и придумывал разные глупости. Особенно участились они после появления Пашки. Зачем-то поспорил с ним, что перепрыгну через техничку, пока она подкладывает в печку дрова. Выждал, когда она наклонится, разбежался и прыгнул, но тётяшка неожиданно стала выпрямлять спину, я зацепился ногой за неё. Техничку не ушиб, отделалась лёгким испугом, а сам шмякнулся мордой об пол и разбил нос. Нина показывала на пятно моей крови и упрекала, что я разбил лицо пожилой женщине.

До родителей мои приключения не доходили. Нина стыдила меня с глазу на глаз. Стыдила, упрасивала, но не ябедничала.

* * *

Мне кажется, что когда меня привели в первый класс, Вера Никифоровна уже была завучем и уже тогда за глаза её называли Буйволом. Кто придумал кличку — коллеги или ученики, никто не помнил. Скорее всего, учителя, потому что у школьников, за редким исключением, не случалось повода почувствовать мощь её характера, и внешне она не соответствовала грозной кличке — невысокого роста, сухощавая и безгрудая. Сравнение хрупкой женщины с могучим животным могло показаться издевательством, но никому этого почему-то не казалось, воспринимали как должное. Я ни разу не видел её в платье. Она

постоянно ходила в жакетах серого цвета, которые меняла к началу учебного года, а кофточки чередовала чуть ли не каждый день, но все были однотонные и глухие.

Если случались субботники или поездки с шефской помощью в колхоз, она отправлялась вместе со всеми и работала с азартом, так что волынить при ней было стыдно и нам, и учителям. Она мне напоминала комиссара времён Гражданской войны, которых показывали в кино.

Не знаю, чем заслужила Нина особое отношение к себе, но Вера Никифоровна опекала её с первых дней. Именно она посоветовала юной пионервожатой не тратить время на мечтательные раздумья о медицине и поступать в педагогический. Даже специальность подсказала — учитель географии. Математика — наука серьёзная и нужная, но не всем даётся, а вдалбливать её законам неспособным оболтусам — работа адская и неблагодарная, придётся постоянно тянуть за уши отстающих и получать нагоняи на педсовете — процедура малоприятная. Русский язык и литература усваиваются проще, но там тяжеленные сумки с тетрадями, из которых вечера напролёт придётся выковыривать ошибки. Зато в географии никаких теорем и никакого правописания. Остаётся только увлечь своими рассказами. Даже самых отпетых лоботрясов можно заразить страстью путешествовать по карте и знакомиться с экзотикой дальних стран.

Все эти доводы Нина выкладывала моему отцу, выдавая вроде как за собственные соображения, но характерные словечки Буйвола постоянно мелькали в её разговорах. Интонация, манера говорить, жесты выдавали, от кого они привиты, хотя сама будущая географичка этого не замечала.

Ежегодную заготовку дров для школы проводили зимой, когда застынут дороги. От нас требовалось вывезти срезанный специальной машиной березняк. На работу брали добровольцев из крепких старшекласников, чаще всего четверых, и они под руководством завхоза ехали в лес на тракторе. Работа была несложная: обрубить ветви и хвосты сваленных деревьев и погрузить брёвна в сани. Первый раз я поехал на заготовку ещё в девятом классе. На следующий год сагитировал Пашку. Он, не раздумывая, согласился отдохнуть от нудных уроков и заработать прощение за прошлые и будущие грешки. У меня был какой-то опыт, понимал, что от нас требуется, работал толково и с удовольствием, но не я, а Пашка вёл себя как бригадир. К концу погрузки он даже покрикивать начал. Я посмеивался про себя, но подчинялся. Трудились два дня. Потом всю бригаду вызвали в учительскую. Пашка решил, что нам выдадут почётные грамоты. Вместо грамот нам вручили справки, что мы пропустили два учебных дня по уважительной причине, потому как ездили в лес заготавливать дрова для школы. В первый раз от меня такой справки не

требовалось. Решил, что в школе заводят новые порядки. Расписался и забыл. Мог бы и не вспомнить никогда, но через какое-то время директора школы перевели в другой район. Причину перевода я узнал от Нины; впрочем, об этом знали и в конторе предприятия. Отец объяснил матери нехитрый механизм махинации. Заготовка дров оплачивалась предприятием, а директор с завхозом использовали нас как бесплатную рабочую силу. Кстати, выплыли не только наши справки, кто-то подсуетился и собрал такие же у старших парней, которые после школы остались в посёлке. Отыскали ещё какие-то нарушения. Обратили внимание даже на то, что школьников отвлекали от учебного процесса. На вопрос, кто это организовал, моя мать без колебания назвала Буйвола.

— Больше никому, — согласился отец, — захотелось самой в его кресло. — У тебя одно на уме: каждый мечтает стать начальником, — а зачем ей это? Она и при Иван Иваныче всей школой командовала. Тут что-то другое задумано.

— Какое другое, когда всё понятно?

— Тебе понятно, а я пока не знаю, но это обязательно выплывет.

— Да как вам не стыдно обвинять порядочную женщину в интриганстве?! — вступилась Нина. — Вера Никифоровна — кристальной души человек!

Мать не знала, что «кристальная душа» — словечко из лексикона Буйвола, но всё равно отмахнулась от заступницы:

— Молодая ещё, чтобы в людях разбираться.

— Пусть и не метила в кресло директора, но Иван Иваныча можно понять. У него две дочери, одна в институте учится, и вторая модница. На голую зарплату не проживёшь. Хотя сам уже десять лет на партсобрания ходит в одном костюме. А мужик он добрый, — примиряюще сказал отец.

— На добрых и отыгрываются.

Ивана Ивановича обвинили в использовании труда несовершеннолетних и присвоении государственных денег, которые он обязан выплатить. Кляузу написал пьяница-завхоз и за чистосердечное признание отделался выговором. Новый директор, Дмитрий Дмитриевич Пирогов, работал в городской школе. Фронтвик, выпускник московского института, коммунист — что его соблазнило на переезд в заштатный посёлок?! В городе у него остались жена и двое детей. Надолго ли приехал? Никто не знал. Большинство сплетен сходилась на том, что мужик набедокурил и вынужден отсидеться в тихом местечке. Догадками мучились учителя. Нас они не волновали. Пашка пошутил:

— На место Ивана Ивановича пришёл Дмитрий Дмитриевич. Значит, следующим директором мне не быть, потому что я Павел Михайлович. Отчество менять я не собираюсь, придётся придумывать что-нибудь оригинальное.

* * *

При нашей репутации мы с Пашкой должны были восседать на «камчатке», а мы заняли первую парту, напротив учительского стола.

Новую немку привела в класс Буйвол, сказала, что зовут её Зинаида Георгиевна, отец её, майор танковых войск, долго служил в Германии, немецким языком она владеет не хуже, чем русским, и по привычке дала житейский совет: дескать, жизнь впереди длинная, никто не предполагает, какие знания могут пригодиться, поэтому надо отнестись к её урокам с максимальной серьёзностью. По-матерински ласково потрепала коллегу по плечу и вышла из класса. Молодая учительница не успела сесть за стол, а Пашка уже шепнул мне:

— А она ничего.

Шепнул достаточно громко, чтобы она услышала.

— Ничего особенного.

Моя реплика тоже дошла до неё. Она шагнула к нашей парте и поставила ногу на сиденье рядом с Пашкой.

— У меня в придачу к другим достоинствам и колени точёные. Полюбовались? И вон из класса. Оба.

Мы переглянулись и безропотно вышли. Чтобы не светиться в коридоре, спустились к волейбольной площадке.

— Зря ты начал, — сказал я.

— Понимаю, но как-то само собой сорвалось. Давай в подкидного сыграем? У меня карты в кармане.

Играли без азарта. Каждый гадал, чем закончится выходка. А чем должно закончиться? Жалобой Буйволу и приводом в учительскую. Но, на удивление, обошлось. Немка остановила нас в коридоре и, как будто ничего не случилось, попросила:

— Я вижу, вы ребята крепкие, помогите принести чемоданы с вокзала. Не в службу, а в дружбу, — и заговорщицки улыбнулась.

Мы даже растерялись. Готовились к разносу, а получили предложение дружить.

— А когда надо? — первым среагировал Пашка.

Всё-таки чувствовал свою вину.

— Сегодня после уроков, а то они уже три дня там стоят, неудобно перед кассиром. Камеры хранения у вас нет.

— Мы и прогулять можем, — геройствовал Пашка.

— Нет, мальчишки, прогуливать нельзя. Не забывайте, что я педагог.

— Не обращайтесь внимания, он любит к учителям подлизываться, — не совсем безобидно пошутил я.

Все наши разговоры редко обходились без колкостей.

— Я это сразу поняла, потому и обратилась к вам.

После звонка мы ждали её на выходе из учительской. Не возле двери, а чуть в сторонке, чтобы никто из одноклассников ничего не заподозрил и не напросился в помощники.

От школы до вокзала было около километра. Она шла медленно, и нам приходилось укорачивать шаги.

— Дорогие мальчики, не хочу заставлять вас притворяться, поэтому не спрашиваю, как вы относитесь к изучению иностранных языков. «Я немецкий не учу, потому что не хочу. И зачем в стране советской изучать язык немецкий?» — когда-нибудь поймёте всю глупость этого стишка. Но, может, поделитесь, как с другими предметами уживаетесь: с математикой, с физикой? Должна же я знать, кого в гости приглашаю.

— Это Костя у нас Лобановский.

— А кто такой Лобановский?

— Лобачевский, хотел сказать, который математик, а Лобановский — это я, потому что «сухой лист» умею подавать. Я уже за взрослую команду играю.

— А кроме физкультуры, другие предметы не интересуют?

— Историю люблю, читаю много. Мы с Костей журнал «Юность» постоянно в библиотеке берём.

— Историю любишь, потому что Вера Никифоровна ведёт?

— Почему обязательно Вера Никифоровна? — заподозрив подвох, возмутился Пашка. — Мне самому интересно, а она очень много знает и объяснить умеет. Знаете, сколько великих людей было, сколько героев и авантюристов?

— Авантюристов, как я поняла, ты уважаешь. А Вера Никифоровна очень строгая?

— Строгая, но справедливая. Кто-то боится её, а я вроде не очень, и Костя тоже.

— Но таких фортелей, как на моём уроке, не позволяете?

— Извините! Больше не будем. Честное слово.

— Ладно, на первый раз прощаю.

На вокзале нас ждали два чемодана. Она указала Пашке на тот, что поменьше.

— Это для нашего спортсмена, там книги, источник знаний.

Я потом попробовал поднять, в нём было не меньше десяти кило. Пашка пыхтел, но отдыха не запрашивал, только руки менял всё чаще и чаще.

Уже в коридоре Дома приезжих пальцы у него разогнулись, и чемодан громко упал на пол. А ведь мог свой груз перевести на меня, сказав, что я занимаюсь гириями. Промолчал.

Её поселили в угловую комнату, возле запасного выхода. Чемодан с книгами она задвинула под кровать, а из того, что с одеждой, достала бутылку красного вина.

— Будем новоселье справлять?

Мы удивлённо молчали.

— Значит, не будем. Рано вам ещё.

— Да я уже пробовал, — похвастался Пашка.

— Не сомневаюсь. Но не бойся, Вере Никифоровне ябедничать не стану. А пока спасибо и до свидания. Мне ещё в барахле своём весь вечер разбираться.

В коридоре Дома приезжих Пашка ткнул меня в бок и сказал шёпотом, чтобы никто не услышал, хотя в коридоре никого не было: — Шикарное приключение. Такой училки я ещё не встречал. Может, потому что в Германии выросла?

— Может и так, насмотрелась на офицерских жён. Я был уверен, что к Буйволу поведут.

— И на меня наверняка злился.

— Не то чтобы злился...

— Да ладно, мы же с тобой друзья.

* * *

Я поздний ребёнок, поэтому никогда не видел у родителей проявлений нежности. Мать вообще редко показывала свои чувства, но высказывать своё мнение никогда не стеснялась. Она и в больнице вела себя независимо, но больше всего доставалось отцу. Не знаю, откуда в ней неженская суровость — может, с рождения, а может, и с юности, проведённой в военных госпиталях. Но ведь случались и тёплые дни, когда, например, к ней в палату привели молоденького синеглазого солдатика, раненного аж на Халхин-Голе. Солдатик и повоевать-то не успел, получил тяжёлое осколочное ранение в левую руку. Ранагноилась, и долечиваться отправили в тыл. Выходила терпеливая медсестра. Попутно выяснилось, что они земляки. От его деревни до её деревни всего около сорока вёрст. И случилась на холодном сердце медсестры неожиданная проталина. А потом её и на солёненькое потянуло. Старший мой брат Дима родился перед войной. Отца призвали в сорок первом, но на передовую он не попал. Ещё в военкомате у него обнаружился чёткий каллиграфический почерк, и всю войну он просидел в писарях. Если начальник получал новое назначение, он требовал, чтобы писарь остался при нём. Оттого и война затянулась для отца до сорок восьмого. После демобилизации он поехал в строящийся посёлок на торфоразработках, где работал главным механиком его давно комиссованный командир. Мать в это время жила у младшей сестры. Дом был богатый, и сестра предложила не устраиваться в больницу, а помогать ей по хозяйству, но моя гордая мамаша на предложение стать домработницей обиделась и, как только отец устроился, потребовала, чтобы забрал её и Димку. Отец приехал, познакомился со свояком и очень ему понравился. Сели вечером выпивать, и тот предложил ему не тащиться на грязную новостройку, а остаться у них в городе. Заверил, что при его связях легко найдёт приличную работу для фронтовика.

Отец соблазнился, но когда утром попытался передать разговор матери, она, не дослушав, ушла собирать вещи. Что накипело в душе

у неё — она не распространялась: уезжаем, и всё. Мне кажется, вовсе не обязательно, что приютившая её сестра назойливо показывала себя хозяйкой дома, просто матери, с её независимым характером, трудно смириться с положением приживалки. Могли, конечно, и обидеть, но могла и сама выдумать мнимую обиду. И таких мнимых обид, которые таила в себе, у неё накопилось больше, чем достаточно одной женщине. Уже будучи взрослым мужиком, я подумал, что ещё до появления раненого отца у неё стряслась трагическая любовь с каким-нибудь самовлюблённым хирургом. Это в кино они сутками не отходят от стола, а в жизни, даже на войне, находится время на соблазнение молоденьких доверчивых медсестёр.

Мать ничего не рассказывала о том времени. А отец никогда не ревновал её к прошлому. Зато мать ревновала его ко всем. Она была старше его. Какое-то время он работал вербовщиком. Ездил по мордовским и татарским деревням и уговаривал молодых девок на сезонные работы. Не знаю, что он им сулил, только нищенские и бесправные деревни в конце пятидесятых были рады любой возможности заработать хоть какие-то деньги. Молоденькие вербованные использовались на подсобных работах и укладке временных узкоколеек. Платили им гроши, но они радовались и этому. Разъезды отца начинались осенью. К началу сезона он привозил партию вербованных, расселял их в барак на окраине посёлка и уезжал за следующими. Мать была уверена, что он охмурял их ещё в дороге, потому как если бы бегал к ним в барак, то обязательно появились бы сплетни. А их не было. Ревновала она и к поселковым бабёнкам. Вовсе не обязательно было застучать с поличным или услышать от медсестёр, что твой мужик с кем-то любезничал на улице, а он со многими любезничал, потому что характер такой. Но если завёлся червячок недоверия, вытравить его невозможно.

Отца я любил, но чувства гордости за него, к сожалению, не было. Пашкин отец сильно выпивал, но Пашка гордился его боевым прошлым, забывая, что в детстве частенько получал от него ремня и порою приходилось чуть ли не на себе нести его домой. Меня отец ни разу не ударил. Он был очень мягким, но его мягкость и терпимость иногда казались мне угодливостью и трусостью. И мать они постоянно раздражали. Не знаю, может она и не любила его никогда.

Мне было лет десять-двенадцать. Отец задержался. Рабочий день давно кончился, и мать занервничала, велела идти в контору и передать, чтобы срочно возвращался, потому что на кухне искрит розетка, а надо жарить картошку. В то время он работал начальником отдела кадров. Когда я пришёл, планёрка ещё не кончилась. Стою, жду. Пустой коридор без единого стула, и я присел на противопожарный ящик с песком. Сидеть на нём было неудобно, в спину упирались лопата с багром. За день я успел набегаться и настудиться, а в коридоре не просто тепло, даже душно. От скуки и усталости я не заметил, как задремал и уже сонный сполз с покато́й крышки на пол. Спать,

выпрямив спину и вытянув ноги, намного удобнее. Когда планёрка закончилась, всё конторское начальство вывалило в коридор и обнаружило мальчишку, лежащего на полу.

Дома отец ругался на мать:

— Ты чего меня позоришь, дура? Зачем парня послала? Следить, чтобы я не спутался ни с кем? Да с кем там путаться? Главбухша увидела ребёнка, валяющегося на полу, — чуть не очоурилась с перепугу, подумала, что мёртвый.

Мать, поняв, что поставила мужа в неудобную ситуацию, неуверенно, что с ней редко случалось, пробовала оправдаться:

— Так ведь картошки к твоему приходу собралась пожарить, а розетка искрит.

— Знаю я твою розетку. Показывай, где искрит.

Отец редко кричал на мать. Ему удобнее было промолчать, а её претензии пропустить мимо ушей. С ума сойти можно, если всерьёз воспринимать все её упрёки. Но мне повезло видеть её благодушной. Застал, как любитесь она веточкой с красными кленовыми листьями. Веточка была берёзовая, а засушенные с осени листья были прикреплены к ней пластилином. Нина выставила её среди зимы. Мать увидела и обомлела:

— Нинк, ну ты и мастерица, надо же так ловко придумать.

Нине бы промолчать, а она, простая душа, призналась, что это Вера Никифоровна подсказала ей. И лицо матери сразу потускнело.

Нога срослась не очень удачно. Перелом оказался сложным для допотопной поселковой медицины, и Нина прихрамывала. На людях она казалась весёлой хохотуньей, но случалось, что смех её внезапно обрывался, Нина замолкала и выключалась из разговора.

Зимой, на праздники, в клубе устраивали танцы, а летом на «пятачке» крутили пластинки каждую субботу. Нина стеснялась ходить на танцы. На мой взгляд, прихрамывала она не очень сильно, зато сама считала себя хромой. И не стеснялась меня, и учеников своих не стеснялась. Но отважиться пойти на танцы не могла.

В нашей амбулатории работала горбунья Татьяна Лагутина, примерно её возраста. Чтобы горб не бросался в глаза, Наталья накидывала на плечи яркую цветастую шаль. Танцулек она не пропускала и не скучала сироткой, прячась за спинами красавиц. Приглашали, любезничали и даже до дома провожали. Так Нина, по сравнению с ней, была красавицей. Однако поселковые парни не заглядывались на неё и не набивались в ухажёры. Почему? Я не мог понять. Открытая, добрая, улыбчивая, безобидная, умеющая выслушать и понять, Нина нравилась всем. Нравилась, но не более. И только потом, когда появился кое-какой опыт, я понял, что её жалели. Серьёзных чувств у поселковых женихов к хромоножке не возникало, а соблазнить

и бросить не позволяла совесть. Может, у какого-нибудь придурка и вскипало хмельное желание, но посёлок-то маленький, после такой донжуанской победы стыда не оберёшься, да и заступники могут объявиться и поколотить за то, что обидел хорошую девушку. Благо-родство пока ещё не успело выветриться.

А возраст девушки уже настойчиво требовал любви.

Как-то вечером сидели на диване и слушали с Ниной радио. Пела её любимая Эдита Пьеха. Я, из постоянной своей поперечности, сморозил очередной несуразный комментарий. Сестра замахнулась, чтобы шлёпнуть меня, но я перехватил руку, и мы повалились на диван. Она оказалась лежащей на мне и, смеясь, требовала, чтобы я извинился. Я упорствовал. Она продолжала настаивать. Пока мы барахтались, её грудь несколько раз оказывалась в моей руке, но её это не смущало, она громко смеялась, даже взвизгивала. Дыхание участилось. Я слышал, как громко бьётся её сердце. Борьба длилась долго. Она могла бы оборвать её, вырваться из моих рук или просто столкнуть меня с дивана на пол, но не делала этого, продолжала дразнить меня, тискать и щекотать. Даже по лицу ладонью шлёпнула. И смеялась каким-то незнакомым смехом. Потом резко оттолкнулась, встала, обозвала меня дураком и ушла в другую комнату приводить себя в порядок.

Вечером, когда сели ужинать, Нина, искоса поглядывая на меня, загадочно объявила:

— А ребёнок-то наш взрослеет. Парнем становится.

Старики не обратили внимания на её слова. Расшифровывать Нина не стала.

А у меня появились какие-то смутные предчувствия.

* * *

Иногда Вера Никифоровна заглядывала к нам в гости. Сначала редко, но, проводив дочь в институт, зачастила, скучно стало в пустой квартире. С другими учителями близкой дружбы не заводила, привыкла держать дистанцию с подчинёнными, а Нина так и осталась для неё пионервожатой, над которой в юности взяла шефство. Забегала, если шла мимо. Долго не засиживалась. Но как-то пришла и достала из сумочки коробку конфет.

— Вот, из города привезли благодарные родители, первый раз такую красоту вижу, решила похвастаться. А не попить ли с ними чайку?

Мать хотела усадить гостью на кухне, но отец велел накрывать стол в передней. Меня на чаепитие не позвали, но я не обиделся, даже рад был сбежать на улицу к друзьям. Подробности посиделок я узнал из разговора матери с отцом. Обсуждали визит, когда Нина ушла провожать гостью. Мы в то время держали корову. У матери было человек пять постоянных покупателей. Когда Вера Никифоровна собралась уходить, отец протянул ей литровую банку молока. Она спросила, сколько должна за неё, но отец от денег отказался.

— А чего это она дурой прикидывается, будто не знает, сколько стоит молоко? — возмущалась мать.

— Да ладно тебе, не обеднеем. Она с шоколадными конфетами пришла. И Нинке постоянно помогает.

— А чего ей помогать? Девка умная, уроки свои знает не хуже её.

— В школе бабий коллектив, между учителями постоянные склоки — похлеще, чем в больнице, а у Веры Никифоровны авторитет. Нинка за ней как за каменной стеной.

— Да всё я понимаю. С чего это она вдруг нахваливать её стала? И умница, и красавица, и волосы как золотой водопад, а в девках засиделась. Удивляется, видите ли, куда мужики смотрят. Намёки какие-то непонятные.

— Какие намёки?

— Такие. Будто я не замечаю, что она тебе глазки строит.

— Кто? Вера Никифоровна?

— Нинка наша.

— С ума баба сошла! Она мне как дочь.

— Дочь, да не в точь.

— Сама выдумала, или кто-то подсказал?

— А что я, слепая, по-твоему?

— Сейчас она вернётся, и будем разбираться.

— Вот ещё, позору мне не хватало.

Потом голоса притихли — видимо, спохватились, что я слышу их из комнаты. Спор оборвался, но наверняка продолжился в другом месте, без свидетелей.

Нина вернулась и сказала, что Вера Никифоровна попросила её договориться о молоке, но не бесплатно. Чтобы не утруждать мать, она сама будет его относить. И носила, засиживаясь у старшей подруги. Я подозреваю, что никаких денег она не брала и отдавала матери свои. В общем-то, зарплату она всегда отдавала в семью, но какую-то часть оставляла на свои дамские потребности. С молоком Нина уходила под вечер, но в гостях засиживалась долго. Там было интереснее, а может, и почувствовала ревнивые взгляды матушки.

В скором времени она заговорила о переезде в соседний райцентр, где ей сразу дают квартиру. Похлопотала за неё, разумеется, Вера Никифоровна, у которой там работала директором школы бывшая однокурсница. Сложилась удачная ситуация. Тамошняя географичка вышла замуж за военного, которого перевели служить в Прибалтику. Замены нет, поэтому и квартиру сразу дают.

Мои стали отговаривать. Особенно старалась мать — видимо, чувствовала вину за глупую вспышку ревности. Уговаривала искренне. Да и привыкли уже, давно стали одной семьёй. Отец помалкивал, боялся, чтобы не сказать ничего лишнего, но было видно, что ему жалко расставаться.

Нина отшучивалась, что надо когда-то начинать самостоятельную жизнь. Обещала навещать, благо что до райцентра всего тридцать километров — две остановки на пригородном поезде, который ходит два раза в день.

Отец был уверен, что не обошлось без настоятельных советов наставницы, но не понимал, зачем это ей.

Я, пожалуй, больше всех жалел, что Нина уезжает. Она не только заменяла мне заботливую старшую сестру, но и лучшего друга, с которым можно посоветоваться и быть уверенным, что она поймёт и никогда не предаст.

* * *

Пашка пришёл, когда мы с отцом пилили дрова. Было воскресенье. Не сказать, что мой отец отличался рвением к хозяйственным обязанностям, но всё, что требовала мать, делал и меня заставлял. Пашка потоптался возле нас, но по лицу было видно, что ему не терпится поделиться чем-то очень важным. дождался, когда отец присел перекурить, посмотрел на жалкую кучку поленьев и понял, что освобожусь я не скоро. — Дядя Вася, давай я подменю. Мы с Костей и напилем, и поколем, и в поленицу уложим, а ты пока газетку считаешь. У меня батя по утрам всегда газету читает.

— Отец у тебя начитанный. Они в пожарке все начитанные. Надо же чем-то на дежурстве заниматься. Целую смену «козла» забивать — пальцы заболят, — беззлобно пошутил отец — и вручил Пашке пилу. — Только мне в три часа на тренировку надо.

Никакой тренировки не было, но Пашка подстраховывался, чтобы не запрягли до вечера.

— До трёх вы гору своротите, а я пойду матери скажу, чтобы обед готовила для трёх мужиков.

Мы ещё и полена не отпилили, а Пашка уже потребовал:

— Посмотри на меня.

— А чего на тебя смотреть? — удивился я.

— Посмотри, говорю. Я похудел?

Я посмотрел, но никаких изменений не заметил.

— Не понял, куда смотреть.

— На фигуру и на лицо. Осунуться должен.

— Да всё такая же ряшка. А в чём дело?

— Я вчера у немки до двенадцати задержался. Она бутылку достала. Сидели, выпивали, а потом она дала.

— Чего дала?

— Ты что, совсем дурак? Не понимаешь, чего женщины дают?

— Не свисти.

— Сначала выпили, а потом она предложила выпить по-немецки, как это называется, забыл. В общем, сначала выпить, а потом поцеловаться. Выпили, поцеловались, и она стала раздеваться. При мне.

Даже свет не выключила. Потом меня раздела. Медленно раздевала. Я понял, к чему дело идёт. Но стоял как чучело, шевельнуться боялся. Потом, уже голого, сильно толкнула меня в постель, башкой о спинку кровати ударился, и началось...

Что началось, я не стал спрашивать. Слушал и не верил. Но не мог же он всё это придумать, его футбольные мозги неспособны на такое. — А с чего ты решил, что должен похудеть?

— От парней из взрослой команды слышал, что провести ночь с женщиной — всё равно что вагон разгрузить.

Я всегда угадывал, когда он завирался, но здесь его распирала уверенность в себе.

— А фигура у неё — закачаешься. Когда уходил, она даже халат не накинула. Титьки небольшие, но упругие. Сама попросила, чтобы поцеловал, сначала одну, потом другую.

— И что ты чувствовал? — спросил я, не зная, что сказать.

— Когда целовал?

— Нет. Когда это самое происходило, — назвать конкретным словом у меня язык не поворачивался.

Он помолчал, прикрыл глаза, подбирая слова, покачал головой — сначала утвердительно, потом отрицательно, и ничего достойного не нашёл.

— Тебе этого не понять, ты ещё мальчик, а я уже мужчина. Только ты никому не проболтайся. Она сказала, что надеется на моё благородство.

— А мне зачем рассказал?

— Да разве такое в себе удержишь? Так не кому-нибудь, а лучшему другу. Я знаю, что ты могила.

Меня и не подмывало раскрыть их тайну. Даже Нине. Ей в первую очередь. Я молча переваривал эту в некотором роде революционную новость и немного завидовал подвигу Пашки. Я держал слово и молчал, но в конце года Пашка разозлил немку дурацкими репликами, и она крикнула:

— Вон из класса и больше не приходи!

— К вам или на уроки? — невозмутимо переспросил Пашка.

— На уроки! — крикнула она, не уловив подвоха.

* * *

Рябиновских привели к нам в девятом классе. Какое-то время Рябиново числилось райцентром, но началась чехарда с перекройками, и оно опустилось до уровня рядового села. Рядового, но красивого. Я был там единственный раз. Предприятие выделило бортовую машину для поездки по грибы, и отец взял меня с собой. Село стояло на высоком берегу светлой речки с песчаным дном. Может, потому, что до ближайшей железнодорожной станции было семнадцать километров, в нём сохранилась высокая белая церковь. Но меня больше заинтересовала речка. В нашей болотной Ситке вода была коричневой, берега вязкие,

дно илистое. Купаться в ней не манило, а в Рябинове так и хотелось прыгнуть с берега. Я даже пожалел, что вырос не там. Сказал отцу, а тот засмеялся, обнял меня и добавил:

— Накупался бы вдоволь в чистой водичке и подался в пастухи, потому что хорошей работы здесь нет.

Они с матерью постоянно пугали меня, что если буду плохо учиться, придётся пасти коров.

В Рябинове была восьмилетка. Желающих продолжить обучение набралось человек десять. Парней хватило на год, после каникул никто из деревни не вернулся. Не понравилось им жить в интернате, и с поселковыми ребятами не сложились отношения: у них свой гонор, у наших свой.

Рябиновские девчонки оказались терпеливее и упорнее. Пятеро из них добрались до выпускных экзаменов. Именно добрались. Если парни учились средненько, то девичьи явились к нам пятёрочницами. Вере Никифоровне такая арифметика почему-то не понравилась. Казалось бы, радоваться должна, что в школу привели крепкое пополнение, но не верила и не хотела верить она в способности деревенских девушек. Не могли сельские учительницы дать им приличных знаний. Как можно дать то, чего у самих нет? Намного проще зависить оценки, чем выкладываться на каждом уроке. Ради хорошей отчётности лишней пятёрки не жалко — рассуждала она и с нездоровым азартом старалась доказать, что все эти отличницы — липовые. После урока приходила в учительскую, не в силах сдерживать эмоции:

— Захарова из рябиновских! Посмотреть — племенная корова! И вымя, и задница — куда там кустодиевским купчихам. Глазки голубенькие, а лицо тупое-тупое, ни одной мысли во взгляде. Спрашиваю: кто отменил крепостное право? Стоит, думает, потом изрекает: царь. Какой царь? Александр Второй. А почему он это сделал? Декабристов испугался...

Нина пересказывала, смеялась. Не знаю, понимала ли она, что Буйвол психологически обрабатывала учителей. С её напором и темпераментом нетрудно увлечь на свою сторону. Она не настолько глупа, чтобы открыто призывать к давлению на рябиновских. Хотя... ту же литераторшу Ганну Григорьевну ни обрабатывать, ни призывать не требовалось, она сама угадывала все настроения Буйвола и всегда была с ней солидарна. Но не все учителя легко поддавались влиянию. Физичка перед ней не лебезила и принципиально ставила рябиновским хорошие отметки, может, даже и завышала немного, и даже бравировала этим. Да и как придраться, если девчонки действительно способные? Не зубрили какие-нибудь. Правда, муж её работал главным инженером предприятия. Сухой математичке было ещё проще. Математика — предмет неэмоциональный и конкретный. Решил задачу — получай пятёрку, не решил — двойку.

В истории всё зыбко. Любое событие неоднозначно. Всё зависит от преподавателя, у него в запасе множество каверзных вопросов,

которые могут сбить с толку любого ученика, загнать его в тупик и подавить волю, заставить сомневаться в том, что вызубрил по учебнику чуть ли не наизусть. Отстаивать свою правоту перед Буйволом никто из этих девчонок не отваживался. Самое тяжёлое в том, что она исхитрилась убедить бывших пятёрочниц, что они действительно не знают предмета. И не только их: почти весь класс не замечал, что она целенаправленно топит их. Я спросил у Нины, как рябиновские справляются с географией.

— Да так себе. Частенько плавают без руля и ветрил, — и при этом почему-то смутилась.

Чувствовалось, что относится к девчонкам она предвзято. И по-другому уже не могла. Обаяние Буйвола полностью подчинило её. Да и фразу «без руля и ветрил» Нина позаимствовала у наставницы.

И всё-таки рябиновские девушки страдали не зря. Две из них поступили в сельскохозяйственный. А две — в медицинский. Без всякого блата. Откуда ему взяться?

* * *

С выбором института я определился задолго до выпускных экзаменов. Подал заявление на химфак. Меня пугали страшным конкурсом, но я решил для себя, что если провалюсь, будет не так стыдно: погибать — так с музыкой!

Мне повезло, на экзамене по химии попался лёгкий билет. Получил пятёрку, а после ставили уже по инерции. Однако и знания какие-то были. Везёт подготовленным, а я ходил в кружок, ставил опыты, от которых сам чуть не лишился зрения.

Пашка нацелился в пед — и конкурс маленький, и на разряд надеялся. Да не срослось. Сочинение о Павке Корчагине было у него на шпаргалке. Он обрадовался везенью, расслабился и погорел. Проявили принципиальность и выгнали с экзамена. Потом ему кто-то из комиссии намекнул, что лишние ошибки могли бы и простить, но поимка на месте преступления требовала показательной порки. Сам себя перехитрил. Вроде начитанный парень, а писал с грубейшими ошибками, но, с другой стороны, при средненьких математических способностях лучше всех играл в шахматы.

Провал на экзаменах, казалось, ничуть не расстроил его. Он почти гордился, что вылетел при таких героических обстоятельствах.

— Получается, что ты самый везучий в классе. Не куда-нибудь, а на химфак поступил. Виталя, вечный отличник, рыпнулся в МГУ и завяз в конкурсе.

— А почему не самый способный? — заступился отец.

— Способных много, дорогой дядя Вася, а везёт единицам.

— Ты у нас прямо философом становишься.

— Поражения заставляют задуматься, — изрёк Пашка и выставил бутылку портвейна. — Хотя магарыч положен с Кости.

— Не бойся, за нами не заржавеет, — успокоил отец.

Пашка шутил, рассказывал, как подкрались к нему со спины и застучали со шпиргалкой, какое торжественное лицо было у молоденькой ассистентки, когда выложила на стол неопровержимую улику. Но мне всё-таки показалось, что его веселье — напускное. Может, его и не ущемлял собственный провал. Он не сомневался, что наверстает и возьмёт своё. Задевало, что я вырвался вперёд. Он был уверен, что я не пройду по конкурсу, и успел привыкнуть к такому раскладу. И если бы случилось именно так, ему было бы легче.

* * *

Когда начались занятия, моя абстрактная любовь к химии погибла под непривычным давлением интегралов, эпюр по начерталке и прочих скучных отвлечённых предметов. В первом семестре я регулярно ходил на лекции. Потом — через раз, потом — по вдохновению. Зимнюю сессию сдал играючи, а в летнюю завалил два экзамена. Случилась любовь. Честнее сказать — похоть.

Женщину звали Рая. В переполненном трамвае нас плотно прижали друг к другу. Она была вынуждена в упор смотреть на меня, а я — на неё. Мне показалось, что я должен что-то сказать, и я пошутил: — Давайте я вам место уступлю.

Глупость брякнул, но она улыбнулась и поблагодарила. Зачем-то я проехал мимо своей остановки и навязался в провожатые. Она предупредила, что живёт на окраине, в частном секторе. Мысленно обругал себя, но не отказываться же? Незнакомка, может, и не обиделась бы, но перед собой-то стыдно трусить. Она жила в доме, оставшемся от родителей. В нём родилась и выросла. Отсюда похоронила отца, а через два года и мать — рассказывала она по дороге. Я признался, что студент, но приврал, что учусь на третьем курсе. Она пригласила на чай. Извинилась, что кофе кончился, — наверное, полагала, что студенты пьют кофе. Я успокоил, что кофе не пью. Да я к тому времени и не пробовал его ни разу. Пока закипал чайник, я огляделся и понял, что она живёт одна. Но о том, что здесь можно заночевать, даже мысли не возникло. Передо мной сидела худенькая женщина с миловидным, но не запоминающимся лицом, с крашеными завитыми волосами и большим родимым пятном над ключицей. Чай пили с пряниками. Я сначала стеснялся, а потом не заметил, как съел четыре штуки. Собираясь уходить, посчитал, что, находясь с женщиной в пустом доме, обязан хотя бы обнять её. Она не отстранилась. Молодой, неуверенный, осмелился поцеловать. Ожидал в лучшем случае холодного уклонения, но встретился с жадными губами стосковавшейся женщины. Всё случилось обыденно просто. Мне представлялось, что это произойдёт по-другому и не с ней. Никакой романтики, никакого «пожара в груди». Праздник, что я наконец-то стал мужчиной, прошёл без мучительных ожиданий

и без торжеств. И только потом я понял, как повезло мне с первой женщиной. Она избавила меня от изнурительных, а порой и грубых домогательств, откровенного вранья и пустых обещаний.

И сама не врала мне. Созналась, что старше на восемь лет, а если учесть прибавленные мною два года, получалось — на все десять. Предупредила, что не терпит грубость. Мужа она прогнала три года назад. Загулы на сторону кое-как терпела, потому что и родной отец грешил всю жизнь. Свыклась и с тем, что по дому никакой помощи. Несчастные пять грядок в огороде она и без него обихаживала. Но терпеть незаслуженные побои не смогла. Вроде и мужичонка был плюгавенький, но злой. Выгнала. Первый год, как напьётся, приходил мириться. Попросила соседа сменить замок. Колотил в дверь пятками и позорил на всю улицу. Потом угомонился. Другую дуру нашёл.

Непонятно, чем она возбуждала моё желание. Я всегда заглядывался на девушек с пышным бюстом, а у неё висели два полупустых вялых мешочка. Рая не стеснялась их и попросила, чуть ли не потребовала, поцеловать грудь. Мне сразу вспомнился восторженный рассказ Пашки. Я подчинялся, даже брезгливости не возникало, потому как после этих поцелуев меня ждали жадное тело и горячие губы, которые заставляли забывать обо всех её недостатках.

Дом её был далеко от института. На первые лекции я никогда не успевал. После занятий приходил в общагу отсыпаться. Соседям по комнате говорил, что ночую у красивой вдовы.

Книг она не читала, но выписывала журнал «Крестьянка», в котором печатали советы по разведению и уходу за геранью. Все пять окон её дома были уставлены геранями. Зимой зацвела только белая, а весной сразу три: ярко-красная, розовая и снова белая. Цвели пышно и долго. Рая ходила от окна к окну и звала меня полюбоваться.

Помня её жалобы на ленивого мужа, я брал широкую фанерную лопату и выходил чистить дорожку от крыльца до калитки на улицу. Она благодарила, но попросила, чтобы я выходил, когда соседи угнезятся по домам. Не хотела лишних сплетен. Работал я с удовольствием и в дом не спешил, потому что говорить с Раей было не о чем.

Летом, уже на каникулах, я вспомнил, что ни разу не сводил её в кино. Как-то не пришло в голову. И стало стыдно. Вдруг она подумала, что я стесняюсь появляться с ней на людях?

* * *

Для переезда отец выхлопотал машину. Просил «газик», но ему сказали, что в нём собирается ехать главбухша. Отец, не умеющий спорить с начальством, согласился на полуторку. Открыл фанерную дверцу и с наигранной галантностью пригласил Нину:

— Мадам, такси подано.

— Да что ты, дядя Вася, садись в кабину, а мы с Костиком и в кузове прокатимся, с ветерком веселее.

Мать с нами не поехала. Вышла за калитку с кирзовой сумкой. Насмешливо глянула на обшарпанную полуторку и не удержалась, съязвила:

— Ничего приличнее ты не заслужил.

Отец начал оправдываться, но она отмахнулась:

— Вот, в дорогу салца положила, огурчиков и картошки.

— В какую дорогу? Мы за час доберёмся.

— Так в новой квартире ничего съестного, кроме тараканов.

— Это называется медицинский юмор. Ну, мать...

— Всё нормально, дядя Вася, в хозяйстве всё пригодится, — поспешила успокоить Нина.

— Ты уж прости нас, если что не так, — обняла её мать.

— Да что ты, тётя Варя! Огромное вам спасибо за все эти годы. Куда бы я без вас?

— Вы только не расплачьтесь, — деланно проворчал отец и открыл борт, чтобы загрузить чемоданы: один большой, в котором он привёз вещи Нины после трагедии, а второй наш, его Нина обещала сразу же отправить обратно.

Она встала в угол кузова спиной к переднему борту, а я, вытянув руки, упёрся ладонями в борт, предохраняя её от падения. Вещи стояли огороженные нашими ногами. Ветер играл её волосами, она смеялась, запрокинув голову, чемоданы толкались в мои ноги. На одном из ухабов её качнуло ко мне. Она обхватила мою шею и заплакала:

— Ой, Костик, как жалко с тобой расставаться. Ты хоть приезжай ко мне.

— Обязательно приеду, только не плачь.

— Обещаешь?

— Обещаю, — сказал я и сам чуть не заплакал.

Обещание смог выполнить только в летние каникулы. Первые дни потратил на «неотложную» помощь отцу по хозяйству, обошёл друзей, наслушался поселковых сплетен и, дождавшись воскресенья, поехал к Нине.

Ухоженность её квартиры меня не удивила. А чему удивляться, если и в нашем доме уборкой занималась она? Став хозяйкой, Нина избавилась от патриархальных излишеств. Если у нас в спальне на кровати выстраивалась пирамида из подушек с обязательной «думкой» наверху, её плоская кровать была застелена плотным покрывалом, не наброшенным, а натянутым без единой морщинки. И на кухонном столе я не увидел ни единой тарелки. Вся посуда пряталась в настенном шкафу. Я приехал без предупреждения. Да и как я мог предупредить, если у неё не было телефона? Приехал на утреннем поезде. Обратный пригородный уходил в четыре часа. Глядя на идеальный порядок, я заподозрил, что она ждёт гостей.

— Может, я не вовремя?

— Глупости говорите, молодой человек. Сам знаешь, как я рада тебе. Вера Никифоровна обещала заглянуть, у неё какие-то дела с нашей директрисой.

Я хотел спросить, почему она редко заезжает к старикам, но, услышав имя Буйвола, вспомнил её последние визиты в наш дом и её жуткие шуточки с намёками, будто бы отец заглядывается на Нину, которые, может быть, и подтолкнули к отъезду. Собрался спросить, но раздумал, чтобы не ворошить старые обиды.

— И часто она к тебе заезжает?

— Нет, — торопливо ответила Нина, — но когда бывает в райцентре, заходит обязательно. До сих пор шефствует надо мной. Она очень ответственная. Как там Экзюпери сказал: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Вот и она обязательно расспросит, как складываются отношения с коллективом. Всегда умный совет даст. Ты даже предоставить не можешь, какая она мудрая и добрая. Тебя частенько вспоминает — гордость нашей школы.

— Прямо уж гордость? Будто я единственный, кто в институт поступил.

— Не единственный, но всё равно молодец. Она и друга твоего Пашку вспоминает, он хоть и непутёвый, но есть в нём какое-то обаяние. Армия на пользу ему пойдёт. Выдурится.

При упоминании о доброте Буйвола я вспомнил рябиновских девчонок. Нина и тогда не желала замечать очевидного. Цитата из Экзюпери давно перекочевала от Веры Никифоровны в разговоры Нины. И народное словечко «выдурится» извлечено из тех же закровов. — Кстати, хочешь, новостью поделюсь? Вера Никифоровна по секрету сказала, что написала заявление об освобождении от должности завуча.

— Ничего себе! Она же привыкла командовать школой!

— Жалуетса, что устала.

— От власти не устают, как утверждает мой отец.

— Всё от человека зависит. Она устала, и я ей верю. Заявление написала, но пока не отдала. Директора боится.

— И одумается и не отдаст.

— Отдаст, она твёрдо решила.

— Тебя, случайно, не порекомендует на своё место?

— С ума сошёл? У меня характера не хватит. Только отцу не проболтайся. Она ждёт какого-то особого случая. Ты-то как? Девушку не завёл?

— Да есть грех.

— Уже и грех?

— Нет, что ты, — испуганно покраснел я, — просто дружим, на лекциях рядом сидим, в кино ходим.

— Подозреваю, хитришь. Ладно, не буду тебя смущать. Смотри только рано не женись. Сначала институт закончите. Она хорошенькая?

— Очень! С толстенной русой косой до пояса.

Девушка с русой косой училась в параллельной группе. Я давно на неё заглядывался, но подойти не решался.

— С учёбой-то, надеюсь, всё нормально? А то ведь первый курс, полная свобода, на лекции никто не гонит, а искушений в городе много, и билеты на дневной сеанс дешёвые.

— С учёбой никаких проблем, — в том, что остался без стипендии, не сознался.

— Я и не сомневалась в твоих способностях, — и, как в детстве, погладила по голове.

Мне показалось, что она счастлива, и не хотелось портить ей настроение своими неудачами. Я не сдал математику и физику. Они шли первыми. Два провала подряд вогнали меня в депрессию. Я запаниковал. Всё это наложилось на сомнения в выборе института и страх перед позором отчисления. Захотелось взять академический отпуск и выждать год, пока всё утрясётся в дурной голове. Повезло, что третьим экзаменом шла история. Профессор, который в первую сессию мне поставил «отлично», заглянул в зачётку, увидел незаполненные строчки и укоризненно проворчал:

— Что же ты так расслабился? Не ожидал, — и написал «удовл.», хотя отвечал я вполне прилично.

Экзамены я всё-таки успел пересдать. На каникулы уехал без «хвостов» и успокоился.

— Если б ты знал, как я хочу в театр. Когда на сессии приезжала, всегда находила время. В зимние каникулы возьму да и нагряну в город. И выведу тебя в театр. Заявлюсь под руку с молодым симпатичным юношей, и пусть все завидуют.

— Меня уже выводили.

— Девушка с косой?

— А кто же, кроме неё? Она классику любит. Смотрели «Короля Лира», — соврал я, а пьесу назвал, чтобы не попасть впросак, потому что читал ещё в школе.

Когда я собрался уходить, Нина особо не задерживала — видимо, не очень хотела, чтобы я встретился с Буйволом. А может, и с кем-то другим. А почему бы и нет? Девушка симпатичная, умная, свободная — имеет полное право на личную жизнь. Может, отъезд её из посёлка диктовало именно это желание, а не выдуманная мной ревность матери. И помогла ей сделать этот шаг не кто-нибудь, а Вера Никифоровна. Может, зря я подозревал её?

— Ой, заболтались, даже чаем не напоила.

— Чай не водка, много не выпьешь.

— Это что, в общежитии тебя научили? Ты, случаем, не пристрастился?

— Только по праздникам и после сессии.

— Правильно, пьянство затягивает. У меня родитель ученика пьёт. Мальчишка способный, любознательный, случается, и с синяками приходит, но не жалуется. Боится, а может, и любит. Бывает и такое.

Когда уходил, заметил в мусорном ведре бутылку из-под болгарского вина, не успела выкинуть.

Через день или два Буйвол встретила меня на улице и выговорила, что не дождался её у Нины. Зазнался, дескать.

* * *

Пашка написал мне единственное письмо в самом начале службы, когда было особенно тоскливо. Жаловался, что постоянно хочется есть. Но не прошло и года, как заявился в отпуск. На футболе выехал. Их ротный был большой любитель погонять мяч и договорился, чтобы сборную части допустили в турнир заводских команд города. Ну а какая команда без Пашки? Ротный сразу оценил его. Раньше они выше четвёртого места не поднимались, а с Пашкой дошли до финала. В последней игре схлестнулись с речниками. На первых минутах пропустили гол с одиннадцатиметрового, который поставили не без помощи судьи. Во втором тайме отыгрались. Гол с углового забил самый прыгучий — Пашка, а победу вырвали в дополнительное время. Красиво забили. Пашка по-стрельцовски, пяточкой, откатил открывшемуся ротному, и тому ничего не оставалось, как уложить мяч в дальний угол. Вратарь даже не рыпнулся. Пашка пересказал игру не хуже Синявского; полагаю, и врал не меньше знаменитого комментатора. Ротный в благодарность за великолепный нестандартный пас похлопотал об отпуске. Он даже пообещал, что на ближайшую игру попробует привести тренера «Шинника», а там кто знает, как лягут карты, потому что в команде полно знаменитостей пенсионного возраста. Пашка оговаривался, что не слишком верит в такое везение, но надежда в голосе рвалась наружу. Никаких жалоб на тяготы армейской службы в его рассказах не прозвучало. Больше всего удивил он тем, что ни суток не отсидел на «губе». Моя студенческая жизнь его не интересовала. Я начал рассказывать про свою подружку Раю и её увлечение геранями, но он быстро перевёл разговор на любимого ротного, который никогда не ходил на свидания без цветов. Настоящий офицер. Красавец-брюнет ни одной блондинки не пропускал! И настоящий отец-командир.

— Ты удивляешься, что ни разу на «губе» не сидел. Мог бы не только на «губу», под трибунал мог загреметь. Один грузин из «дедов» плюнул мне на сапог, вроде как нечаянно. А я-то вижу, что задирается, на шивовость проверяет. Он давно ко мне прискребался. Он плюнул, и я плюнул. Грузин, вроде как нехотя, поднялся с койки, встал передо мной и с ненатуральным акцентом пообещал: «Я тебя, салага, заставлю унитаз чистить зубной щёткой», — и ткнул под дых, чтобы следов на лице не оставлять. А я ему по-славянски в морду со всего плеча. Плотно приложился. Кисть неделю болела. Когда падал, трахнулся затылком о тумбочку. Лежит и не встаёт. Я даже перепугался. Потом он в медчасть ходил, и там определили сотрясение мозга. Грозилась

дело завести, но ротный договорился. А на «губу» по мелочам не попадал, потому что ротного не хотел подводить.

Пашка заявился ко мне в субботу, а в понедельник я уезжал в институт. Он принёс большую бутылку портвейна. Пока выпивали маленькими рюмочками, звезда футбола и любимец женщин, не умолкая, вещал о своих подвигах. Он и в школе не умел слушать, а расслабленный портвейном, как бы невзначай обрывал все мои попытки вставить слово. Да и хвастаться мне было нечем.

Когда допили вино, Пашка спохватился, что по субботам в Запрудье танцы. Прошлым летом мы частенько наведывались туда. Пара километров — не расстояние для бесшабашной головы.

— Давай сгоняем? В кино не успеем, а на танцы самый раз.

— Да смысла нет. Питерские дачницы уже разъехались.

— Ну, может, кто-то ещё остался. Да и деревенские красавицы подросли. Молодость хочу вспомнить: «Это ничего, что мы с тобою в армии немного постарели».

— Я не служил.

— Да какая разница? Айда.

Уговорил, да и не сильно я упорствовал, ну и портвейн подзуживал. Шли быстро. Я еле успевал за Пашкой. Он не тратил дыхание на разговоры, словно выполнял марш-бросок. К началу сеанса не успели. Я остался курить на крыльце клуба, а некурящий Пашка полез в зал, с опоздавших билеты не требовали. Крыльцо просторное, высокое, свежий ветерок обдувает. Забираться в духоту и тесноту клуба никакого желания. Думал, что Пашке скоро надоест кино. Мы даже не посмотрели, как оно называется. Докурил сигарету. Подошла девчонка из нашей школы, училась на два года старше. Местная, деревенская. Нина говорила, что она поступила в сельскохозяйственный. Близко знакомы не были, но студенты всегда найдут о чём поговорить. Она меня не узнала, но я напомнил, что я двоюродный брат учительницы географии.

— Ой, Нина Сергеевна! Она очень добрая и предмет интересно вела. Передай привет от Волнухиной Люси, если помнит.

«Она всех помнит», — хотел сказать я, но увидел, что на крыльце выскочил Пашка. Щёки его были страшно вымазаны кровью. Я вбежал в коридор клуба. Возле дверей в зал стояла кучка парней.

— Кто его? — крикнул я.

Мне показали на кругломордого мужика лет тридцати. Он нервно озирался, словно высматривал кого-то, и сжимал в кулаке коробок спичек или что-то тяжёлое. Я, не раздумывая, сгрёб его и сбросил с высокого крыльца. Мужик оказался на удивление лёгким. Пашка стоял, запрокинув голову, и зажимал нос рукой. С пальцев его капала кровь.

— За что он тебя?

— Да бабу какую-то приобнял в темноте, она визг подняла, а тот, что рядом сидел, двинул мне локтем и в нос угодил.

Пока я разбирался с другом, к сброшенному с крыльца мужику подлетели трое парней и стали бить его ногами. Шакальё, которое трусливо стерпит любое оскорбление в свой адрес, но никогда не упустит случая попинать сбитого с ног. Пришлось выручать невинно пострадавшего. Орал на них, пытался оттаскивать. При этом два или три раза наткнулся на их жёсткие кулаки. Одного я узнал, парнишка был из нашей поселковой шантрапы. Пашка подоспел вовремя. Вдвоём отогнали их от мужика. Тот поднялся, поблагодарил за помощь. И, прихрамывая, пошёл в клуб. Он не узнал нас, не успел разглядеть ни Пашку, ни меня.

* * *

Подойти к девушке с косой, о которой говорил Нине, я всё-таки осмелился. Да и смелости особой не понадобилось. Осенью, на картошке, наши группы оказались в соседних деревнях. Кураторы проявили инициативу и организовали сводный студенческий концерт для сельских жителей. Я вызвался читать стихи, надеялся, что и она приедет в числе артистов. Им выделили бортовую машину. Привезли полный кузов, даже деревенских зрителей прихватили. Мы вышли встречать гостей. Девчонки были в платках и одеты не по-городскому. Теплилось желание помочь ей спрыгнуть из кузова, но подставил руки, как после выяснилось, её подружке. Концерт открывался музыкальным номером. Ведущий объявил, что для уважаемой публики студентки второго курса Светлана Егорова и Татьяна Савилова исполнят русскую народную песню. На сцену вышли две девушки в чёрных сатиновых шароварах, у одной из них через плечо была перекинута толстая коса. Они спели «Ой, цветёт калина» и «За окошком свету мало». Вела Егорова. Чувствовалось, что она не без успеха выступала в школьной самодеятельности, но и Таня своим скромным, но чистым голосом песню не портила.

Я читал стихи Есенина. Выбрал понадрывнее, посердцещипательнее. Хотелось представиться уставшим от жизни. Читал, разумеется, не для колхозников, а для неё. Артисты прятались за кулисы, но я был уверен, что она слушает. Начал с «Письма к женщине», потом собирался прочесть «Дорогая, сядем рядом», но в последний момент передумал и объявил «Чёрного человека». До середины дочитал уверенно:

Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Высказал с нарочитым вызовом. И заклинило. Стоял и оглядывался за спину, словно ждал подсказки. Готов был убежать со сцены, не за кулисы, а из клуба, чтобы никого не видеть, но всё-таки собрался и прочитал «Собаке Качалова». Сбой, вопреки моим ожиданиям, тронул зрителей. Хлопали, не жалея ладоней, даже певицам так не

аплодировали. Выпившие мужики курили в зале, и никто не одёргивал их. Слушала неизбалованная деревня и всё прощала.

После концерта, поджидая, когда подойдёт загулявший водитель, познакомился с певуньями, извинился, что подпортил впечатление, но девчонки успокоили, сказали, что с «запинкой» лучше запомнится. Бойкая Светлана пожаловалась, что пришлось петь деревенские страдания, а ей хотелось выдать что-нибудь из репертуара Пьехи или Кристалинской, а ещё лучше — не совсем приличные частушки, народу бы наверняка понравилось, но кураторша испугалась. Когда гостей загрузили в кузов, оттуда грянуло: «Я из пивной иду, я никого не жду...»

После возвращения в город встретились через неделю по дороге в столовую. Таня поздоровалась и улыбнулась, непринуждённо, как старому знакомому. Жили в одной общаге, и я легко нашёл повод зайти в гости. Увидев в комнате Свету, я понял, как сложился их дуэт. Девчонки объяснили соседкам, что мы познакомились на концерте, где я читал стихи Есенина. Таня спросила, не смогу ли я прочитать «Чёрного человека» полностью. Оказалось, что ни она, ни соседки его ни разу не слышали. Света даже захлопала авансом. Я самонадеянно решил, что мне дадут повод задержаться в гостях. Читал много и чувствовал, что им нравится. Одна из соседок спросила, не знаю ли я Эдуарда Асадова. Я знал, но обрадовало меня, что спросила не Таня, потому что не уважал его стихи. В моей памяти чего только не застревало. Прочитал им «Они студентами были, они друг друга любили...». Асадов соседке понравился больше Есенина. Таня стала заступаться, и мне показалась, что заступает она за меня, а не за Есенина.

Потом я заходил к ним чуть ли не каждый день, засиживался допоздна. Поднимался, когда Светка брала зубную пасту и засовывала за щёку щётку. Таня выходила следом за мной, и мы подолгу стояли в коридоре, продолжали разговор. Девчонки с их этажа оглядывались на нас, и я был горд, что стою рядом с такой девушкой. О чём говорили? Да обо всём. Она не скрывала, что у неё есть парень, одноклассник. Он служит на Дальнем Востоке. Они оба росли в интеллигентных семьях, отцы преподавали в школе, а мать Тани играла на фортепиано, и дети, конечно же, восторженно любили классическую музыку. Иногда, в ненастную погоду, парень включал проигрыватель, клал возле него телефонную трубку, звонил ей — и они вместе слушали Чайковского или Баха, а потом делились впечатлениями.

В общаге, возле стола вахтёрши, стоял вертикальный ящик для писем, разделённый на ячейки по алфавиту. Я каждый день утром и вечером заглядывал в него, но ячейка с буквой «С» интересовала меня больше, чем своя. Письма Тане приходили раз в неделю, а иногда и чаще, при этом не в солдатских конвертах без марки. Её друг стеснялся экономить и отправлял их авиапочтой. Я брал конверты в руки, рассматривал почерк, отмечал, что он выгодно отличается от моего. Мне постоянно хотелось вскрыть письмо, и я знал, как это сделать

незаметно: достаточно подержать конверт над кипящей водой, прочитать, а потом прогладить утюгом и поставить на место. Но что-то удерживало. Можно приписать себе благородные мотивы, но честнее признаться, что боялся узнать такие подробности, после которых не захочется подходить к Тане. Боялся оборвать сказку. Меня всё устраивало. Я не ревновал к нему. Он был далеко, и его вроде как не существовало. Но главная причина пряталась во мне. Я не представлял Таню своей невестой и будущей женой, но мною владело непроходящее желание видеть её каждый вечер и слышать её голос. Я был уверен, что люблю её, но руки мои не тянулись к ней, чтобы дотронуться, найти повод, чтобы обнять, прижать к себе, поцеловать. Странное состояние, особенно после зимы, проведённой в постели Раи. Вроде не мальчик уже и должен войти во вкус, а с нею робел, боялся разрушить эти зыбкие отношения. Не знаю, зачем Таня поддерживала их? Может, ей льстило, что соседки по комнате видят: у неё есть постоянный воздыхатель или как там они обзывали меня между собой. Не знаю, как бы она повела себя, если бы я попытался хотя бы поцеловать её.

А рухнуло всё нелепейшим образом. Я ходил в секцию тяжёлой атлетики и позвал её на первенство института, уверенный, что обязательно выиграю в своей весовой категории. Она пообещала, но не пришла. И я проиграл. Не справился с заявленным весом в рывке. Поражение, конечно, расстроило, но пережил его спокойно, тем более что место в сборной осталось за мной и меня взяли на молодёжное первенство области. Но в моём поражении была виновата она. Забыла. Могла бы сразу сказать, что ей моя тяжёлая атлетика неинтересна. Да она и не скрывала равнодушия к спорту. Я читал ей стихи Олега Дмитриева:

Эта женщина любит бокс
И читает стихи ночами...
И приходит к ней юный бог
С атлетическими плечами.

О Дмитриеве она не слышала, но её поразило, как может любить бокс нормальная девушка, хотя и отметила рифму «бокс» и «бог».

После соревнований заявился к ней в комнату и спросил:

— Почему не пришла, если обещала?

— Извини, забыла,— и невинно улыбнулась.

Я психанул и намеренно громко хлопнул дверью. По дороге в магазин и обратно я повторял: «Забыла, забыла, забыла...»

Выпил, опьянел и отправился выяснять отношения. Обвинил её, что она держала меня про запас, если вдруг дальневосточный жених найдёт себе другую. Прорвалась всё-таки ревность. Таня заплакала. Я полез целоваться. Она оттолкнула меня и обозвала предателем.

Утром было невыносимо стыдно, а потом до окончания института избегал встреч с ней. Пока был увлечён Таней, не то чтобы забыл

о бывшей подруге, вспоминал, но был противен себе и удивлялся, как я мог спать с некрасивой женщиной, которую не любил.

После разрыва с любимой вспомнил жадное тело Раи, её простоту и немногословность. Выпил для храбрости и поехал в гости. Она вышла на крыльцо в халате, который я хорошо помнил. Спросила, где же я пропадал чуть ли не целый год. В дом не пригласила, и я понял, что моё место занял кто-то другой. И никакой ревности.

* * *

Когда провалил сессию и остался без стипендии, старикам признаться постеснялся.

Устроился сторожем и, если подворачивался случай, разгружал вагоны. Отец присылал мне каждый месяц по двадцать рублей, но как-то по осени пришла бандероль от Нины. Захотелось порадовать паренька кожаными перчатками. В каждую перчатку она спрятала по червонцу. В коротенькой записке извинялась, что опоздала с подарком ко дню рождения, и успокаивала, что давно обжилась на новом месте, ученики её любят, а коллеги уважают.

Практики после второго курса не было. Чтобы не терять место сторожа, я договорился с городским парнем-однокурсником, попросил подежурить за меня пару месяцев, уехал домой и устроился грузчиком в отдел снабжения. Когда спросил отца, давно ли приезжала Нина, он как-то замялся, словно припоминал, и ответил не совсем уверенно: — Если не изменяет память — на зимние каникулы. Три дня гостила. Я ей в сумку шмат сала положил, она отказывалась, еле уговорил. С матерью у неё дружба разладилась. Ты же знаешь нашу мать. Понасмотрелась в своих госпиталях, как молоденькие медсёстры с докторами шашни заводят, вот и напридумывала чёрт-те что. Да ещё и подруга её, завуч ваш, масла подлила, вроде как шутила. Да мать наша шуток не понимает. Ты же знаешь, — достал папиросу, но перед тем, как закурить, добавил: — А на весенние каникулы не навестила.

Я вроде определил для себя главную причину её переезда, но, видимо, поспешил успокоиться. Неужели и вправду случился некрасивый разговор между Ниной и матерью? Но не спрашивать же?

Расспрашивать не собирался, но желание съездить к Нине усилилось. Еле дождался субботы. Когда постучал в дверь, долго никто не отзывался. Я постучал громче и с большим изумлением услышал сердитый голос Буйвола:

— Нина, ты почему так рано? Мы же договаривались.

— Это я, Костя. А где Нина?

— Костя?! А ты откуда здесь?

— Из дома приехал.

— Ах да, я и забыла. Нина в кино ушла, а я прилегла и не заметила, как заснула. Извини, открыть не могу, я растрёпанная вся.

— А когда она вернётся?

— Не знаю, может, знакомых встретила.

Раздражение из голоса исчезло, но подождать, когда приведёт себя в порядок, не предложила. Я ничего не понимал: как Нина могла уйти в кино, оставив дома скучать любимую подругу? О чём они договаривались, и почему Буйвол была недовольна, что Нина возвратилась раньше, чем обещала? Ничего не оставалось, как топать на вокзал. Скучать предстояло больше двух часов. В буфете торговали пивом. Взял с расстройства пару кружек, надеясь найти объяснение загадочной ситуации, хотя где его искать — не имел понятия. Думать без сигареты я не умею. Забрал с собой пиво и пошёл в привокзальный скверик. Буфетчица крикнула в спину, чтобы обязательно вернул кружки. Крикнула лениво — видимо, не воровали.

Нина сидела на дальней лавочке. Глаза её были полузакрыты, она дремала. Я подошёл к ней со спины и тронул за плечо. Она испуганно вздрогнула.

— Ой, Костик! Напугал! А я сию тут, задумалась.

— Буйвол сказала, что ты в кино.

— А ты что, ходил ко мне домой? — испугалась она.

— Постоял на пороге. Буйвол меня не впустила. Я чего-то не понимаю: к тебе приехала гостя, а ты в кино отправилась.

— Она без предупреждения приехала, а я билет заранее купила.

— Зачем заранее брать билет, если в зале полно свободных мест?

— Извини, соврала. Просто у неё была назначена встреча с дамой из района, и Вера Никифоровна попросила оставить их наедине.

— И она задремала на этой секретной встрече?

— Как задремала?

— Она сама сказала, что я её разбудил и не может впустить меня, потому что не привела себя в порядок.

— Дама не пришла на встречу, и она задремала.

— Нет, дорогая, кончай темнить. Признавайся: что случилось?

— Мы поссорились.

— Значит, поссорились, ты убежала в кино, а она завалилась спать в чужой квартире? Абсурд. Но ещё абсурднее твоя ссора с Буйволом, ты никогда не посмеешь ссориться с ней.

— Перестань называть её Буйволом. Вера Никифоровна — великолепная женщина.

— Ладно, не могу представить, что ты ссоришься с Верой Никифоровной.

Нина опустила голову, увидела возле моих ног недопитую кружку пива, сделала несколько жадных глотков и, отвернувшись от меня, призналась:

— У неё встреча с мужчиной.

— У кого? У неё? Она же старая.

— Ей нет и сорока. Она следит за собой, хорошо выглядит. Дочка взрослая, в институте учится. Она свободная женщина.

— И давно продолжают твои походы в кино?

— Второй или третий раз. Но ты не думай... у них всё серьёзно, это не банальное распутство.

— Ты что, выпивать начала?— спросил, увидев, что она косится на кружку пива. Спросил строго, не замечая, что перехожу на тон не младшего, а старшего брата.

— Ну как тебе не стыдно?! Просто от волнения в горле пересохло,— оправдывалась Нина.

— Ладно, допивай, а я пойду ещё возьму.

— Не надо. А ты знаешь, что твоя одноклассница Рита Власова писателем стала?

— Ритка стихи начала сочинять?

— Нет, прозу. В журнале «Сельская молодёжь» напечатали.

— Интересная новость, не знаю даже, удивляться или нет. В общем-то, она всегда держалась в стороне. Этакая загадочная натура. Загадочная и надменная.

— Умная, рано повзрослевшая девочка. Гордая, ноги длинные, спина прямая. Ей бы в актрисы идти. Мне казалось, что ты влюблён в неё.

— И Пашка тоже. Но она делала вид, что не замечает нас. Для птицы её полёта мы были поселковой шпаной, а она мечтала и берегла себя для городского принца. Пашка пытался с ней задружить, так она даже танцевать на выпускном с ним не пошла. И о чём её рассказ, который в журнале напечатали?

— Вера Никифоровна не поленилась и сходила в библиотеку, они выписывают «Сельскую молодёжь». Это не совсем рассказ, а лирическое письмо о любимом парне. Рита пишет, какой он умный-добрый-благородный, как тоскует по нему. Письмо на целую журнальную страницу и заканчивается призывом ко всем девушкам дожидаться своих парней, потому что девичья верность помогает им в нелёгкой службе.

— Правильный призыв,— согласился я и вспомнил Таню.

— Только Вера Никифоровна уверена, что его приписали в редакции.

— Вполне возможно. А парень у неё откуда? Она вроде ни с кем не дружила. Может, придумала? С неё станется.

— Нет, наш, поселковый, Володя Коновалов, на два класса старше тебя. Серебряный медалист, третий за всю историю нашей школы.

— Помню, комсомольский вожак, отличник.

— Вожак, честно говоря, неважный. Избрали по рекомендации Веры Никифоровны. Инициативой не отличался, но на медаль его не тащили, способный парень. Вера Никифоровна так переживала, когда он в МГУ по конкурсу не прошёл. Очень надеялась, что выпускник нашей школы будет учиться в главном университете страны.

— Экзамены — лотерея. На своей шкуре испытал.

— Согласна. Другого не пойму: почему они скрывали отношения? Парень красивый, умный, с таким не стыдно по главной улице прогуляться.

— Не знаю. Ни разу их вместе не встречал. Риткин каприз. Наверняка. Ей обязательно надо было романтизировать встречи, Она же особенная, не такая, как все остальные. Коновалов на станции жил, у него там отец начальником работал. Рядом барский сад с красивыми аллеями и вековыми дубами. Может, в саду и гуляли.

— Я почему спрашиваю? Потому что Вера Никифоровна, прочитав письмо, сначала удивилась, зачем Рите понадобилось объявлять на всю страну о своей любви, а потом догадалась, что этот «крик души» девица отправила в журнал после того, как изменила жениху.

— Не вижу никакой связи.

— Ты ещё слишком молод, чтобы это понимать. Вера Никифоровна — мудрая женщина и большой психолог.

Нина дождалась моего поезда и проводила до вагона. Прижалась ко мне и шепнула:

— Извини, что так получилось.

— Ничего страшного, — попытался её ободрить.

— Только умоляю, родителям не рассказывай, это не моя тайна, Вера Никифоровна не простит мне, если слухи поползут.

— А чего рассказывать, если я ничего не видел? — успокоил я Нину, а сам подумал, что историю с письмом Риты она поведала, чтобы отвлечь от разговора о Буйволе и как-то оправдать её.

* * *

Можно сказать, что я совсем не знаю старшего брата. Когда он приезжал на каникулы из техникума, я ходил в юных пионерах. Ему было интереснее со сверстниками. Мною занималась Нина, и все мои детские тайны доверялись только ей. После армии Дима сразу поступил в институт и до начала занятий помогал отцу заготавливать сено. Утром зарядка с косой, вечером зарядка на каких-нибудь деревенских танцуйках или на свиданиях с поселковыми девицами. Где уж снизойти до подростка? Собственно, я не особо стремился сблизиться с ним. Отношение в семье диктовались не склонной к сентиментальности матушкой. Каждый жил вроде как сам по себе. Нет, мы по-своему любили друг друга, но стеснялись показывать свои чувства. Все, кроме Нины. Брат был похож на мать и характером, и фигурой, и лицом. Но если её лицо с крупными чертами казалось грубоватым, лицо брата было мужественным. Высокий, плечистый брюнет с ямочкой на подбородке и чётко очерченными губами. Мальчишкой мне казалось, что мать любит его больше меня. Но в мою голову не приходило, что я постоянно кручусь у неё под ногами, а брат приезжает только на каникулы желанным гостем, по которому соскучились. Я больше похож на отца, даже характером, хотя многое в его поведении не нравилось. Он слишком мягок, и эта мягкость иногда мне казалась заискиванием перед начальством. Наверное, повлияла служба штабным писарем в окружении грозных командиров и работа

в отделе кадров. Когда он начинает рассказывать о ком-то, обязательно называет должность, и чем выше эта должность, тем с бóльшим уважением отзывается он о человеке. Поэтому я, чтобы не заподозрили в подхалимстве, постоянно грубил учителям и разного рода лидерам.

Проучившись семестр на дневном, брат перевёлся на вечерний и устроился техником в конструкторское бюро номерного завода. Гордому парню было стыдно сидеть на шее родителей, да и запросы появились, а на стипендию особо не разгуляешься. На работе, судя по словам отца, его должны уважать — честолюбивый, серьёзный, обязательный, не склонный к пустым обещаниям. Единственное, что может ему помешать, — это женщины, но, опять же, рассуждал отец, могут загубить, а могут и возвысить. Ещё до защиты диплома Диме доверяли серьёзные командировки. Одна из них выпала на такой же закрытый завод в ста километрах от нашего посёлка, и он выкроил три дня, чтобы навестить родителей. Мать ждала его в отпуск, надеясь познакомиться с молодой невесткой, но брат повёз её на Чёрное море, и этот неожиданный приезд был чем-то вроде извинения. Вряд ли брат думал, что визит совпадёт с моим выпускным вечером. Мне кажется, он первый раз выбрал время поговорить со мной. Благо что вопросы напрашивались сами собой: как закончил школу? куда собираюсь поступать? какую выбрал профессию? Для себя я давно сделал выбор, но в разговоре, как вариант, добавил к химии — геологию. Всё-таки романтический зуд не давал мне покоя. Услышав про геологию, Дима сморщился и начал отговаривать. Главный его довод был, что профессию, как жену, надо выбирать на всю жизнь, а есть ли уверенность, что лет через пять у меня останется желание мотаться по медвежьим углам? Напомнил и про семейную жизнь, которую долгие расставания вряд ли сделают счастливой. Говорил без тени назидательности, словно беседовал не с глупым мальчишкой, а с взрослым мужиком. Не забыл и о неизбежных вспышках ревности, которые обязательно возникнут после долгих разлук у будущей жены или у меня. Подмывало возразить, что я не ревнив и жениться не собираюсь, но сдержался, чтобы не выглядеть пацаном.

Заглянул он и на выпускной бал, посмотреть на молодёжь и поздороваться с любимой учительницей Верой Никифоровной. Она очень обрадовалась, что брат подошёл к ней засвидетельствовать почтение. Я видел, как он показывает на меня и что-то говорит, а она соглашается и смеётся. Сама рассказывает, и по лицу видно, что хвалит. Потом возле них возникла нарядная Рита Власова и пригласила Диму танцевать. Пригласила после того, как отказала Пашке. Я не умею танцевать вальс, а Пашка умел — и не только вальс, но и твист, единственный в школе. На танцах он спускался в радиоузел и просил поставить ритмичную музыку. Танцевал в одиночку. Зрители стояли, а танцор, как доходчиво объяснял Моргунов в «Кавказкой пленнице», ногами тушил окурки, а спину вытирал полотенцем. У Пашки иногда

получалось чуть ли не коснуться затылком пола, а потом подняться под аплодисменты. Он даже в соседний посёлок ездил, чтобы станцевать свой твист. Пока я любовался, как мой Дима танцует с Ритой, Пашка изводил себя ревностью, потом цепко схватил меня за руку и повернул лицом к себе.

— Красиво танцуют, — с гордостью за брата сказал я.

— Ерунда! Я лучше. Ты не можешь выйти на улицу подышать свежим воздухом?

— Зачем?

— Душно здесь. Хочу твоему брату в морду заехать, а при тебе неудобно.

— Ты что, с какой стати? Если обуяло желание кулаки почесать, дерись со мной.

— С тобой не хочу. Ритка меня унизила.

— А Дима при чём? Она сама его пригласила. Я видел.

— Предлагаешь ей вмазать? С бабами не дерусь.

— Да уймись ты.

Пашка выматерился и отошёл от меня. Дима проводил Риту к девушкам, возвратился к Вере Никифоровне, и они продолжили беседу. Брат что-то рассказывал, и она, подняв к нему лицо, слушала с подчёркнутым вниманием, изредка задавая короткие вопросы. При желании она всегда умела слушать. Или изображать интерес к собеседнику.

А Пашка выяснял отношения с Ритой. Догнал её на первом этаже и встал, загораживая дорогу.

— Ты почему его пригласила?

— Красивый мужчина, почему бы и не пригласить? И вальс он прекрасно танцует.

— Я лучше.

— Тебе кажется. Твоё дело твист, танец стилиг.

— Следующий вальс мой.

— Не пойду я с тобой танцевать, от тебя винищем разит.

— А он не сказал тебе, что женат?

— Так я и не собираюсь за него замуж.

— Пойдём танцевать! — прошипел он и потащил её на второй этаж.

Рита вырвалась и попросила:

— Костя, уведи ты его куда-нибудь. Весь праздник испортил, придурок. Домой ухожу.

— Ладно, Паш, — сказал я и встряхнул его за плечи, — пойдём, успеете помириться. Там за столом у предков хитрый чайник стоит.

— Я с тобой ещё поговорю, — крикнул он уходящей Рите.

Когда мы подходили к столам, я видел, как брат на прощание целует руку Вере Никифоровне, и обрадовался, что он уходит. Хорошо, что он не видел, как Пашка приставал к Рите, без драки бы не обошлось.

— Она всё равно никуда от меня не денется, — бурчал Пашка, присаживаясь за стол. — Ну, где ваша настойка на рябине?

— Не кричи, а то начальство услышит, — тихо сказал отец, прижимая палец к губам, огляделся и налил нам из чайника в стаканы красной настойки, а потом запел: — Тропинка верная моя, лети от школьного порога...

Другие родители дружно подхватили:

— Пройди все земли и моря и стань счастливою дорогой...

Растроганная Вера Никифоровна пела вместе со всеми, даже слезу вытерла.

Рита, похоже, сдержала свою угрозу, ушла домой. Пашка обегал всю школу и не нашёл.

— Где она? — не хотел верить Пашка.

— Напугал девчонку, вот она и сбежала. Нечего было сцену устраивать.

— Сам не знаю, что на меня нашло. Завтра наломаю сирени и пойду просить прощения.

* * *

Услышав рассказ Нины про письмо в редакцию и заявление Буйвола, что письмо было написано после того, как неприступная и загадочная Рита изменила жениху, мне трудно было поверить в это. Но вспомнил выпускной, и пасьянс, к моему удивлению, сложился. Оставались сомнения, что брат смог уговорить девушку за время единственного вальса. Впрочем, сбегая на свидание, она могла и не предполагать, чем оно кончится. А братец по студенческой привычке и в тот приезд ночевал на сеновале.

Был июнь, а через год осенью вернулся из армии Володя Коновалов.

* * *

Ещё с дороги Пашка отправил телеграмму: «Послезавтра буду дома не приедешь расстреляю старший сержант Дронов». Я и без его угроз собирался на Октябрьскую в посёлок. Поезд пришёл в пять утра, и я лёг досыпать, чтобы не клевать носом в гостях и не захмелеть с третьей рюмки. Явился, когда они готовились к обеду. Дядя Миша к приезду сына выгнал ведро самогонки и успел опохмелиться, а свежевыбритый Пашка с мокрыми волосами выглядел бодро. Дверь открыла мать, тётя Аня, провела меня в комнату и встала рядом с сыном, положив ладонь на его плечо, но не закрывая погон с сержантскими лычками, потом спохватилась, что перерыв на работе кончается и надо бежать. Пока мы обнимались, хлопали друг друга по спине, чуть не пропустили, что в дверь настойчиво стучатся. Пашка вскочил и побежал встречать.

— Боялся, что не придёшь.

— Как я могла не прийти, если обещала? Столько времени не виделись, интересно же.

В комнату вошла Галка Лебедева, наша одноклассница, девушка из рябиновских, поступившая в медицинский. За два институтских

года она похорошела и обрела городской шарм. Её появление стало сюрпризом для меня.

— Случайно встретились, и он не узнал, — смеясь, пожаловалась Галка.

— Да как тебя узнаешь? Постройнела, и улыбка стала загадочнее. В кино не приглашают сниматься?

— Пока нет. А студенческая жизнь всех стройнее делает. Вон и Костя постройнел.

— Так его невесты замучили. Это мы, солдаты, на голодном пайке, — он явно подбивал клинья.

Галка поняла и предупредила, что её поезд уходит поздно вечером.

— Мы тебя обязательно проводим, мы же рыцари.

— Очень кстати. Маманька тяжеленную сумку деревенских разносолов собрала. Соседкам праздник устрою.

— И передай им, что помогли погрузить сумку два настоящих мужика, — Пашка выпятил грудь, украшенную пёстрыми дембельскими значками.

— Да у тебя полный «иконостас».

— И все красные, все первой степени!

— И комсомольский значок первой степени, — засмеялась Галка.

— Комсомольский для счёта. Остальные заработаны доблестной армейской службой. И «Воин-спортсмен», и «Отличник Советской Армии»...

— А «Отличный артиллерист»? Ты разве в артиллерии служил?

— Не служил, но заработал честно. Он мне особо дорог. Мой ротный позаимствовал у кого-то из отцов-командиров и торжественно вручил мне, потому что я стал лучшим бомбардиром турнира. А бомбардир — это кто? Артиллерист!

— Да какой это «иконостас»? — хмыкнул уязвлённый дядя Миша. — Погодите, я свой предъявлю.

Из кухни выглянула высокая тонкая девушка.

— Пап, ты бы воздержался. Мясо скоро дожарится, и салат почти готов, — потом посмотрела на меня и каким-то загадочным голосом сказала: — Здравствуй, Костя. Не узнал меня? Я Пашина сестра.

— Конечно, узнал, — соврал я, силясь вспомнить её имя, но помог Пашка.

— Катька, не мешай мужскому разговору, место женщины на кухне, — прикрикнул он с кавказским акцентом.

— Да куда вы без женщин? — хмыкнула она и, нарочито покачивая бёдрами, вернулась на кухню.

А я и забыл, что у Пашки есть младшая сестра. Видел несколько раз долговязую худую девчонку, которая пряталась в другую комнату, когда приходил к ним. Услышав, что Галка учится в меде, Катя вернулась к столу и подсела к ней.

— Я тоже в медицинский поступала, но одного балла недобрала. Сейчас работаю медсестрой, но на будущий год снова буду поступать.

—Удачи тебе! — пожелание прозвучало покровительственно, всё-таки уже третьекурсница.— Может, стаж поможет.

—Требуется два года, а у меня будет один, но по специальности, и всё равно поступлю.

Галка приобняла девчонку, потом засмеялась и вспомнила:

—Когда после школы выдавали характеристики, Пашка хвастался, что ему написали: учился ниже своих способностей.

—А ты считаешь, что у меня нет способностей?

—Да полная бельевая корзина, как у нас в деревне говорят, на троих хватит.

—Тогда я предлагаю тост за мою любимую учительницу.

Галка посмотрела на него, усмехнулась, но рюмку подняла.

—Строгая дама, я никогда не забуду её жизненных уроков.

—Строгая, но справедливая и принципиальная. Помните, как на прополку ездили? Настоящий командир! Встала с нами в один ряд и такой темп задала, даже мне при ней сачковать стыдно стало.

Из комнаты вышел отец в парадном костюме. Оба лацкана пиджака блестели от боевых наград.

—Вот что такое настоящий «иконостас»,— гордо заявил Пашка, приглашая Галку полюбоваться.—И это еще не все, три медали я испортил, чтобы в пристенок играть.

—А ну-ка, сынку, встань рядом с батькой.

Я всегда думал, что Пашка выше отца, но когда они встали рядом, оказались одного роста.

—Вот бы сфотографировать вас,— восторженно сказала Галка.

—Блестящая идея, дай расцелую,— Пашка чмокнул её в щёку.— Остальное на вокзале. Жаль, аппарата нету.

—У мужа Маргариты Власовой... — начала Катя, но замолчала.

—Значит, дуй к Ритке и без них не возвращайся.

—Не пойду я к ним.

—Запомни, любая инициатива наказуема.

—Сказала, что не пойду.

—Ну Катюш! Ладно меня не уважаешь, отца-то уважь.

—Он деньги за фото берёт.

—С меня-то, надеюсь, постесняются три шкуры драть, а коли надо, заплатим. Катюш, сходи, пожалуйста, приведи. Мне и на Ритку хочется посмотреть, и на мужика её.

—Ладно, сейчас мясо вам принесу и сбегаю, но если откажутся, я не виновата. Только вы не напивайтесь, отца берегите. Галя, оставляю тебя за старшую.

Ходила она около часа, и всё это время Пашка притормаживал отца, когда тот порывался наполнить рюмки для очередного тоста, и Галка напоминала, что мы обещали проводить её на вокзал.

Рита за два года почти не изменилась, разве что высокомерия во взгляде поубавилось, но мы больше разглядывали её мужа, которого я

плохо помнил, а Пашка видел первый раз. Высокий симпатичный парень с интеллигентным лицом. Таким описывала его Нина, только она забыла сказать про очки, но, может быть, в школе он обходился без них. От рюмки не отказался, но держался скромно, в друзья не набивался, словно подчёркивал, что пришёл к одноклассникам жены как фотограф.

— Где служил? — не церемонясь, по-солдатски спросил Пашка.

— В Германии.

— В чехословацкую заваруху не вляпался?

— Ребята нашего призыва попали, а меня, слава Богу, пронесло.

— Почему слава Богу? Я бы, например, с удовольствием. А в каком звании дембельнулся?

— Рядовой. Чистые погоны — чистая совесть.

— Слышал такую мудрость. Отговорка для тех, кто плохо служил. Я старший сержант.

— Да что ты к человеку привязался? — вступилась Рита. — Володя, выбери место для съёмки, чтобы свет правильный был, и усади их, пока они относительно трезвые, — было заметно, что она нервничает.

Пока муж готовился к съёмке, я подошёл к Рите.

— Как поживаешь. Рассказы не начала писать?

— Какие рассказы? Молодая дура, отправила письмо в редакцию и опозорилась на всю страну, до сих пор стыдно. Вам с Галиной повезло, а мой медалист не прошёл по конкурсу. Когда вы поступали, медалистам достаточно было получить пятёрку на первом экзамене, и зачисляли автоматически. А ему пришлось все сдавать.

— Экзамены — лотерея, в которой частенько выигрывают случайные люди, — повторил я расхожую банальность.

— Ну, вы с Галиной не такие уж случайные. Не надо меня утешать.

— МГУ всё-таки самый престижный вуз.

— Вот и потерял три года в погоне за престижем. Но он своё наверстает. Первый курс радиотехнического, в котором твой старший брат учился, уже закончил, — и она внимательно посмотрела на меня — может, хотела убедиться, известно ли мне о её грехе. — Как он, кстати?

— Да вроде всё нормально. Письма писать не любит, отделяется поздравительными открытками к праздникам. Он вообще мужик неразговорчивый, — сказал, чтобы успокоить её, а сам очередной раз удивился ведьминской прозорливости Буйвола.

Когда усадили на стулья отца и сына, Рита кивнула в сторону бывшего разведчика и прошептала:

— Вот он, настоящий мужчина! — в голосе слышались одновременно и восторг, и укор, непонятно к кому обращённый — к мужу или к Пашке.

Потом за спинками стульев поставили нас. Володя деловито командовал, кому поднять голову, куда деть руки, кому как повернуться и на кого смотреть. Пашка попросил, чтобы их с Галкой сняли вдвоём. Стоя перед объективом, обнял её и крепко прижал к себе, явно дразня Риту. Володя работал не спеша, и это раздражало жену.

Она поторапливала. Когда съёмка закончилась, Пашка обратился почему-то не к фотографу, а к Рите:

— Сколько я должен за беспокойство и за плёнку?

— Обидеть хочешь? — огрызнулась Рита.

От приглашения присоединиться к застолью она категорически отказалась.

— Некогда расслаживаться. Нельзя злоупотреблять добротой бабушки, сидящей с нашим короедом, — слово «доброта» прозвучало с каким-то вызывающе неприязненным оттенком, и я подумал, что Рита успела разочароваться в муже.

Катя увязалась с нами провожать Галку на поезд. На перроне Пашка ворковал с Галкой, обещал, что обязательно приедет в гости. На обратной дороге Катя попросила разрешения взять меня под руку. — Буду только рад, — пошутил я, — можешь даже поцеловать.

И она, тесно прижавшись, ткнулась губами в мою щёку.

* * *

Отец писал редко, письма умещались на страничке из школьной тетради. О том, что в сентябре Буйвол вышла замуж, он умолчал, вроде как не посчитал событие интересным для меня, но когда я приехал домой после зимней сессии, мать выложила мне всё, о чём не хотел писать отец.

Про свадьбу, которая не трогала её ни с какого бока: охмурила ушлая бабёнка мужика — ну и ладно. Пирогова, нового мужа, она видела только издали и даже имени его не помнила. Для неё в этом спектакле главной героиней была Нина.

Лучшая подруга забыла позвать её на свадьбу. Даже разговоров о таком серьёзном событии не возникало. Нина случайно узнала в учительской, что их директриса едет в наш посёлок на свадьбу Веры Никифоровны. Обижаться на свою наставницу Нина не умела и собралась поздравить без приглашения. Дождалась, когда кончится большая перемена и ученики разойдутся по классам, набрала на школьной клумбе букет поздних астр. Отнесла цветы домой и пошла в промтоварный магазин. Первое, что бросилось в глаза, — картина Крамского «Неизвестная». Картина ей очень нравилась. Себе собиралась купить, но так и не собралась. Подарок был бы замечательным, но картина уже висела в квартире Веры Никифоровны. Она спросила у продавщицы, что бы она посоветовала для свадебного подарка. Та, не задумываясь, порекомендовала постельное бельё. Дарить бельё Нине показалось пошловатым. Простояв возле прилавка полчаса, она не увидела ничего более подходящего, нежели настольная лампа. У Веры Никифоровны стоял металлический «грибок» с облупившейся краской, а эта была большая, белая и нарядная, как невеста. Цветы аккуратно упаковала в газету, а для лампы пришлось покупать широкую хозяйственную сумку. Надела любимое платье, которое выбирала

вместе с Верой Никифоровной прошлой осенью, и пошла на вокзал. Поезд прибывал в посёлок за полтора часа до начала свадьбы. Она колебалась, надо ли сразу идти к Вере Никифоровне, чтобы помочь накрывать на стол, или явиться вовремя, даже с маленьким опозданием, ведь её всё-таки никто не приглашал на торжество. Пережидала на вокзале и обдумывала слова поздравления. Подошла к дому, как и задумывала, с маленьким опозданием. Поднялась на второй этаж. Постояла, набираясь смелости, перед тем как постучаться. Сняла газету с цветов и поправила астры. Не хотелось, чтобы дверь открыл Пирогов. Загадала. Сбылось. На пороге стояла Вера Никифоровна в белом жакете и чёрной юбке. К ней она приезжала в цветных платьях, которые нравились любовнику. Появление Нины явно удивило Веру Никифоровну, но она быстро справилась с неожиданностью.

— Ой, Ниночка, рада тебя видеть! Я не забыла о тебе. Собиралась приехать, посидеть вдвоём, поговорить о нашем, женском. Знаю, что не любишь больших компаний.

Нина забыла отрепетированные поздравительные слова, неуклюже протянула цветы и сумку с лампой.

— Понимаешь, Ниночка, я не могу пригласить тебя к столу. Там твоя директриса и две дамы из района, тебе будет с ними не очень уютно. Мы с тобой найдём время посидеть вдвоём.

Нина хотела пожелать долгого семейного счастья, но горло перехватило, она закивала головой и выбежала из подъезда, едва не упав на лестнице. Дохромав до магазина, купила бутылку вина и выпила её чуть ли не всю по дороге на вокзал. Возле кассы вспомнила, что вечерний поезд в райцентр ушёл час назад. Время до закрытия чайной ещё оставалось, и она купила вторую бутылку.

В наш дом явилась в грязном плаще, пьяная, с недопитой бутылкой портвейна. Мать пыталась уложить её спать, но Нина требовала, чтобы её выслушали и посочувствовали. Язык у неё заплетался. Некоторые переживания она повторяла по несколько раз. И проняла мою суровую матушку своим жалким видом.

— Всё мне рассказала — и как цветы на клумбе воровала, как выбирала подарок, как не знала, куда газету после цветов запрятать, как на вокзале маялась, чтобы вовремя на свадьбу явиться. А чего к нам не зашла? Отец, может, и отговорил бы незваной гостьей в чужую компанию навязываться. Он в этих делах разбирается. Всю жизнь среди начальства крутится. Кто она для них? Колченогая пионервожатая. А этот ваш Буйвол — бабёнка тёртая. Далеко вперёд видит. Для будущего мужа место очистила, когда против прошлого директора бумажки собирала. Забыл, как объяснительные записки про заготовку дров заставляли подписывать и Нинка стыдила меня, что я на порядочную женщину напраслину возвожу? Вот оно и всплыло. Кресло приготовила и сама вовремя в тень ушла. А на свадьбу не пригласила, чтобы Нинка ничего лишнего не увидела и не сболтнула.

Матушка всегда недолюбливала Буйвола. Открыто не выказывала, но если та заглядывала в гости, удалялась по своим хозяйственным заботам. С Верой Никифоровной беседовала Нина. Иногда подсаживался к ним и отец — поддержать авторитет воспитанницы в глазах начальства. Когда Нина при ней принималась нахваливать свою подругу, мать начинала мыть посуду, полностью открыв кран, чтобы не слышать её восторгов. Не понимала она, что может быть общего у молоденькой девчушки и взрослой женщины. Не верила в её бескорыстность.

Для меня после рассказа матери о возвращении Нины со свадьбы стало кое-что вырисовываться. Несуразные намёки на мужской интерес отца к Нине нагнетались с единственной целью — чтобы распалить слепую ревность матери, усложнить проживание Нины в нашем доме. И вовремя выхлопотанная отдельная квартира в райцентре оказалась не слепым подарком судьбы, а хорошо подготовленной работой. Буйволу требовалось место для встреч на безопасном расстоянии от любопытных глаз. И любовником был не Пирогов. Могли бы встречаться и у него, если уж собрались жениться: какой смысл прятаться? Замужество планировалось заранее. Получалось, что какое-то время она спала одновременно с двумя мужиками.

Мать сказала, что наутро Нину рвало. Долго лежала с мокрым полотенцем на голове. Потом увидела свой грязный плащ и, замявшись, тихо попросила разрешения постирать его. Пока ждала, когда он высохнет, лежала молча. Хорошо, что плащ был болоньевый, но всё равно не дождалась и надела влажный. Мать предлагала позавтракать, но она отказалась. Извинилась и ушла на вокзал, хотя до поезда оставалось два часа.

* * *

Пашка исхитрился в армии сдать на водительские права и, отгуляв после дембеля две недели, устроился шофёром в отдел снабжения. Желание поступать в физкультурный в армии не пропало, даже укрепилось. По работе он частенько ездил в город. Нашёл трёх парней, с которыми успел подружиться на неудачных вступительных. Посидели, выпили, поговорили. Студенты пожалели его, потерявшего два года. Пашка не считал армейские годы потерянными, но до ссоры не дошло, служба всё-таки научила сдерживаться, если требует ситуация. Уговорили поступать на дневной. Навестил и Галку, порядки в её общаге ему не понравились, потому что застал в женской комнате двух парней, один из которых сидел с ней на кровати. Делиться подробностями своих поражений Пашка не любил.

У меня после третьего курса была практика, и я приехал в посёлок в конце августа. Он к этому времени успел прочитать свою фамилию в списке зачисленных, но хвастаться не спешил. Когда пришёл к нему, он как бы между прочим упомянул, что заделался студентом. С гораздо большей гордостью объявил, что будет играть за институт.

Услышав наш разговор, из своей комнаты выглянула сестра. Я не видел её с прошлой осени, еле узнал, но помнил, что она поступала в медицинский. Из вежливости спросил о её успехах.

— Снова недобрала одного балла.

— Не отчаивайся.

— Я и не отчаиваюсь. В том году обязательно поступлю. Бог любит троицу.

— В том году твой Башкир из армии вернётся, и я тебя замуж отдам.

— А если я не пойду за него? — крикнула девушка и покраснела.

— Куда ты денешься? Сгребёт своими лапищами и в загс унесёт. Представляешь, Костя, у парня в семнадцать лет нога была сорок шестого размера. Пока кеды для него из города не привезли, босиком играл. Свободный аж до чужой штрафной площадки выбивал. Непроходимый стоппер и, главное, поле хорошо видит.

— Мне-то какое дело до вашего поля?

— Тогда зачем обнадёжила парня?

— Тебе этого не понять, — фыркнула сестра и убежала в другую комнату.

Допили вино и собрались прогуляться. Катя вышла закрыть за нами дверь, украдкой от брата опустила в карман моего пиджака записку и, кивнув на Пашку, прислонила палец к губам.

Записка была на половинке тетрадного листа, сложенного в несколько раз: «В десять вечера выйди, пожалуйста, к своей калитке, надо поговорить. Не напивайтесь с Пашей».

Я вышел на крыльцо чуть раньше и закурил. Попытался догадаться, о чём она собирается поговорить со мной, и не мог сообразить, в каком направлении думать. Единственное — девчонке захотелось назначить тайное свидание. Молодая, любопытная — мало ли что взбредёт в юную голову от неудач на экзаменах и поселковой скуки? А если вдруг попросит совета? Что я могу подсказать пацанке, которую видел пару раз, незнакомый с её друзьями, или врагами, если они имелись. Никаких похотливых помыслов не возникало. Какая может быть похоть к младшей сестрёнке друга?! И всё-таки ждал с любопытством. Она задержалась на пятнадцать минут. Увидела меня на крыльце и, осторожно закрыв калитку на крючок, присела рядом.

— Извини, что отвлекла.

— От чего?

— От планов.

— Нет у меня никаких планов. Собирался лечь и почитать.

— А что читаешь?

— Ремарка. Дома нашёл, от Нины остался.

— Как там она?

— Нормально. Преподаёт географию, уже обжилась.

— Я её помню. Хорошая была, про Южную Америку интересно рассказывала, и Вера Никифоровна её очень уважала.

— А Вера Никифоровна хорошая? — спросил я и заглянул в лицо Кате.

Оно было сосредоточенным.

— Она совсем другая. Очень умная. Девчонки её побаивались, но ко мне она хорошо относилась, Пашу вспоминала, говорила, что он хоть и шалопай, но настоящий парень, — отвечала она машинально, не вникая в мои вопросы о любимой учительнице, и украдкой поглядывала на освещённые окна веранды.

Я заметил это, приняв за беспокойство, хотел спросить, не боится ли она чего-нибудь, но Катя опередила меня:

— Ты где спишь?

— На веранде.

— А там есть на что присесть? А то комары надоели.

— Конечно, есть, пойдём туда.

— А родители что скажут?

— Ничего не скажут. Они спят давно. Матери рано корову доить, а отец по грибы собрался.

Она словно ждала, когда мы переберёмся под крышу, чтобы перейти к серьёзному разговору.

— Я пришла объяснить Пашкину болтовню про Башкира.

— Он и вправду башкир?

— Какой там башкир — Башкирцев. В футбольной команде у них у всех клички. Он меня невестой считает. Три раза морды из-за меня бил. Хорошо быть героем, когда тебя все боятся.

Особой теплоты к жениху в её голосе я не услышал.

— А ты как к нему относишься?

— Не знаю. Парень видный. Не красавчик, но мужик и должен быть чуть красивее обезьяны, как Паша говорит. Но любит меня до умопомрачения.

— Уже хорошо, соглашайся, — зачем-то посоветовал я, хотя и не верил, что даю умный совет.

— Я же сказала: не знаю! Я тебя люблю, — выкрикнула она, обхватила меня за шею, потом отстранилась, тяжело дыша, и заплакала. — Я тебя люблю, с шестого класса, — бормотала она сквозь слёзы.

— Детское увлечение, это проходит.

— Но теперь-то я не ребёнок. Мне скоро двадцать. Если тебе не противно, поцелуй меня в грудь, — и она сбросила кофту, под которой не было белья.

Честное слово, я растерялся. Меньше всего я ожидал такого продолжения разговора. Но я был молодой. Грудь у неё была небольшая, но упругая и почему-то холодная. Я слышал, как ухает её сердце. Когда я поцеловал, она застонала и прошептала сквозь стон:

— Ещё, ещё и вторую.

Потом словно опомнилась, попросила выключить свет. Когда я возвратился к ней, она уже лежала на диване совсем голая.

— Полежи со мной. А ты уже владел женщиной?

— Мне уже достаточно годиков, — пробормотал я.

—Прости, что спрашиваю. У меня ещё никого не было. Башкир сказал, что если достанусь кому до него — убьёт.

—И что же нам делать?— более дурацкого вопроса придумать сложно. Но думать я уже был не в состоянии.

—Можно, я зажму его между ногами и спокойно полежим, чтобы тебе ничего не нарушить у меня?

Легко сказать — спокойно полежим. Тело её изгибалось, прижималось ко мне и вздрагивало, руки жадно обвивали шею, губы мешали дышать. По движению бёдер мне казалось, что она, задыхаясь от нетерпения, забыла все страхи перед Башкиром и хочет только одного: чтобы это случилось именно здесь и со мной. И я этого хотел, наверное, сильнее, чем она, но меня тупо удерживало обещание не испортить её встречу с женихом, которого я не знал и ни разу не видел. Когда наконец-то из меня изверглась струя густой липкой жидкости и потекла по её ногам, она испуганно вскрикнула:

—Что это?

—Мужские семена, — сказал я, не сразу подобрав определение. — Не бойся, они уже безопасны.

Испуг её был очень естественным, и я не заподозрил имитации, но удивился: неужели она, дожив до двадцати лет, не знает, что это такое?

—И всё-таки почему ты выбрала именно меня?— спросил, когда она, уже одевшись, присела на край дивана и гладила мои волосы.

—Потому что ты добрый.

—С чего ты взяла?

—Я это чувствую. Ты притворяешься, что такой же, как Пашка, но ты другой,— и, нагнувшись надо мной, поцеловала мягко, словно сестра.— Лежи, не провожай меня, прости, если что не так. И спасибо тебе.

Она ушла, а я пытался понять, что же произошло, не зная — обвинять себя или оправдывать.

Если после угроз Башкира она решила соблазнить меня, надеясь, что я благородный мужчина, а я, неготовый к семейной жизни, пожалел девушку. Или всё-таки пожалел себя?

Что было в голове у Кати, я не мог знать. Я и теперь не знаю.

* * *

После горького рассказа матери о свадьбе я решил для себя, что обязан навестить Нину, но что-то постоянно мешало. Да чего уж лукавить, разговор-то предстоял не очень весёлый. Мать сказала, что после злосчастной свадьбы она к ним не приезжала. Встретив Буйвола на улице, я как бы между прочим спросил:

—Не знаете, как там Нина поживает?

—Ой, Костя, для людей, выросших в семье и обросших хозяйством, тридцать километров — очень серьёзное расстояние, можешь у матери своей спросить. Раньше, когда свободная и одинокая жила, частенько

заезжала. Но я звонила приятельнице, та успокоила, что у Нины всё нормально.

Прозвучало упрёком в мой адрес. И поделом. Что мешает мне, свободному и не вросшему, дойти до вокзала? Поехал, даже матери не сказал, куда собрался.

Нина стирала бельё в эмалированном тазике. Она явно не ожидала меня и смутилась, словно я застал её за чем-то неприличным.

— Ой, Костя, извини, я сейчас, мигом,— вытерла руки о халат и обняла меня.— У родителей всё нормально?

— Да вроде.

— Ну и слава Богу,— потом, опустив глаза, с трудом выговорила:— Они тебе не рассказывали про меня? Конечно, рассказали. Опросто-волосилась девушка. Так стыдно, до сих пор не могу набраться смелости приехать, извиниться.

— Да они уже забыли.

— Если даже так. Всё равно стыдно. Я сейчас быстренько наведу порядок в комнате, и мы пойдём туда.

— А стирка?

— Да куда она денется? Подожди, я мигом.

Голос виноватый, движения суетливые. Я огляделся. В прошлый приезд квартира была в идеальном состоянии, а теперь и мусор возле переполненного ведра, и бутылки под кухонным столом

— Так это подружки приходили, девичник устраивать,— перехватив мой взгляд, объяснила Нина.— Надо бы сдать, да стесняюсь, учительница всё-таки.

— Давай я схожу.

— Вот ещё не хватало. Отдам знакомой старушке, она рядом живёт. Кстати, сейчас посмотрю, вроде после них бутылочка должна остаться. Вы у себя в общаге позволяете со стипендии?

— И не только со стипендии,— успокоил я.

Нина принесла бутылку и два фужера.

— Вера Никифоровна подарила на новоселье.

«Чтобы пить из них с любовником»,— хотелось уточнить, но пожалел Нину. И всё-таки не сдержался:

— Что же она так некрасиво поступила с тобой на свадьбе?

— Её тоже можно понять. Как ты догадался, она встречалась у меня с другим мужчиной. Подстраховалась, чтобы я лишнего не сболтнула. Я, конечно, не выдала бы, но на всякий случай. Да и не вписывалась я в тот праздник. Гости все солидные. А кто я?

— И долго она встречалась с этим мужиком у тебя?

— Долго, как только я переехала,— Нина хихикнула в ладошку.— Сначала они мою постель опробовали, а я уже после них. У нашего райцентра хорошая география. Мы принадлежим другой области. Наше районо с вашим не контактирует, и случайных встреч практически не бывает.

— Но ты вроде говорила, что у Буйвола здесь влиятельные связи?

— Однокурсница нашей директрисы. Она и Веру Никифоровну к себе звала, не на своё место, разумеется. А зачем это Вере Никифоровне, когда она у себя в школе полная хозяйка? Была и остаётся.

— И что за мужика она здесь нашла?

— Зачем ей здешний мужик? Наш физрук. Высокий, на пять лет моложе её, но женатый и с детьми. Она и мне жениха нашла. Пришли втроём и с порога заявили: «Встречай Ниночка, жениха тебе привели. Его зовут Гена». Не очень высокий, но симпатичный и неженатый. Отрабатывал в нашей школе направление. Жених бутылку шампанского выставил.

— Потом обманул и бросил?

— Нет, не обманывал. Посидели в тот вечер, выпили шампанского. Кстати, на встрече с физруком Вера Никифоровна со своим вином приезжала. У физрука семья, дети, а ей отчитываться не перед кем. Выпили, мне надо было оставить влюблённых вдвоём, сказала, что хочу прогуляться и сходить в кино. Гена всё понял, наверное, был предупреждён, и предложил составить мне компанию.

Нина отхлебнула вина, и на щеке её показались крупные слёзы. Пыталась что-то сказать, но спазмы перехватили горло. Она встала и говорила, уже глядя в окно:

— Он не соблазнял меня, это я его соблазнила. Он очень удивился, когда понял, что у меня это в первый раз. Думал, что если мы подруги с Верой Никифоровной, значит, и я на неё похожа.

— Так ты его не предупредила?

— Зачем? Я же знала, что он не женится на мне. Единственное, что мне хотелось от него, — ребёнка. Девочку с мохнатыми ресницами, как у него, и с моими волосами. Сейчас бы нянчилась и знала, ради кого живу.

— А не страшно одной с ребёнком?

— Теперь не страшно. Да мало ли одиноких матерей? Вера Никифоровна тоже одна дочку воспитывала. Хорошая девушка выросла. В институт с первого раза поступила. Ты же знал её?

— Она постарше, но помню. Держалась всегда особняком.

— Боялась за авторитет матери.

— Заботливая дочка, — усмехнулся я.

— Зря ехидничаешь. Она искренне уважала мать и гордилась ею.

— Допустим. А как же твой Гена?

— Отработал положенные три года и уехал к родителям.

— А на вокзале пообещал устроиться и забрать тебя?

— Ничего не обещал. Я и сама не заговаривала на эту тему, и ему запрещала, не хотела, чтобы он врал. Зато физрук, сразу после замужества Веры Никифоровны, припёрся и плёл, будто Гена рекомендовал навестить меня и утешить.

Я думал, что она будет проклинать Гену или, хуже того, придумает историю про коварного соблазнителя. Нет, не осуждала. Даже слово

«любовь» не прозвучало. Разлила остатки вина в фужеры и, как бы нечаянно, вспомнила, что я могу опоздать на поезд.

Уже на перроне чисто из любопытства я спросил:

— А с Пироговым у неё давно началось?

— Не знаю, на такие темы она никогда не откровенничала. Он ей сразу понравился. Но помнишь Зинаиду Георгиевну, она у вас немецкий преподавала? Молодая, интересная. У Веры Никифоровны феноменальная интуиция, она сразу почувствовала, что у неё романчик с Пироговым. Зину понять нетрудно: мужчина перспективный. А Вера Никифоровна, чтобы не зашло слишком далеко, быстро устроила ей свободный диплом, а в школе объяснила, что Зина выходит замуж за офицера.

— А Пашка говорил, что она в армию завербовалась.

— У твоего Пашки язык без костей и мозги набекрень. Он и не такое мог придумать.

— Получается, что твоя любимая Вера Никифоровна могла спать с физруком чуть ли не за неделю до замужества?

Нина пожала плечами:

— Что пристал? Не знаю. Я бы не смогла.

* * *

В давнем разговоре с братом Дима посоветовал, что вечерний институт не даёт ему достаточно глубоких знаний. Я собирался поступать на дневной и пропустил его жалобу мимо ушей. Вспомнил о ней, когда закончил свой политех и понял, что ни объёма, ни глубины обязательных знаний приобрести не смог. Пока учился, казалось, что в меня вдалбливают много лишнего. Перед защитой диплома я успел совсем охладеть к некогда любимой химии. Два раза преодолевший острое желание бросить институт, тянул лямку только потому, что боялся загреметь в солдаты. Да и лямка была не тяжела. Выручала молодая цепкая память. Не считая одного семестра, всегда получал стипендию. Я не настолько честолюбив, как брат, далеко не заглядывал и плыл по течению. На распределении многие сокурсники выбрали НИИ. С работой одной из таких шарашкиных контор я познакомился на преддипломной практике, и развивать это знакомство желания не возникло. Я выбрал завод электроуглей, о производстве которых прослушал всего лишь короткий курс, но меня это не смущало: главное, что завод находился в Сибири, а я с детства полюбил книгу Арсеньева об уссурийской тайге и мечтал о Дальнем Востоке, не совсем понимая, что ехать от Ангары до Владивостока дольше, чем до Москвы.

Обмыть мой диплом, разумеется, пришёл Пашка. У него тоже созрели перемены. Главный инженер нашего предприятия в своё время был звездой поселкового футбола. Ему ничего не стоило придумать должность электрослесаря четвёртого разряда и назначить Пашку играющим тренером любимой команды. Познания в электричестве у Пашки ограничивались умением ввернуть лампочку, зато в футболе в

масштабах местных он был достаточно красив — так вроде в песенке поётся. Предложение обрадовало парня. Не раздумывая, он подал заявление о переводе на заочный факультет. Поселковому начальству пообещал, что выведет ребят в первую группу, напомнив, что команда из Орехово-Зуева пробилась в финал кубка страны и все игроки получили звания мастеров спорта. Говорил и верил, что может поднять команду. — Пашк, а ты помнишь, как сестру грозился силком выдать замуж за футболиста?

— Вышла, только толку не вышло. Дурак он. Не отпустил на вступительные экзамены. А она взяла да и сбежала от него в Москву. И там поступила. Упорная девка.

— Вся в тебя.

— А в кого ей быть? Я, честно говоря, не ожидал от неё. Думал, что останется в нашей больнице медсестрой. Сколько их — подёргаются, помучаются, а потом смиряются. Вон Ритка Власова так и работает воспитательницей в детском садике, а сколько гонору было.

— Замуж-то не вышла в Москве?

— Не знаю. Она писем не пишет, боится, что Башкир адрес прочитает и придет разбираться. А он и не думает. Нашёл себе какую-то дурёху. Балбес, но защитник классный. Только, боюсь, сопьётся.

* * *

С нехорошим предчувствием уезжал от Нины в последний раз, и оно нет-нет да и напоминало о себе. При встрече, хвастаясь перед родителями новеньким дипломом, спросил о Нине. Они ничего не знали. Корову продали, Буйвол перестала приходить за молоком, а кроме неё, узнать было не у кого. Перед отъездом в Сибирь считал неизменным долгом повидать Нину. Дверь была заперта, и, чтобы не скучать на крыльце, отправился в школу. Расписания не знал, но могли быть какие-нибудь кружки; кроме того, незамужним любят поручать общественные нагрузки, а Нина отказываться не умела. Зашёл в школьный коридор и сразу же увидел её. С ведром и тряпкой. — У вас что, уборщица забастовала? — пошутил я.

Нина подняла голову и застыла, не разгибаясь, потом выпрямилась, не выпуская тряпки из рук, и, глядя в сторону, умоляюще попросила: — Ты только в посёлке никому не рассказывай.

— Ничего не понимаю. Это что?

— Подожди меня на улице, я быстренько закружусь и выйду.

Я присел на лавочку в школьном дворе, пытаюсь додумать, что же могло случиться. Знал, что в армии могут разжаловать в рядовые и отправить мыть гальюн. На производстве тоже могут понизить в должности. Но за какие проступки могут наказать в школе? Она же очень хорошая учительница — не раз и не два слышал об этом.

Нина задержалась недолго.

— Пойдём ко мне, я всё объясню, — говорила, глядя под ноги.

Я не узнавал её голоса, и дорогу выбрала, по которой мы никогда не ходили. Остановилась возле магазина.

— Может, возьмём бутылочку для поддержания невесёлого разговора? — и стала копаться в сумке.

Я жестом остановил её нерешительную попытку достать деньги и сам зашёл в магазин. Купил бутылку болгарской «Варны».

— Мне сподручнее, чтобы тебе лишний раз не светиться.

— Да я уже засвеченная здесь, но всё равно спасибо.

— Извини, мог бы с собой привезти, но я же стесняюсь тебя, дорогая старшая сестрица.

Из неё вырвался стон. Она остановилась, задыхаясь от слёз, уткнулась в моё плечо, не сдерживая всхлипы.

— Не надо, Костя, меня стесняться. Я уже не стою этого.

Дома она первым делом ополоснула фужеры и громко выставила их на стол, потом сходила на кухню и долго искала штопор.

— Тоже подарок Веры Никифоровны на новоселье?

— Нет, сама покупала, но давно не пользуюсь, не до благородных напитков.

— Так что же случилось?

— А ты не понял? Выгнали из учителей.

— Давно?

— Ещё весной. Последний месяц биолог меня замещал.

— Так директриса вроде подружкой твоей Веры Никифоровны была?

— Они и сейчас подружки. А что Вера Никифоровна могла сделать? Я с катушек съехала: и опаздывала, и с запахом на уроки являлась, и бдительные родители начали доносить. Кто будет подобное терпеть? Хотели совсем из школы выставить. Упрашивать пришлось. Это инженеру могут простить, а учитель, особенно в провинции, он как под микроскопом.

— А в руки себя взять не пробовала? Поняла, что затягивает, значит, надо тормоза включать. Я тоже выпиваю, и с похмелья порою свет не мил, сил нет с койки подняться, но если надо — встаю, а вечером, когда с делами расквитаюсь, можно и здоровье поправить.

— Костя, не надо сравнивать себя со мной. Ты здоровый мужик, а я одинокая убогая бабёнка, уродка, которая никому не нужна.

— Какая же ты уродка?! Ты красивая.

— Не надо утешать. Я всё про себя понимаю и знаю, чем всё закончится. Ты даже представить не можешь, каково мне с тряпкой ползать на глазах у всех. Первое время в учебные дни приходила, пока уроки не начались, чтобы с учениками своими не встречаться. А потом привыкла. Можешь не верить, но порою ловлю себя на том, что получаю удовольствие от унижения. Сама виновата. Но теперь уже ничего не изменишь.

— Может, в посёлок вернуться? — сказал и сразу понял: советую глупость.

—А у вас намного хуже будет. Перед матерью твоей появиться страшно, и какими глазами на Веру Никифоровну смотреть буду? Она даже полы мыть не доверит после всего этого.

Она ещё не сильно захмелела. Я боялся, что снова заплачет, но слёз не было. Сидела напротив, словно не видя меня, и повторяла не раз повторенное в хмельном одиночестве.

—Даже если уеду в новое место и меня хватит на полгода, всё равно сорвусь. И кому я нужна? И где это новое место?

* * *

Проходил мимо конторы и увидел афишу. В нашем клубе показывали «Анну Каренину». В городе посмотреть не получилось, и я обрадовался неожиданной возможности заполнить культурную брешь.

Новый клуб, или, как его называли официально, Дворец культуры, строили около десяти лет. Размахнулись широко: предусмотрели колонны у входа, библиотеку, просторное фойе для танцев, подсобные закутки. Начали резво, но не хватило денег, и неоштукатуренные кирпичные стены, как старая крепость, сиротливо стояли возле футбольного поля. Мы, пацаны, приспособили заброшенную стройку для игры в войну и назвали «Брестской крепостью»: сражались на самодельных саблях, устраивали засады в тёмных закутках и лазали по строительным лесам, пока кто-то не сорвался и не повредил спину. Помню, как взрослый дядька нёс мальчишку на руках в больницу, а тот истошно кричал. После несчастного случая ДК быстро достроили, а старый клуб отдали под спортзал. Я к тому времени успел закончить школу и в первый раз шёл туда уже студентом. И не в кино, а в библиотеку.

Единственное культурное место в посёлке не пустовало, и длинная очередь возле кассы меня не удивила. Когда передо мной оставалось два человека, я оглянулся и увидел Пирогова. Кивнул ему, предлагая встать рядом. Он узнал меня, но отрицательно покачал головой. А я по наивности и не подумал, что директору школы не пристало нарушать порядок.

Буйвол поджидала мужа на крыльце и беседовала с какой-то женщиной. Как всегда аккуратно одетая, в туфлях на высоком каблуке. Говорила она, а женщина внимательно слушала. Я поздоровался, она ответила вежливо, но холодно, без обычной улыбки. Директриса из райцентра наверняка известила подругу о невесёлых переменах в жизни моей родственницы. Разговаривать со мной, ругая Нину при посторонних, она посчитала неуместным; может, и побоялась, что придётся оправдываться, а делать этого она не любила и не умела. Мне оставалось наблюдать со стороны, смотреть, как она что-то не очень значимое объясняет собеседнице и постоянно отвлекается, чтобы ответить на приветствия. С ней здоровались все, кто проходил мимо: родители учеников, школьники, бывшие выпускники, от недавних до отцов семейств,—со всеми ей доводилось беседовать, хвалить, распекают, ставить двойки или пятёрки. Все её знали, и она знала всех,

может, даже лучше, чем они сами знали себя. По лицу её было видно, что понимает свою роль, что ей нравится её место в жизни посёлка. И, несмотря на моё отношение к ней, подумалось: вот она, счастливая женщина. В очередной раз отвлёкшись от собеседницы, она окликнула: — Барановский, а ну-ка подойди.

Высокий тонкий юнец встал возле неё и опустил голову, заранее чувствуя себя виноватым в чём-то, о чём он пока не догадывается.

— У тебя мать ударница труда, постоянно на Доске почёта, а ты припёрся в общество в непотребном виде. Это же Дворец культуры, неприлично появляться во дворце в растянутом трико и грязных кедах. Мало того, что ты нас не уважаешь, но к себе-то уважение должен иметь. У тебя что, брюк нет и ботинки на ногу не лезут? Постеснялся бы мать позорить, — и, увидев на крыльце Пирогова, оборвала нотацию: — Ладно, иди, надеюсь, понял, о чём я говорила. А то, что классику пришёл посмотреть, — молодец. Каренина — это вам не Фантомас.

Билеты у них были в задних рядах, но перед тем, как погас свет, к ним подошли две женщины и предложили сменяться местами. Буйвол долго отказывалась, но Пирогов уговорил её согласиться.

Когда выходили из зала, услышал обрывок их разговора.

— Я видела Тарасову в роли Анны — не понравилась. Можно поверить, где она играла мать, но какая любовница из ожиревшей тётки? А у Самойловой, наоборот, любовница убеждает, а мать никуда не годится. — Остаётся теперь американскую версию посмотреть, — сказал Пирогов.

— А зачем? Что могут знать американцы о России?

Пирогов согласился.

Собственно, и я ничего не имел против её доводов.

* * *

Первый год молодого специалиста — сплошные разочарования. Нет, не в производстве, а в себе. В цеху, где половина работяг была из условно освобождённых, я впервые услышал слово «контингент». Завоевать авторитет у этого контингента, мне казалось, я не смог. Школярская бравада, опять же по выражению этого контингента, там «не канала». Не знаю, заметно ли было со стороны, но сам я чувствовал, что они не боятся своего нового мастера, а значит, и не уважают. Страх и уважение были для них одинаковыми понятиями.

Завод эвакуировали во время войны, монтировали в спешке и безалаберно. План постоянно не выполнялся. Мне казалось, что выбраться из этой рутины завод никогда не сможет. Появлялись у меня некоторые идеи, но ещё до того, как предложить их начальству, начинал понимать, что это наивная маниловщина. Реального выхода для завода я не видел, а для себя самым разумным шагом, пока не завяз в болоте, считал поиски нового места. Уволиться помог случай. Пришла разнарядка на очередное сокращение. Из двух мастеров смежных

участков должен был остаться один. Я об этом не знал. В субботу мне пришлось идти в цех проконтролировать выгрузку тиглей из обжиговой печи. Там и застал меня звонок Ильи Серёдкина. Илья приглашал на пельмени. Я отказывался, но он сказал, что надо серьёзно поговорить. Друзьями мы не были. Старые работники всегда ревниво относятся к приезжим. Он закончил местный техникум и около десяти лет отработал мастером. Приезд человека с высшим образованием он встретил настороженно. Не обошлось без колких замечаний на планёрках, но до скандалов и мелких пакостей не опустился. Я пообещал прийти сразу, как освобожусь. Стол к моему приходу был уже накрыт: оранжевые рыжики, белые грузди, малосольный хариус и мочёная брусника. Пельмени из сохатины лежали на подносе и ждали, когда хозяйка опустит их в кипящий бульон. Мне даже неудобно стало, что ввёл людей в хлопоты и явился с пустыми руками. Выпили по рюмке под рыжики. Дождались пельменей. Хозяйка извинилась и ушла в детскую комнату, чтобы не мешать мужскому разговору. — Знаешь, зачем позвал? — спросил Илья и рассказал о разнарядке. — Тебя, как молодого специалиста, сократить не имеют права, придётся подвинуться мне. Я, конечно, не пропаду. Меня знают и уважают. На заводе, кстати, всё начальство — выпускники нашего местного техникума. Приезжие инженеры здесь не задерживаются. — Может, их выживают? — спросил я.

— Зачем так категорично? Хотя, наверно, и не без этого, — усмехнулся Илья, — но в основном сами уезжают. Завод старый, план не выполняем, премию не дают. Да чего я объясняю? Сам видишь, — и он напомнил рюмки. — Ты хариуска попробуй.

— Пробую, у нас такая рыба не водится, а рыжики дома собирал, но твои — объедење. Ни разу не сидел за таким обильным столом.

— Сибирь! — гордо сказал Илья. — И жена у меня мастерица, но разговор о другом. Начальник отдела кадров — мой добрый знакомый. Я знаю, что тебе не очень уютно на заводе. Если хочешь, могу договориться, и тебя отпустят.

— Так я ещё и года не отработал.

— Всё уладим, от завода не будет никаких претензий. Как зэки говорят: на свободу с чистой совестью.

Отказываться было глупо. Я знал, что начальник цеха собирается на пенсию, а Илья метит на его место, и мешать ему не было желания и смысла не было. Мы допили бутылку. Я поблагодарил хозяйку за угощение — и через две недели уехал в большой город, а через месяц работал мастером на монтаже нового химкомбината. Остался без отпуска, но получил законную свободу.

* * *

Два года не появлялся дома. Такой долгой разлуки ещё не случалось. Думал, что старики заждались. Матери вёз прикроватный коврик

из оленьей шкуры, отцу — бутылку армянского коньяка: надо же как-то продемонстрировать своё успешное вживание в Сибирь. Поезд пришёл рано утром. Родители ещё спали и, мне показалось, были недовольны, что рано разбудил. Мать, пока расправляла красивый подарок, увидела, как из него лезет шерсть, и спросила, не церемонясь: — А чего это он линяет?

— Наверное, потому что шерсть очень густая, — начал оправдываться я, ругая себя, что не осмотрел при покупке. Брал, что поэкзотичнее. — Зато мягкий и тёплый, а ноги надо держать в тепле, ещё Суворов подсказывал, — поддержал меня отец.

— А мне потом пол подметай, — проворчала мать, но голос был добрый.

Конечно, обрадовалась блудному сыну, но характер не позволял мягкости.

В посёлке, вопреки ожиданиям, ничего не изменилось, всё те же тихие зелёные улочки, безлюдные даже по вечерам. Сходил к Пашке, но не застал. Мать сказала, что уехал с командой на игру.

Оставалось навестить Нину. В школе каникулы, и она должна быть дома. Дверь в квартиру была приоткрыта. Я окликнул. Никто не отозвался. На кухне громко работало радио. Передавали последние известия. На столе стояла тарелка с засохшими остатками томатного соуса. Было видно, что её вытирали куском хлеба. Рядом с тарелкой — консервная банка с окурками. На полу валялись три винных бутылки. Я прошёл в комнату и увидел на кровати Нину, совершенно голую. Почему-то сразу бросился в глаза чёрный треугольник на лобке. Одеяло валялось на полу. На спинке кровати висел застиранный, когда-то белый, лифчик Я поднял одеяло и прикрыл Нину. Потряс её за плечо, но она не проснулась, даже не почувствовала, что её будят. Тогда я попробовал усадить её, но стоило убрать руки — и она, про-бормотав: «Отстань», — снова упала на кровать. Потом перевалилась на бок и засопела. Я сильнее затряс её плечо, она мычала и зарывалась лицом в подушку, при этом норовила высвободиться из-под одеяла. В комнате было очень душно и воняло табаком. Я открыл форточку и вышел на кухню. Зацепился взглядом за неопрятный стол и решил навести относительный порядок. Нашёл веник и железный совок. Пока подметал, обнаружили не только папиросные, но и сигаретные окурки. Нетрудно было догадаться, что здесь побывали не один и не два мужика. На днищах захватанных стаканов краснел осадок вина — скорее всего, «Солнцедара», или «гнилушки». Закончив с кухней, перешёл в комнату. Вроде и не брезгливый, навидавшийся общаг и дешёвых гостиниц, но смотреть на бардак в квартире женщины почему-то стало неприятно. Попробовал ещё раз добудиться. Даже глаза не открывала, только изредка постанывала, а голова безвольно моталась от встрясок. Ждать, когда она придёт в себя, не было времени. Если не успею на поезд, придётся ночевать у неё. И как вести себя с ней, когда она проснётся, — боялся представить. Пока тряс пьяную за плечи,

я почти ненавидел Нину. Нину, которая в детстве заменяла няньку, а в юности — лучшего друга. Бросить её, пьяную, в незапертой квартире я не мог. Оставалось последнее средство. Сходил на кухню, набрал ковш холодной воды и плеснул ей в лицо. Она испуганно вскрикнула, опустила ноги с кровати и снова оказалась передо мной без одежды. Возле соска на ещё не обвисшей груди темнел след от засоса.

— Ты кто? — взвизгнула она, мотая головой. — Кто ты?

— Не узнаёшь? Это я, Костя, твой двоюродный брат.

Наконец-то осознав, что сидит передо мной голая, упала на кровать и потащила на себя одеяло.

— У нас что-то было?

— Ты что, с ума сошла?

Она молчала, отвернувшись от меня, а потом медленно выговорила, обращаясь не ко мне, а куда-то во вчерашний день:

— Нажралась, ничего не помню.

— Нельзя же так, Нина.

— А ты откуда взялся?

— В отпуск приехал.

— И чего припёрся? Морали читать? Я звала?

— Навестить хотел по старой дружбе.

— Нет у меня, Костенька, старых друзей. Только старые кобели. Ехал бы ты домой, к своей праведной матушке. Оставь червонец и топай на вокзал.

У меня в портфеле была припасена для встречи бутылка коньяка, и я не знал, что делать с ней. Понимал, что пить ей в таком состоянии нельзя, и всё-таки предложил:

— Может, посидим, обсудим?..

— Нечего нам обсуждать. Дверь знаешь где находится, могу показать, — не одеваясь, она подошла к двери и распахнула её. — Ну же, а то опоздаешь.

Я положил на стол четвертную.

— Правильно понял.

Она захлопнула дверь за моей спиной и заперлась на ключ. Я вышел на крыльцо с чувством, что мы не договорили. Вернулся и постучал. Она не открыла, но крикнула через дверь:

— Пошёл в п...у.

Я и представить не мог, что она способна материться, даже после всего увиденного в этот день. Довела слабенькую девушку жизнь, до самой чёрной черты довела. Даже мне заглянуть за неё жутко. Оказавшись на вокзале, почувствовал нечто вроде облегчения, в котором стыдно было сознаться. Оправдывал себя, что сделал всё возможное, и всё равно царапало ощущение вины. Взял в буфете стандартную пару кружек. Одну выпил залпом, а со второй вышел на свежий воздух в давно облюбованный скверик. Раздражала духота, раздражали чужие лица, раздражала потребность оправдывать себя непонятно за что.

Если день не задался, значит, это надолго. Мою скамейку заняла хмельная парочка: мужик, чуть постарше меня, и дембель в парадной форме. Возле ног валялась пустая чекушка, а пивные кружки стояли на лавке между ними. Я встал в сторонке в тень рябины. По тону их разговора угадывалось, что мужик в линиялой майке, с татуировкой на плече, поучал дембеля на правах старшего. Я не вникал в его наставления, но говорил он громко, и слух выхватывал некоторые слова: «бывшая училка, хроменькая»... Так это же о Нине, настоужился я. А дальше пошли такие подробности, которые лучше бы не слышать. — Неужели? — засомневался дембель в его хвастовстве. — Она у нас географию вела, столько интересного рассказывала, даже про пиратов знала.

— Всем даёт. Я её во все щели драл.

— Не свисти. Я бы тоже с удовольствием как-нибудь по-пиратски её.

— Можешь проверить. Изголодался, поди, в казарме. Она ненасытных любит. Ставь бутылку, и я тебе её дом покажу. Только и для неё прихвати, без бутылки не даст.

Сколько нас разделяло? Три шага или пять? Мне кажется, что я ударил его, не сходя с места. Помню, как он вытаращил на меня удивлённые глаза. Что-то крикнул, но я не разобрал. Ударил второй раз, третий, а когда он упал, стал бить его ногами, совершенно забыв о дембеле, у которого была возможность помочь собутыльнику и сбить меня, потерявшего всякую осторожность. Я оглянулся, но не увидел его, сбежал похотливый солдатик. Когда выходил из скверика, мужик оставался лежать у скамейки. А я ведь никогда в жизни не начинал драки. И никогда не бил лежащего ногами.

На перроне появилось сомнение: не убил ли? Время до отхода поезда позволяло возвратиться и посмотреть, но испугался.

В вагоне сделал несколько глотков коньяка, чтобы успокоиться, а допивал уже дома с отцом. О Нине ничего не рассказывал. Зачем ему знать такое?

Отпускное время позволяло съездить к ней, но не мог пересилить себя.

* * *

Дурной пример заразителен. Дима, старший братец, навещал родителей раз в пять лет, при этом не тратил на визит драгоценный отпуск, а выкраивал два-три дня из командировок. В отпуск он уезжал с компанией друзей на охоту. Я в этот раз не появлялся дома четыре года, но приехал, не за казённые, а за кровные. И на целый месяц.

Конечно, семейка у нас не самая дружная, но меня всё-таки тянуло на родину. Тянуло, а вырваться не получалось, и причины, на мой взгляд, всегда были достаточно весомые. Я успел отработать два года, когда химкомбинат построил дом для малосемейных и мне досталась комната в секции на шестерых хозяев. Я, наивный, воспринял ордер

как должное, но люди с тяжёлым общежитским опытом объяснили, что мне сильно повезло. Новоселье не только уничтожило мои отпускные, но и загнало в долги.

Перед следующим отпуском подвернулась профсоюзная горящая путёвка на Иссык-Куль — устоять не смог. Когда растёшь в маленьком посёлке среди болот, накапливается желание повидать настоящие горы. К тому же в последний приезд я заметил, что радовались гостю первые три-четыре дня, а потом вроде как и тяготиться начали — привыкли уже к тихой, размеренной жизни вдвоём. Да и хозяйство поубавилось. Корова не огулялась, а держать яловую не видели смысла. Нужды в помощнике на сенокосе не стало.

Мать слегка пожурела, что начинаю забывать родной дом, и пошла накрывать на стол. Отец, вместо ожидаемого допроса о моих карьерных достижениях, поспешил удивить поселковой новостью: — Пока ты в своей Сибири пытаешься покорять новые вершины, в нашем болоте свои баталии. Пирогова на пенсию отправили.

— Неужели за аморалку?

— Тебе бы только шуточки шутить. С Верой Никифоровной аморалка исключается.

— С кем исключается? С ней или с Пироговым? — съехидничал я.

— Далась тебе эта аморалка. Возраст пенсионный пришёл.

— Так неужели Буйвол не похлопотала за мужа? У неё вроде всё схвачено в районо.

— Во-первых, она принципиальная женщина, до унижения не опустится, а во-вторых, может, он сам попросился на пенсию. Надо же кому-то воспитанием сынишки заниматься.

— Сама-то в няньки не пойдёт. Ей на виду надо быть. И пенсия за выслугу не полная, — уточнила мать.

— Ты лучше спроси, кого ставят на его место, — не унимался отец, не обращая внимания на тон матери.

— Откуда мне знать? После меня столько учителей новых пришло.

— Да нет, известная личность, — отец явно затягивал ответ, чтобы сразить наповал. — Твой лучший друг Пашка!

Хотел удивить и добился своего. Я не знал, как воспринимать новость. Она была настолько невероятной, что даже радость за друга не мог осознать. А отец продолжал:

— Нельзя физкультурника назначать директором школы. Директор должен быть политически подкован, а Пашка твой мало того что беспартийный, так ещё и неженатый.

— С партией ты заблуждаешься, он ещё в армии вступил, любимый ротный рекомендацию давал.

Мать позвала за стол, но возбуждённый отец продолжал возмущаться:

— Почему Краснова Алексея Александровича не поставить? Солидный мужчина, не то что твой баламут.

— Мужчина солидный, да Мама-Жанна у него склочница, — не удержалась мать, — на каждом углу треплет, что её умненького сынка затирают.

— Конечно, умный, недаром же серебряную медаль получил.

— Да не было у него никакой медали, это Мама-Жанна придумала, что обещали дать, а потом зажилили.

— Кто зажилил? Уж не Вера ли Никифоровна? Когда Коновалову медаль давали, она сделала всё, чтобы получил он, а не её дочка. Не хотела, чтобы нехорошие разговоры пошли.

— Я не о Буйволе, а о мамаше Краснова говорю. Склочница. Она и наших больничных всех замучила: то у неё бессонница, то давление, то понос, то золотуха. И каждый раз бюллетень требует. А Пашка — мужик с характером, не маменькин сынок.

Мать не выпивала, но со времён работы в госпитале позволяла, по случаю праздника, принять «фронтовые сто грамм». Спорить с ней в такие моменты отец не отваживался и переключился на мою карьеру: — А чем ты похващаешься? Что заслужил за четыре года?

— Орденов и медалей у нас не дают. Разве что выговоры, но обхожусь без них, даже премии не лишают. Мирно работаю прорабом на монтаже.

— А Дмитрий, брат твой, — главный инженер проекта. Не в спецовке ходит, а в галстуке.

— Ты тоже в галстук ходишь, а толку? — напомнила мать и, не дожидаясь ответа, поднялась. — Ладно, я свою норму выпила, пойду свинью кормить.

Едва вышел на центральную улицу, ко мне подбежал аккуратнo одетый мальчик.

— Здравствуй, меня Никифором зовут. Сделай мне свистульку из одуванчика.

Он свернул на газон, сорвал одуванчик, но цветок чем-то не понравился ему, выбросил и сорвал два новых, с толстыми стеблями. Пришлось вспоминать детскую забаву. Мальчик, задрал голову, смотрел на меня и терпеливо ждал.

— А кто тебе раньше делал?

— Павел Михайлович.

— Если сам Павел Михайлович, тогда и я попробую,

И засомневался, получится ли у меня. Оторвал сантиметра три от стебля, смял один конец и дунул. Свистулька издала хриплый дребезжащий звук. Протянул её мальчику. Тот сказал спасибо и попробовал повторить, но свистулька вылетела из его рта и упала на дорогу. Мальчик подобрал её и снова взял в губы.

— Выброси, сейчас другую сделаю.

Новая свистулька почему-то молчала, и лицо ребёнка сморщилось, готовое к слезам. Я оторвал трубочку от второго одуванчика, показал, как надо держать и дуть. У мальчика получилось. Он обрадовался, засмеялся, и трубочка снова выпала изо рта. Он поднял её, и в этот момент подбежала его мамаша. Вера Никифоровна!

—Вы же взрослый человек, нельзя позволять ребёнку тащить в рот всякую гадость.

—Здравствуйте, Вера Никифоровна.

—Здравствуй, Костя. Извини, не узнала, богатым будешь. В отпуск приехал? Значит, ещё увидимся, расскажешь. А нам пора домой,— сказала сыну.

Я стоял и смотрел, как они уходят. Мальчик оглянулся, но мать не давала ему останавливаться, тащила за руку. Шла в привычной строгой одежде, в туфлях на высоком каблуке, и я впервые обратил внимание, что зад у неё довольно-таки выпуклый.

Пашка встретил бурно. Облапил и долго тискал, не отпуская. Потом крикнул:

—Катък, дуй в лавку, сибиряк приехал, а мне теперь статус не позволяет.

Из комнаты вышла сестра, неуверенно поздоровалась, пряча глаза, но брату ответила не без ехидства:

—Мне плевать на твой статус, я всё-таки женщина, а женщинам брать водку неприлично.

—Не беспокойтесь, Катя, у меня с собой имеется,— поспешил я спасти девушку от напора брата.

—Катюш, вспомни клятву Гиппократата. И я разве сказал, что тебя за водкой посылаю? Шампанского хочу!

—А вы всё-таки поступили в свой медицинский?— спросил я, обращаясь на всякий случай на «вы».

—Не в свой, а в московский. И замуж успела выйти.

—За Башкира?

—За Башкира в первый раз, а второй раз за бурята. Между прочим, родственника знаменитого Бадмаева, который самого Распутина пользовал. Он у нас в ординатуре учится.

—Ладно, потом будешь хвастаться, а пока сбегай в лавку,— Пашка протянул ей червонец и хлопнул по заднице, выпроваживая.— Теперь доставай свою водку, а я малосольных огурцов принесу. Люблю их больше, чем всякие заморские фрукты.

—Успеет, Паша. Угадай, с кем я познакомился по дороге к тебе?

—С космонавтом Андряном Николаевым?

—Нет, с нашим замечательным земляком Никифором. Сам ко мне подошёл и представился.

—Доверчивый мальчик,— при этом из голоса его исчезла привычная напористость.

—Это сын Буйвола от Пирогова?

Пашка молча кивнул.

—Когда он сказал мне, что свистульки ему делает Павел Михайлович, я не сразу врубился и только теперь понял, кто это такой. Мама приучила по отчеству тебя называть. А сколько ему?

—В сентябре будет семь, но в школу пойдёт на будущий год. Поздний ребёнок. Он не только по росту отстаёт, но и по развитию. Вера

Никифоровна решила, что пусть ещё годик дома побудет, повзрослеет. С учителями можно договориться, они поймут, но одноклассникам не прикажешь. Детская жестокость наивная, но пострашнее, чем у взрослых. Жалко мать.

— Она что, обсуждала это с тобой?

— Со мной и больше ни с кем. Перед тем как предложила мне должность директора, у нас был длинный разговор, но я не хочу распространяться на эту тему. Давай водочки тяпнем, за встречу,— сказал резко посерьёзневший Пашка.

— Так это правда, что Буйвол за тебя хлопотала?

— Сколько лет дома не появлялся? — спросил, не ответив на мой вопрос.

— Четыре года.

— А мне показалось, что целую семилетку. Это значит, что я скучал по тебе,— отодвинулся, пристально посмотрел и засмеялся.— Ничуть не изменился. Даже не растолстел на сибирских жирных харчах.

— Да и ты всё такой же.

— Неужели? Все говорят, что солиднее стал,— и выпятил живот.

— И о чём здесь спор? — спросила Катя, выставляя на стол две бутылки шампанского.— Сдачу московские студенты не возвращают.

— Костя ругает Веру Никифоровну, а я пытаюсь её защищать.

— Как не стыдно, Костя? Вера Никифоровна — моя любимая учительница. Я её уроки как губка впитывала, в них, кроме предмета, столько житейской мудрости было рассыпано. Она, кстати, всегда с теплом о тебе вспоминала.

Сколько раз довелось мне слушать эти слова, сказанные разными людьми почти под копирку.

— Слушай, что говорит молодое поколение. Это мы, разгильдяи, всю её мудрость мимо ушей пропускали. Вот за это и выпьем шампанского.

— За Веру Никифоровну,— торжественно сказала Катя и выпила до дна.

— Красиво пьёшь. Это тебя твой бурят научил?

— Он у меня трезвенник и буддист,— тронула меня за руку и позвала: — Пойдём, свадебные фотографии покажу.

Мне частенько доводилось общаться с бурятами, но все они были небольшого роста, а этот вымахал на голову выше Кати. Тяжёлая рука с толстыми пальцами, лежащая на хрупком плече невесты, говорила о властном характере.

— Богатырь. Если таким кулачищем ударит — убьёт.

— Не бойся, он добрый,— Катя закрыла альбом и, заглядывая мне в лицо, спросила: — Ты меня презираешь?

— За что?

— За тот сумасшедший вечер. Ты же понял, что все мои отговорки ничего не значат. Я хотела, чтобы всё было по-настоящему, и до сих пор гадаю, что тебя удержало — благородство или... — и она замолчала.

— Или трусость, хочешь сказать? Может быть, и трусость. Не готов я был к серьёзным отношениям.

— Эй, где вы пропали? — крикнул Пашка. — У меня второй гост.
— За кого? — спросила Катя. — Неужели за меня?
— За тебя выпьем третью. А пока за моё назначение директором.
Я самый молодой директор в районе.
— Так вся жизнь впереди — куда ты будешь стремиться?
— Пока не решил, но обязательно придумаю.

* * *

Тяжёлое расставание с Ниной расстроило, но обиды на неё не было, только чувство вины перед ней не рассосалось. Скребло душу. Когда приехал домой, сразу же спросил у отца, что слышно о Нине. Он ничего не знал. Мелькнуло желание поинтересоваться у Буйвола, знал, что она ничего не прояснит, просто хотел напомнить чисто из вредности, а увидев заползшую мамашу, раздумал. Но сидеть в неизвестности не мог, неуютно было на душе. Заставлял себя верить в лучший исход: почему бы ей, опустившись до дна, не испугаться за себя и не попробовать выбраться на поверхность? Понимал, что это почти невозможно, однако должно же у неё быть чувство самосохранения. Знал я пьяниц, добровольно сдающихся врачам для кодирования. Хотя вероятнее было, что увижу её пьяной или с перепоя. На этот случай даже лекарства прихватил.

На двери квартиры появился звонок. Торкнулась надежда, что Нина выкарабкалась из чёрной полосы. Осторожно нажал на кнопку. Дверь долго не открывали. Я позвонил настойчивее и начал тихо ругать себя, что выбрал для поездки воскресенье. Идти в школу не имело смысла. Уже отчаялся, но за дверью послышались шаги. На пороге появилась незнакомая девушка с полотенцем на голове.

— Вы к кому?

— А где Нина?

— А вы, собственно, кто? — спросила она не без подозрительности.

— Её двоюродный брат Костя.

— Где же вы были, брат Костя, когда она спивалась, когда в петлю полезла, полагаю, не от хорошей жизни?

Мы продолжали стоять в прихожей, приглашать в квартиру она явно не хотела. Говорила резко, и тон был недружелюбный.

— И когда это случилось?

— Почти два года назад. Поздновато вы спохватились. Я её ни разу не видела. Приехала уже после её смерти. Направление в местной школе отрабатывать после института, — голос её немного оттаял, из него исчезла агрессивная враждебность, но настороженность осталась.

— Могилку её найти не можете?

— Я не знаю даже, где здесь кладбище. И голова у меня мокрая, — потом обрадованно вскрикнула: — Так Лидия Даниловна дома. Они ближе общались. Пойдёмте, отведу к ней.

Не снимая с головы тюрбан из полотенца, не переодеваясь из халата, даже двери не заперев, повела меня к соседке. Поднялись на второй этаж. Дверь была не заперта.

— У Нины двоюродный брат отыскался, — объявила с порога, — а я думала, у неё совсем нет родни.

— Проходите в комнату, — пригласила хозяйка.

— Не могу, у меня дверь нараспашку. Побегу, от меня всё равно толку никакого.

— Меня зовут Лидия Даниловна. Чай будете?

— Нет, спасибо. Вы мне подскажите, как могилку Нины найти.

— Объяснить сложно, боюсь, заплутаете. Надёжнее, если сама проведу. Заодно и своих навешу, давно собиралась. Тут недалеко, километра полтора.

Тропинка шла через поле. Провожатая извинилась и стала собирать букет.

— Васильки и ромашки — мама их очень любила, — разделила цветы на две равных части и протянула мне.

— А вы — Костя. Нина Сергеевна мне о вас рассказывала. И про ваших родителей, которые на торфу живут, где она раньше работала.

— Хорошо работала, как я понял. Вы с ней плотно общались?

— Первое время она частенько ко мне заглядывала. Чай пили, — она сделала ударение на слове «чай». — Алкоголь я давно не употребляю, панкреатит у меня. И я к ней забежала поболтать, чтобы сын не подслушивал разговоры девичьи. Она была очень хорошим педагогом, без лишней строгости умела увлечь детей. Начинала пионервожатой и привыкла общаться с ними как с равными. Сын приходил из школы с её урока и начинал просвещать меня в географии, белые пятна ликвидировал. Нина Сергеевна давала им намного шире программы, — она вздохнула и замолчала.

Лидии Даниловне было лет сорок пять, уже полнеющая, но не грузная женщина, с густыми чёрными волосами, собранными в аккуратную причёску, и миловидным добрым лицом. Мягкий голос её журчал ровно даже в трагических местах.

— Не знаю, как могло с ней такое произойти. Она не замыкалась в себе, всегда открытая, в общественной жизни охотно участвовала. Усиленно прятала своё одиночество. А оно прорвалось таким разрушительным образом. Последние годы даже вспоминать не хочется.

— Я приезжал к ней, когда она работала уборщицей.

— Она первое время приходила попросить денег. Стеснялась, прятала глаза, потом перестала приходить. Случайные собутельники появились.

— Знаю, — и чтобы избежать неприятных подробностей, спросил: — А вы какой предмет ведёте?

— Я в начальных классах, после училища. Заочно институт закончила, чтобы зарплату прибавили, но осталась с младшими, с ними уютнее.

— А Веру Никифоровну вы знали?

— Видела несколько раз, она однокурсница нашей директрисы. Нина Сергеевна о ней восторженно отзывалась. Знаю, что она помогла ей в нашу школу устроиться и квартиру получить.

— И как вам она?

— Да никак. Видела мельком. К Нине Сергеевне иногда заезжала, но та не познакомила нас, не представилось случая. А я навязываться не люблю.

Мы подошли к кладбищу. Оно не отличалось от нашего поселкового. Большинство могил было заброшено. Покосившиеся кресты, железные скелеты венков с остатками искусственных цветов и густой бурьян, скрывающий могильные холмики. К некоторым могилам даже добраться было трудно через заросли крапивы. Могила Нины была с краю кладбища. Я спросил:

— Это потому, что руки на себя наложила?

— Нет. На больших кладбищах, там, где церкви остались, может, и блюдут старые законы, а у нас кого привезли, того и зарыли на свободном месте. Запущено всё. Стариков похоронили, молодёжь разъехалась по городам, ухаживать некому. А с краю — потому что хоронят редко.

Земля на могиле просела, крест завалился набок. Рядом с ним рос высоченный лопух, словно памятник. Я тронул крест, и он легко подался вбок. Лидия Даниловна стояла рядом и кивала каким-то своим мыслям. Отсчитала от цветов четыре василька и четыре ромашки, протянула мне и сказала:

— Это ей лично от меня. Вы будете порядок наводить?

— Обязательно.

— Тогда вот вам старенькие рукавицы. У меня тут родители похоронены, схожу к ним, там возле могилки лопата припрятана. Если надумаете крест поправлять, надо его выкопать, потом набрать битого кирпича возле заброшенной церковки и забутить яму. Знаете как?

— Знаю, доводилось заборы ставить.

Крест сидел неглубоко, торопились похоронщики. Я раскачал его и выдернул. Зато лопух врос монументально. Пришлось помучиться. Мусор сваливали недалеко, метрах в пяти от крайних могил. Там же, под кустами бузины, попало на глаза худое оцинкованное ведро. Положил на дно кусок картона и натаскал битого кирпича. Яму под крест сделал глубокую. Кирпича потребовалось несколько вёдер. Сначала утоптал ногами, потом утрамбовал черенком лопаты. Попробовал пошатать — крест держался крепко. Когда подошла Лидия Даниловна, я уже выравнивал холмик над могилой.

— Не ожидала. Я боялась, что выпьете ритуальные сто грамм, погрузите, сидя под лопухом, и поторопитесь на вокзал. А вы порядок навели.

— Кстати, напомнили. Я прихватил на всякий случай.

— Я же вам говорила, что здоровье не позволяет.

— Извините, — я достал из портфеля бутылку. — Только стаканов нет, надеялся на фужеры Нины.

Сказал, и горло перехватил спазм, даже слёзы подкатили. Ещё раз извинился и приложился к горлышку. Лидия Даниловна понимающе кивнула. Повезло Нине с доброй соседкой, и мне вспомнилась девица, занявшая её квартиру.

— Эта девушка, которая к вам привела, она кто?

— Преподаватель математики.

— Странная какая-то. Мне показалось, что я напугал её.

— И не ошиблись, — Лидия Даниловна тихо засмеялась. — Квартира Нины Сергеевны досталась ей с мебелью, и она боялась, что нагрянут какие-нибудь родственники и заберут.

— Куда, в Сибирь, что ли, потащу?

— Я помню, как она обживалась, сначала шкаф купила, магнитофон. На телевизор откладывала, хотела, чтоб уютно было.

— Давайте я приду к ней, предъявлю свои права. И заберём, что вам понравится.

— Да у меня всё есть.

— Может, мне фужеры взять в память о Нине?

— Как хотите, ваше право.

— Это я пошутил, — поторопился оправдаться, заподозрив сухость в её голосе.

Хотя какие могут быть шутки в моём положении? Характер у меня глупый. Да и не осталось наверняка этих фужеров.

На пригородный я опоздал, а следующий проходил под утро. Неожиданно подкатил голод. Я знал, что на узловых станциях столовые работают круглосуточно. В портфеле стояла початая на кладбище бутылка вина и вторая — резервная, на случай если Нина... Надеялся пересидеть в столовой до самого поезда, но не смог. Неуютно ждать, когда к тебе в любой момент может подойти какая-нибудь повариха и спросить, что я здесь расселся. Хотелось одиночества. Поужинав, сунул в портфель кулёк любимых пирожков с луком и яйцами и вернулся на вокзал. Скамейка в скверике была свободной.

Какими думами заполнить долгое вокзальное ожидание? И можно ли выбирать направление этих дум? Я не умею. Они не слушаются меня. Иные из них не отзываются, другие отмахиваются, а те, которые вроде и не звал, настойчиво лезут в голову. Вспомнился мужик с татуировкой, упавший возле скамейки. Я мог забить его до смерти. Но ни страха, ни жалости — ничего, кроме брезгливости. Пробовал направить воспоминания на дружбу с Ниной: как заботилась обо мне, сколько откровений терпеливо выслушала, — но Нина, печально улыбаясь, ускользала из памяти, в которую бесцеремонно лез Пашка. Вспомнилось, как на новогоднем вечере он отозвал меня и сказал, что подслушал, как Лариска Лукашина призналась подружке, что ей

нравятся сразу два парня — Паша и Костя. «Лариска симпатичная девка, но я тебе её уступаю, танцуй с ней, я мешать не буду». И этот благородный жест меня не покоробил, я принял подачку, танцевал с ней и целовался в подъезде. Ещё до окончания школы мы незаметно охладели, потому что я был влюблён в Риту Власову. Уступить её Пашка бы не предложил. Да и как предлагать то, чего у тебя нет? По мере убывания вина в бутылке я убедил себя, что вообще неспособен на большую любовь и все мои так называемые победы случались с женщинами, которые были побеждены до меня. Я никогда не дрался из-за женщины, не отвоёвывал её для себя, получал то, что достаётся без боя. И с теми, кто не нравился, не вступал в откровенную вражду. Буйвол догадывалась о моей нелюбви и постоянно провоцировала меня к бунту, но я так и не решился на него. Я учился в десятом. Она организовала модную игру в КВН между восьмым «А» и восьмым «Б» и пригласила меня поучаствовать в составлении вопросов и в судействе. Я предложил загадать, как разделить поровну три сырых картошины на пятерых. Она долго не хотела ставить вопрос, якобы сложный для восьмых классов, но потом согласилась. Когда вопрос прозвучал в игре, мальчишка из восьмого «Б» сразу ответил: сварить пюре и разделить ложками. Я понимал, кто подсказал, потому что другую команду готовила физичка, которую Буйвол недолюбливала, но разоблачать не стал. И вообще поймал себя на том, что болею за её команду, потому что её страсть при подготовке к игре заражала, притягивала на свою сторону.

Поднимая очередные полстакана за упокой души Нины, в мыслях почему-то возвращался к Буйволу.

* * *

Дома добрался до дивана и, на удивление, сразу заснул. Проснулся к обеду и долго лежал с закрытыми глазами. Думал о Нине. Какая чепуха лезла в голову, пока сидел на лавочке и допивал вино! Пьяному только кажется, что он безжалостен к себе, на самом деле он всегда находит щадящую лазейку, где не так страшно. Именно здесь, на старом диване, на котором мы слушали по радио любимую передачу «Театр у микрофона», переживали за героев Брестской крепости и восхищались находчивостью и смелостью красного командира-интернационалиста Олеко Дундича, настигло меня осознание трагедии. И на пороге её квартиры, когда ошарашила меня известием озадаченная учительница математики с полотенцем на голове, и на кладбище, когда выкорчёвывал гигантский лопух и таскал битый кирпич, чтобы укрепить крест, я понимал, что случилось непоправимое, но не осознавал, насколько оно тяжело для меня. Да какое там для меня... Лежал и думал, каково было ей в последние годы — спившейся, презираемой, брошенной всеми. Ей, которая привыкла к доброте и бережному отношению. Каково ей было просыпаться и видеть чужого

мужика в постели или, хуже того, бывшего ученика. Подобное даже в кошмарах не могло ей присниться, хотя вряд ли они посещали её, пока не пила. Каково ей было сидеть одной на захламлённой кухне в редкие прорехи между пьяным забытьём. Она росла светлым человеком. Хромота, конечно, не давала забыть о себе. Но живут же люди и с более страшными недугами. Кое-кто даже карьеру делает, извлекая пользу из болезней и увечий. Хитрость, изворотливость, умение приспособиться, обострённое желание доказать, что ты не хуже так называемых нормальных людей, имели право развиваться в ней и помочь выжить, но Нина была другой. Слишком доброй и открытой.

Мать возникла рядом (словно подкралась) именно в тот момент, когда я пытался подобрать подходящие слова, чтобы сообщить о смерти Нины, а непослушные слова капризничали и не хотели подбираться.

— Вставай, знаю, что не спишь. Где шлялся всю ночь? Этак можно и триппер в родном посёлке заработать. Если через три дня закапает, так уж и быть, поставлю укол, по-родственному.

Обычно мне нравился её циничный медицинский юморок, но момент был самый неподходящий, и я взъелся. Вскочил с дивана и крикнул:

— Нина повесилась.

Мать отёрнула руку, которой собиралась дотронуться до меня, и отступила от дивана. Губы её шевелились, перебирая слова, но слов не было. Я стоял перед ней в трусах, понимая, что они топорщатся, потому что хочется в сортир, и это совсем разозлило меня. Резко шагнул мимо неё, а когда возвратился, мать была уже на кухне. Стояла возле окна и спросила, не оборачиваясь.

— Когда это случилось?

— Почти два года назад.

— Я чувствовала, что переезд не кончится добром.

— А если чувствовала, зачем выживала её из дома?

— Здрасьте. Я выживала?

— Своей глупой ревностью.

— Какая ревность? Это Буйвол ваш выдумал. Я за всё время грубого слова девчонке не сказала, — мать продолжала смотреть в окно и говорила вроде как сама с собой. — Кто бы мог подумать, что она такое сотворит? Я в госпитале много насмотрелась. Иные совсем без ног оставались, но жили; правда, они были мужиками, а у девчонки характер хрупкий. Отцу сам скажи. Я не могу, боюсь.

Первый раз услышал, что она боится отца, и стало очень жалко её. Захотелось утешить. Подошёл, тронул за плечо, но она словно не почувствовала этого. Потом робко предложила:

— Ты обедать будешь?

— Не хочу, как-нибудь после.

— Может, рюмочку за помин души? У меня в заначке есть.

— Не буду. Мне ещё к Буйволу надо сходить.

— Ты смотри поаккуратней там. А я, пожалуй, приму.

Мать продолжала смотреть в окно и полушёпотом задавала один и тот же вопрос:

— Как же так? — в котором слились и растерянность, и недоумение, и чувство вины.

Не поворачивалась, не хотела, чтобы я увидел слёзы.

* * *

Больше всего я боялся, что не застану Буйвола дома. Торопился, чтобы не расплескать всё накипевшее в душе. Дверь открыл Пирогов, одетый в пижаму, в руке он держал газету, сложенную пополам. Буйвол стояла возле раковины и мыла посуду. Я первый раз увидел её в халате. Халат был ярким, даже легкомысленным, и не по возрасту коротким. — Дмитрий Дмитриевич, погуляй с Никишей, а мне надо с Константином поговорить.

Она провела меня в комнату и указала на стул, сама села напротив. Белой настольной лампы, подаренной Ниной на свадьбу, я не увидел — наверное, стояла в спальне, а репродукция картины Крамского висела у меня перед глазами. Я смотрел на портрет красивой загадочной женщины, и у меня мелькнула догадка, что, может быть, «Неизвестная» напоминала Буйволу её в молодости или она мечтала быть похожей на неё, отыскивая сходство. Ко мне подбежал Никифор, поздоровался за руку и спросил:

— Константин, вы сделаете мне новую свистульку?

Чувствовалось, как нравится ему выговаривать длинное имя «Константин».

— Обязательно сделает, при первой встрече, — заверила мать, а когда они ушли, без предисловий заявила: — Знаю, зачем пришёл.

— У меня что, на лице написано?

— И на лице тоже. Ты пришёл поговорить о Нине, — она явно форсировала разговор и отвечала на вопросы, которые я не успел задать. — Знаю, что с ней случилось. Ты, естественно, в курсе, что она работала у моей приятельницы. И не кто-нибудь, а я выхлопотала ей квартиру. Я делала для неё больше, чем для собственной дочери. И пусть она подвела меня, но я её простила.

— Если бы вы не рассорили Нину с моей матерью, она бы не уехала от нас.

— Во-первых, я их не ссорила и всегда уважала твою матушку. А во-вторых, ей надо было когда-нибудь начинать самостоятельную жизнь. В кого бы она превратилась, проживая в вашем доме? В обзлётную старую деву?

— Нина? Обзлётная?! Это вы о ком?

— Прости, я неточно выразилась. Ты прав, но она жаловалась, что ей хочется самостоятельной жизни.

— А может, вы хотели устроить себе место для свиданий?

— Свидания случились уже после того, как она решила переезжать. Пойми, я всё-таки женщина, и у меня есть право на свои ошибки и слабости. Ты же взрослый человек и, надеюсь, не собираешься обсуждать мою жизнь с Дмитрием Дмитриевичем.

— Поэтому и выдворили её со свадьбы?

— Что значит выдворила? Зачем так грубо? — деланно возмутилась она и укоризненно улыбнулась. — Нине было бы неуютно в той компании. Я потом приехала к ней, поблагодарила за красивую лампу. Мы мило посидели и расстались подругами.

Нина не рассказывала мне, что Вера Никифоровна приезжала к ней после свадьбы, но Буйвол говорила так убедительно, что уличать её во лжи я не решился. Если бы она приехала, они бы, конечно, расстались подругами, в этом я не сомневался.

— И она от радости запила?

— Ну что ты говоришь! Причина совсем в другом. Вернее, несколько причин. У неё был неудачный роман. Парень воспользовался её доверчивостью, а потом цинично бросил. Классическая ситуация. Подобных примеров и в жизни, и в литературе не перечесать, но кто же учится на чужих ошибках? Будь она посовременнее, она бы пережила неудачу с меньшими потерями, но всё случилось в первый раз. Искреннее чувство разбилось о мужской цинизм, и это сломало Нину.

— Хотите сказать, довело до запоя?

— О её пьянстве даже говорить не желаю, потому что ни разу не видела её пьяной. Не хватает моего воображения соединить два её образа в один. Она жила у вас как в инкубаторе. Может, я и виновата, что устроила этот переезд, но я хотела ей только добра на протяжении всей нашей долгой дружбы. Ты веришь мне?

И я не смог сказать, что не верю. Я многого не смог сказать из того, с чем торопился к ней. Даже обвинял её каким-то извиняющимся голосом. Понимаю тех, кто был в неё влюблён, очарован, околдован. Но я-то околдован не был. И тем не менее.

* * *

В словаре иностранных слов, выпущенном издательством «Русский язык» в 1981 году, слово «харизма» отсутствует.

Светлана Ермолаева

ФОРМУЛА ОРКЕСТРА

Внутри воронки бытия —
Начало звука.

Из ноты начинаюсь я —
Как вдох и му́ка.

Мир состоял из скрипачей,
Смычков и скрипок.
Бежал ручей, дрожал ручей,
Упрям и гибок.

Вдыхала флейта тяжело,
Но пела чисто.
Вдох-выдох — это ремесло
Её флейтиста.

У скрипача горячий след
Горел на шее.
Пронзительнее ноты нет
И нет нежнее.

Внутри у музыки, внутри
Мы тоже ноты.
Метались в зале снегири
На зов фагота.

Мы ждали чуда, колдовства,
Потом — рыданья.
На грани кровного родства
Мы — ожиданье.

Скорее в музыку, скорей —
Мы улетели,
Как ноты лёгких снегирей
И свиристелей.

ПАМЯТИ ДРУГА

I.

Расскажи, как тебе живётся
Там, на облачке, в тихой дали.
Мне пока ещё не удаётся
Отпустить тебя в небо с земли.

За чертой, за горами, где-то
Ты как облако или как дым.
Впереди — огромное лето.
Возвращайся и стань живым.

И черёмухи белые крылья
Между миром моим и твоим.
Все мы станем могильной пылью.
Я хочу, чтоб ты был живым.

Невозможное невозможно.
И черёмухи белый снег
Засыпает след осторожно
Там, где только что был человек.

2.

А тебе и закат — не закат.
И рассвет тебе — не рассвет.
Ты уже не вернёшься назад.
Ведь тебя уже нет.

Крылья бабочки — о стекло.
Звон рассыпавшихся монет.
Ничего у меня не прошло.
А тебя уже нет.

Город вымок — всё дождь и дождь.
Льются струйки с озябших крыш.
Может, ты у подъезда ждёшь.
Выйду — ты под зонтом стоишь.

Может, где-то остался след
На траве, на тропе, на воде.
Понимаешь, тебя уже нет.
Просто нет. Навсегда. Нигде.

* * *

Сделаем ангела из бумаги,
Белого ангела с белым крестом,
Сделаем ангела — символ отваги,
Поговорим с ним о самом простом.

Жизнь состояла из неба и снега,
Дальних огней под бесстрашным крылом.
Светятся буквы — альфа, омега...
Светятся над поминальным столом.

Ангел бумажный на ниточке тонкой,
Стал ты игрушкой на ёлке моей.
Вот и смотрю с изумленьем ребёнка
На безмятежность ночных фонарей.

Снег новогодний хрустит под ногами,
Снег закружился над головой.
Ангел небесный стал оригами,
Мне разрешая остаться живой.

* * *

Как будто в ночной электричке
Плыву неизвестно куда.
Россия по давней привычке
Баюкает поезда.

Качает, качает, качает
Качает на стыках вагон.
В стакане горячего чая
Плывёт, отражаясь, перрон.

Перроны, леса и болота,
Вокзалы, леса и поля.
Забудешь, откуда и кто ты, —
Напомнит родная земля.

Напомнит гудением ветра,
Несущим обрывки вестей
Над тысячами километров
Железнодорожных путей.

И рельсы протянуты в небо.
И лестницами в облака
Из были уходим мы в небыль
На зов уводящий гудка.

* * *

А в России снег,
А в России дождь,
А в России ты
Ничего не ждёшь.
Ничего не ждёшь,
Просто так живёшь,
На рассвете — снег,
На закате — дождь.

На закате — дрожь
Да вороний грай.
Порвалась струна —
Всё равно играй.
Всё равно живи,
Всё равно дыши,
Лишь вороний грай,
Больше ни души.

Погоди, не рвись,
Ненадёжна мгла.
Обнимая высь,
Спят колокола.
На тяжёлый шар,
На ночной ковчег
Ляжет тихий дар,
Ляжет белый снег.

Юрий Беликов

ФАНТОМЫ РОДИНЫ

Всё чудится: здесь каждый исчисляет
одну загадку, даже — из-под век:
как быстро, как бесследно исчезает
в твоих, Россия, хлябях человек!
Едва пронёс фамильную тальянку
сквозь буреломный, обморочный лес
и только-только вышел на полянку,
к ладам приноровился, как исчез...
Последнего я видел книгочея:
библиотеку выброшенных книг
на свалке он собрал, благоговя.
...Исчез, склонившись над одной из них.
А вам слабо над книжицей склониться,
восторженному бомжику под стать?..
Кто скажет, на какой теперь странице
нам человека русского искать?
— Убили? — говорю. Киргиз мотает
испуганной башкою: — Кто убил?!
Он сам исчез...

И тоже исчезает.

На мах: из пермской дворницкой — в ИГИЛ.
Но даже хлябь становится твердыней,
когда визжат: — Исчезни за Можай!
«Не исчезай...» — твердил Таривердиев.
Он Родине твердил: «Не исчезай...»
Есть две России: та, что исчезает,
и поездом зачерпнутый косяк,
где всяк своих детдомовских считает —
Россию обнаруживая так.

ЗАПОЛОШНЫЕ СТРОФЫ,
ДОПИСАННЫЕ В ПОЕЗДЕ
МОСКВА — ХАБАРОВСК

На Москве теперь пахнет ханкою —
я откашляться не могу.

И в Хабаровске лишь отхаркиваю...
хр... нахрапистую Москву.

Разорённой бобровой хаткою,
заводской трубой, что мертва...
Раздирая тайгу, отхаркиваю —
не отхаркивается Москва!

...Залетели ко мне в девяностые
заполошные две строфы.
Я их сам придушил: «Несносные!
Не из той вы, поди, страны?..»

Но коль весть прибыла — не балуйся,
на пути у неё не стой.

Нынче нету Москвы без Хабаровска,
ты и сам из страны не той.

Где ты, где ты, «Москва кабацкая»?
И есенины — с тех крылец?

— Не «кабацкая» ты — хабадская! —
так Хабаровск решил, храбрец.

Гой вы, дровяники-сараяшки,
ямы-погребы, в них — чертей...
Волны нищих опять стараются
захлестнуть берега церковей.

И, как битая жёнка — фингалами,
вновь кичится в поверьях своих
кудеярами Русь да фургалами,
возводящая татей в святых.

И доколе же в земли путные
псевдорусские терема
будут вкручивать юры трутневы —
не расколется Колыма.

У Хабаровска — полоумие?..
Но готовы к нему примкнуть
все поля на Руси в полнолуние,
все леса, вся подземная чудь.

СРЕДИ КАМНЕЙ

*— Видно, жизнь у тебя была тяжёлая...
Евгений Евтушенко во время
нашей прощальной встречи*

Камни! Братья мои. Я космически окаменел.
Не теперь, у воды, где сижу дотемна истуканом.
Но когда лицезрел человеческой изнанки предел —
рыбой канул на дно, чтобы выбраться на берег камнем.

«Итигелов... как вылитый!» — стар мне талдычит и млад.
Я и рад бы сравниться с успешно усопшим бурятом,
что из мира камней человеком вернулся назад.
Итигелов мне брат, да не камню считать его братом.

Камень точит вода, человека, вестимо, — червяк,
Бога — сам человек: то гневит он Его, а то славит,
но, в конце-то концов, покидающий плотское, всяк
над собой не кумира — источенный камень поставит.

Значит, не совладать человеку без камня. Не смог.
Ну а камню-то, камню?.. А камень живёт имяреком.
Что же, окаменевший, я Бога молю: «На денёк
пусти, Всемогущий, и дай мне побыть человеком!»?

ГАТЬ

Твои фамилии прогнили,
Россия-гать...
По треснувшим жердям фамилий
как через топь шагать?

Пусть несть числа Великой Грязи —
на Ивановых ты стоишь,
да вот загвоздка: ступишь лишь,
а там — сплошные Ашкенази.

Мы за Есенина ещё
у этой гати не спросили!
Но есть ли русские в России?..
Иль всяк спроважен, замещён?

Живёт, отвержен и охаян,
и потому — не подхалим,
и коль кричат ему: «Лехаим!» —
то русский слышит: «Лихоим...»

И переводит: «Лихо им!»

КРИЧИТ СТАРУХА

Кричит старуха из окна:
— Товарищи... Товарищи...
А за окном — не та страна,
и слышится: «Товар ищи!»

Кричит старуха с высоты
столетья нееёного.
Кричит и требует еды.
Уж третий день — Неёлова.

Быть может, впала в забытьё
она ещё при Сталине,
и к ней — племянники её,
как тумбочки, приставлены.

Ох, не молчит она ни дня,
как будто вяжет варежки...
И верит: если б не родня,
то все вокруг — товарищи.

А впрочем, это не беда —
в уме держать незнание,
что всюду ходят господа
от здания до здания.

Они завидовать должны:
пускай старуха спятила,
но докричится до страны,
которой не утратила.

ОГОВОРКА НАУМА

*— Простите меня, я людей не вижу...
Наум Коржавин на своём
публичном выступлении*

— Простите меня, я не вижу людей! —
Коржавин, кружащий глазами по залу, —
слепец иль провидец? Добряк иль злодей?
А может, иное прозрел иудей?
Богов? Вероятно. Зверушек? Пожалуй.

— Простите меня, я не вижу людей!
Как если бы люди себя задымили...
Как если бы боги людей утомили...
Неужто он вестником был пандемии,
где боги — роднее, а твари — видней?

Науму, его наливному уму,
сдаётся, отверзлось внезапно сквозное:
как Ноев ковчег не возможен без Ноя,
так Ной — без мычания, клёкота, воя,
и, значит, уже не надкусит глазное
созревшее яблоко Ева ему.

А люди... Пускай без копыт и рогов
не могут и стали вместилищем бесов,
зато — о-го-го! — породили богов —
Перунов, Нептунов, Гермесов, Велесов.
А сколько ещё наберётся голгоф
на каждый из взятых людьми эверестов?!

И всё же на Землю сойдёт Асмодей,
чтоб ту оговорку Наума проверить
и род человеческий зачистить на ней, —
и влезет он в окна, и выбьет он двери,
и Космосу вымолвит жалобщик сей:

— Простите меня, я не вижу людей!
Я слышу, как плачут лишь боги да звери...

ИНАГЕНТ, или Игрушка Космоса

Я — инагент. Не иностранный. Нет.
Берите выше: я — инопланетный.
Мне переводы шлют с других планет,
где Космоса не дремлет двор Монетный.
Пусть гоголями ходят скрипали —
Улицкая, Акунин, Ерофеев,
да ты и сам, браток, не из орфеев, —
засим решай: оглядываться ли?
Что Бийск, что Рим, что Крым и что Нарым —
тебя везёт в махатмы Сивка-Бурка.
И Ройзман, оказавшийся вторым,
метнётся в мэры Екатеринбург.
Когда б его в Молёвке окрестил
Эмиль Бачурин контактёром сразу!..
Но ты заснял невидимое глазу!..
Ты угодил в агенты чудных сил!..
Затем ли в аномальной зоне чип
тебе в ту ночь вогнали меж лопаток,
чтоб ты не различал галактик скрип?
И падок был до скрипа куропаток?
Давным-давно все чувства истребя,
что нынче скажешь девушкам на ушко?..
Но давит Небо. Давит — на тебя.
И вот пищишь ты, Космоса игрушка!

* * *

— Оля, я тебе не всё рассказываю...

— Не надо всё рассказывать...

Из разговора с сестрой

Прошла ли жизнь атакой газовой,
хоть нам Итака по плечу, —
я не молчу — я не рассказываю,
а вам-то нравится — молчу.

И даже если я рассаживаю
гостей, чтоб выслушали, — чу! —
я не молчу — я не рассказываю,
а им-то чудится — молчу.

Всегда горазды многообразные
пенкосниматели молвы:
вот кто расска-расска-рассказывает,
пока безмолвствуете вы.

И чем, то застя, то выскальзывая,
любезен ты народу стал?
Тем, что усердствовал, рассказывая?
Иль тем, о чём не рассказал?..

Андрей Пучков

Добрая страшная сказка

Ну что же, вот сказка и закончилась. Я стояла возле единственного уцелевшего в квартире окна и смотрела во двор. К моему подъезду с обвалившимся от взрыва козырьком, в сопровождении пяти закамуфлированных фигур, торопливо подходила Клавка — мой злой гений. Она постоянно оглядывалась на идущих следом военных и мелко семенила ногами между разбросанными обломками кирпичей и бетона. Остановилась, что-то сказала им и, зло ощерившись, юркнула в подъезд.

Убежать я не успею, и так увидела их случайно, подойдя к окну. Они поднимаются уже по лестнице — слышно, как под ногами скрипят и ломаются осколки подъездных стёкол. В окно сбежать не получится — четвёртый этаж. Высоко. Был бы первый или второй, на худой конец, — повисла бы на руках и спрыгнула.

Я не знала, что задумала Клавка, но понимала ясно, что это не сулило ничего хорошего. Отдаляя миг приближающей опасности, я попятилась, пока не упёрлась спиной в стену.

В комнату зашли только трое военных. Ещё двое, судя по хрусту стёкол, которых было не меньше, чем в подъезде, ходили по разрушенной квартире. Лица у всех троих затянuty чёрными масками. Вздохнув с надрывом, я прижала руки к груди и закрыла глаза.

— Она звонила? — послышался приглушённый тканью голос одного из них.

— Она! Она, сволочь такая! Посмотрите на неё!.. Тварь недобитая!.. — зачастила скороговоркой Клавка, будто боялась, что не успеет выплеснуть на меня всю ту дрянь, что она старательно копила столько времени.

Спросивший глянул на Клавку, а потом, одним движением сдвинув закрывающую нос и рот маску на шею, пригладил свисающие ниже подбородка усы и спросил, обращаясь уже ко мне:

— Она сказала, что ты её невестка. Это правда?

Правда. Волей удивительного случая я оказалась в родственницах у этой стервы. Тогда мне казалось, что так не бывает, розыгрыш какой-то. Я ошибалась. Бывает. Случаются, оказывается, сказочные вещи и в наше насквозь дурное время.

— Девушка, вы здесь одна? — послышалось за спиной.

Я не придала этому значения. Мало ли кто с кем в этой забегаловке знакомится таким незамысловатым способом.

—Вы не возражаете, если я составлю вам компанию?— раздался тот же голос.

Мне было совершенно по фигу, кто кому составит компанию. Главное, чтобы эта парочка общалась потихоньку. Я не хотела слушать ни топорных «подкатов», ни ответов настойчивому ухажёру.

—Молчание знак согласия,— опять послышалось за спиной, и за столик напротив меня уселся молодой мужик.

Я тяжело вздохнула и, подавив желание выплеснуть в физиономию моего визави давно остывший кофе, осторожно поставила чашку на стол.

—Вы замужем?— вдруг спросил мужик и с явным интересом стал ждать ответа на свой идиотский вопрос.

—А может, ты оставишь меня в покое?— прорычала я и начала постукивать пальцами по столу, демонстрируя раздражение.— Уйди, пожалуйста, не доводи до греха, а?

Он не послушался, остался сидеть.

Вообще-то он мне понравился. Не молодой раздолбай, одет дорого, я сразу заметила. Довольно симпатичный, улыбчивый, да и голос приятный.

—У вас неприятности?— нахмурился нежеланный собеседник и осмотрелся с таким видом, как будто хотел увидеть эти самые неприятности.

Он ещё спрашивает! Конечно, у меня неприятности! Даже не так! Неприятность — это когда ноготь сломаешь. У меня же случилась катастрофа! Я осталась без работы, а значит, и без денег. Если нет денег, значит, нечем платить за квартиру. Если нечем платить за квартиру, значит, через неделю я окажусь на улице! Перспективка, знаете ли, так себе, не радует совершенно.

—Слушай! Дядя! В Мариуполе почти полмиллиона жителей, какого рожна ты прицепился именно ко мне? Что тебе от меня надо?

—Невесту себе ищу,— пожал плечами мужик и, демонстративно окинув меня взглядом, добавил: — Вы мне понравились, я и поинтересовался... А вдруг вы заняты?!

Ну-у-у вообще шикарно! Занята, видите ли! Прямо как туалет!..

—Нет! Не замужем! — процедила я и, уставившись собеседнику в глаза, спросила: — Ну что, в загс тогда ведёшь меня или как?

—Веду! — радостно улыбнулся этот ненормальный и, встав из-за столика, протянул мне руку.

Не знаю почему, но я пошла с ним. Не только пошла, но и в загсе сказала «да». Нас расписали сразу же, он договорился. Благо у меня паспорт с собой был. Правда, перед входом в это желанное для каждой женщины заведение произошла небольшая заминка.

—А-а-а как тебя звать-то?— придержала я рукой дверь, которую мой жених почти открыл.

—Точно! Я, честно говоря, об этом и не подумал! — ошарашенно уставился он на меня.

— Зашибись! Не подумал он! — усмехнулась я и протянула ему руку. — Для друзей — Леся, для мужа — Леська или Лесенька, для всех остальных — Олеся Александровна.

Он встал во фронт, щёлкнул каблуками и, склонив голову, представился:

— Для друзей — Колька или Колян, для мамы — Коленька, — он взял меня за руку и, поцеловав пальцы, прошептал: — Для жены — любимый, дорогой, ненаглядный, вариантов много. Выбирай...

— Ну что же, дорогой, любимый, ненаглядный. Пошли, коль не передумал.

Мой муж, Николай Алексеевич Бойко, тридцати шести лет от роду, жил с мамой и был обеспеченным человеком. Если без ложной скромности — откровенно богатым. Не знаю, в чём заключается работа топ-менеджера, но новоявленный супруг дома почти не появлялся. Согласно должности, болтался не только по Украине, но и по России, да ещё и Белоруссию захватывал.

Узнав, что на голову нежданно-негаданно свалилось материальное благополучие, я напряглась. Чёрт его знает, что у этих богатых на уме. Может, он специально решил жениться на первой встречной. Попросит потом что-нибудь подписать, прикрывая меркантильные интересы, и пойду я в места не столь отдалённые. Однако обошлось.

Почему мой муж поступил как последний идиот, я узнала через неделю после свадьбы, когда наконец-то случилась наша первая брачная ночь. Он в этом вопросе поступил как настоящий джентльмен. Не торопил, дал время привыкнуть. Я, закатив глазки от такой наивности, мужественно вытерпела неделю, а потом сама затащила его в постель. Не пожалела. Мужик что надо!

В скоропалительной женитьбе ненаглядного была виновата его мама. Он её очень любил, но она уже доставала его ожиданиями наследника. И всё бы ничего, ждёт и ждёт. Все внуков ждут, это нормально. Однако же мама периодически пыталась его женить на тех, кто подходил ему больше, по её мнению. И тоже всё бы ничего! Если бы претендентки на его руку не были поголовно бальзаковского возраста и, мягко говоря, не очень симпатичными.

После очередного знакомства с тоскующей в одиночестве дамой мой будущий благоверный психанул, заявил маме, что женится на первой понравившейся встречной. Подвернулась я.

— Ах ты ж стерва! — рыкнул второй вояка и шагнул ко мне, залепив такую оплеуху, что я, мотнув головёнкой, влипла в стену.

— А ну пошёл отсюда, придурок! — заорал усатый. — Иди вон хату пошерсти. Может, что ценное надыбаешь. Машет он тут копытами...

— Не любит, видать, тебя свекровка-то, — провожая взглядом напарника, зло сплюнул усатый. — Чем же ты ей, красавица, не угодила?

Не дождавшись ответа, он крикнул, обернувшись к двери:

— Мара, ну что там?

— Ничего, обычная квартира, — послышалось из соседней комнаты, и к нам вошла невысокая симпатичная женщина, на вид чуть постарше меня, светловолосая, с короткой стрижкой. В отличие от сослуживцев, была без маски.

— Где телефон? — спросила она, дождавшись, когда я встану и опять подопру стену.

Я всхлипнула и кивнула на посечённый осколками сервант:

— Там. Надо дверцу открыть. Он в коробочке. Только я ключ найти не могу после того, как во дворе бабахнуло.

Женщина кивнула, подошла к серванту и, вытащив из кобуры пистолет, выстрелила в дверцу. Раздался грохот, я взвизгнула и присела на корточки, закрыв голову руками.

Глаза открыла только тогда, когда услышала женский голос:

— Мама дорогая! Какой аппарат! «Вертушка», что ли?

— Да, верту... Мне его Коля подарил. На задней крышке его портрет есть...

— Коля — это кто? — заинтересованно посмотрела она на меня, рассматривая сотовый.

— Муж...

— А-а-а-а! Так это ты, значит, москалям звонила?!

— Никому я не звонила! — заревела я в голос. — Телефон уже дней десять разряжен. Как только свет отключился, подзаряжаться негде стало...

Усатый переглянулся с напарницей и, оглянувшись на маячившую в другом конце комнаты Клавку, спросил:

— Где твой телефон? — и, не дожидаясь ответа, приказал: — Посмотри...

Свекровь не стала доводить дело до крайности. Сама вытащила телефон из любимой сумочки, с которой последнее время не расставалась, и протянула женщине.

— Тоже разряжен, — пробормотала та и, размахнувшись, изо всех сил долбанула сотовым об пол.

— А она ведь сказала, что слышала, как ты вчера по телефону кому-то рассказывала, где стоят наши танки и орудия, — усмехнулся усатый.

— Точно-точно! — засмеялась женщина. — Даже настоятельно рекомендовала тебя пристрелить. Предатели, мол, не достойны жить в Украине.

— Не любит тебя свекровь! Ой не любит! — хохотнул усатый и направился к двери, напоследок обернувшись: — Вам теперь будет о чём поговорить, — и вышел из комнаты.

Это правда. Свекровь меня не любила. Не просто не любила, а ненавидела тяжкой, выверенной ненавистью. Она смотрела на меня так,

что, казалось, вытяни я вперёд руку, то смогу эту ненависть сжать в кулаке. Иной раз я поражалась: как в таком худом теле умещается столько злобы ко мне?

Случись у нас с Колей обычные отношения — встречи, свидания, кино, цветы, — она, может, и притерпелась бы. Смирилась бы в надежде на скорых внучков. Но то, каким образом я попала в её семью, да ещё и ей назло, — с этим она смириться не смогла.

Справедливости ради, поначалу Клавка вела себя довольно прилично. Наверное, надеялась, что муж разберётся в тонкостях моей дрянной натуры и погонит прочь. Надо только чуть-чуть подождать. Не дождалась. Напротив, с каждым возвращением мужа домой я чувствовала, что больше и больше ему нравлюсь. Особенно по ночам. К сожалению, это заметила и его мамаша. И грянула между нами гражданская война. Прямо как между Киевом и мятежным Донбассом.

Свекровь начала военные действия и, чтобы быть поближе к полю боя, переехала из шикарной киевской квартиры к нам в Мариуполь. Мотивировала тем, что Коленьки подолгу не бывает дома, а мы, оставшись вдвоём, быстрее найдём общий язык. Коля, зная о наших напряжённых отношениях, воспринял это с энтузиазмом.

Мой муж — умный человек, умный и сильный. Многое знает, иной раз казалось, что знает всё! Но в некоторых вопросах наивен, как ребёнок.

— Подождите, подождите, не уходите! — окликнула я усатого. — У меня для вас кое-что есть.

Тот вернулся в комнату и вопросительно на меня уставился.

— Посмотрите её сумочку, — ткнула я пальцем в сторону Клавки, которая, с ужасом уставившись на военного, прижала к тощей груди сумку. — Глянь-ка, что там у неё, — посмотрел тот на Мару.

Клавка так просто со своим добром расставаться не пожелала. Когда Мара протянула к ней руку, Клавка с перекосившимся от злобы лицом отмахнулась от неё сумочкой.

Та уговаривать не стала, резким движением ухватила левой рукой сумку за ремешок, а правой нанесла сильный удар Клавке в лицо. Свекровь, нелепо взмахнув руками, шлёпнулась задом на грязный, усеянный осколками битой посуды пол.

С интересом понаблюдав, как, пытаясь встать, копошится на полу Клавка, женщина спокойно, будто ничего и не произошло, подняла опрокинутый журнальный столик и вытерла столешницу рукавом. Задумчиво взвесила сумку в руке и, присев рядом со столиком на корточки, решительно вывалила на него содержимое сумки.

Коля меня баловал. По поводу и без дарил украшения. И не простые, а дорогие ювелирные изделия. Мне это было приятно. Но один раз, когда он надел мне на шею умопомрачительное кольцо, я, узнав цену,

начала орать, что он сумасшедший. Муж с радостью согласился и потащил меня в спальню, чтобы я его отблагодарила.

Когда началась война с Россией, по домам стали ходить нацики и грабить квартиры. Мне рассказала баба Маша, соседка, её дочь якобы уже попала под раздачу. Предупредила, чтобы я всё ценное не прятала, обязательно что-нибудь оставила. Сказала, что если ничего не найдут, будут избивать, пока не сознаюсь, куда прятала. Ну а так есть надежда на то, что прихватят эту мелочь и уберутся.

Я так и сделала: разложила по вазочкам и шкатулкам с десятков не очень дорогих колец и цепочек, а остальное прятала в укромном местечке.

В один неудачный день во двор прилетел снаряд, и квартира превратилась в развалины. Когда я пришла домой, Клавка запричитала, что сразу после взрыва нагрянули «нацики», обыскали квартиру и унесли всё, что нашли. Сначала я ей поверила, но, поразмыслив, поняла, что неспроста свекровь стала таскать с собой сумку. Раньше у неё такой привычки не было. Зря я прятала драгоценности, когда она дома была. Подсмотрела, зараза!

Я была права! Все мои украшения аккуратной горкой лежали на столике и, поблёскивая драгоценными камнями, радовали глаз. Чужой глаз. Мне было до слёз обидно, что мою память о Коле распахают по карманам и утащат.

Моя свекровь — гадина! Убеждалась в этом не раз. Она даже кошку Мусю, которая прожила со мной восемь лет, не пожалела. Избавилась от неё первым делом, когда переехала к нам. Мне сказала, что та выпрыгнула в окно и убежала. Сама при этом смотрела такими невинными глазками, что оторопь брала. А теперь этот, последний, штришок к её поганому портрету.

— Ни хрена себе! — ошарашенно протянул усатый и, подойдя ближе к столику, нагнул, чтобы лучше рассмотреть драгоценности.

— Ты же сказала, что грабители всё забрали, — процедила я и уставилась в ненавистную физиономию свекрови.

— Это не твоё!.. — прохрипела Клавка и, выпучив глаза, уже не сдерживаясь, заорала срываясь на визг: — Ты тварь, тварь, тварь!.. Чтоб ты сдохла! — она перевела дыхание, а потом, подавшись в мою сторону всем телом, добавила: — Ты, гнида, всё равно сдохнешь! Я тебя изведу, ты даже...

Договорить она не успела. Поднявшись с корточек, Мара вытащила пистолет и со словами:

— Не изведёшь, — выстрелила Клавке в грудь.

На этот раз я уже не визжала и не пыталась укрыться от хлестнувшего по ушам выстрела. Только вздрогнула. Всё, что происходило, казалось кошмарным сюрреализмом.

Моя свекровь, как в замедленном действии, раскинула руки и, сделав назад несколько мелких шажков, упала в чудом сохранившееся

целым кресло. Я, одурев от совершённого с такой лёгкостью убийства, посмотрела на усатого. Тот поморщился и, вздохнув, покосился на Мару:

— Ну и чего ты творишь, мать твою?.. Это же не твоя свекровка...

— Не моя, — усмехнулась та, — но теперь уже и не её.

— Ты больная, — опять вздохнул усатый и, посмотрев на меня, спросил: — Надеюсь, не возражаешь, что мы это конфискуем? Для войны, хорошая моя, деньги нужны, — и он начал рассовывать драгоценности по карманам.

Мне было уже всё равно, что там будет с этими побрякушками. Это такая мелочь. Это не страшно. Страх находился передо мной. Он сидел в кресле и, раскинув в сторону руки, смотрел на меня мёртвыми глазами Клавдии Николаевны — моей погибшей свекрови.

— Ну ладно, пока, девонька! — засмеялась Мара и похлопала меня по плечу. — Да не убивайся ты так! По нынешним временам, эта ведьма тебя рано или поздно утробила бы! Помяни моё слово!.. Моя такая же была!..

И она, ещё раз хлопнув меня по плечу, направилась к выходу. Потом обернулась и крикнула:

— Спасибо потом как-нибудь скажешь.

«Вертушку» мою они тоже забрали.

Клавдию Николаевну мы с оставшимися в живых соседями похоронили прямо во дворе, рядом с другими убитыми людьми.

Где находился муж и жив ли он, я не знала. Последний раз он позвонил и сказал, что его задержали эсбэушники: он большую часть времени проводил по работе в России — значит, шпион.

Коля сам пришёл через две недели, когда в нашу часть города зашли российские войска. Ему повезло: когда снаряды начали рваться рядом с подвалом, в котором его держали, прибежал какой-то военный, отомкнул камеры и всех выпустил.

Я сидела в большой эмчээсовской палатке и маленькими глоточками, обжигаясь о железную кружку, пила чай. За соседний стол напротив меня села женщина в замызганном сером пуховике. Сняв вязаную шапочку, она пригладила короткие светлые волосы и торопливо начала есть гречневую кашу с мясом, которую перед ней поставил волонтёр. Уткнувшись в тарелку, сосредоточенно работала ложкой и по сторонам не смотрела. Ну а я смотрела, внимательно смотрела! — Вы не возражаете? — спросила я и, не дожидаясь разрешения, села напротив женщины.

Та не ответила, ещё ниже опустила голову и положила ложку на стол. — Смотри, мамуля, что мне дали! — раздался детский голосок, и на колени к Маре забралась девочка лет четырёх. — Шоколадка!.. Хочешь? — Нет, солнышко, не хочу, — не поднимая головы, прошептала Мара и, обняв дочь, прижала к себе.

Я смотрела на Мару и поймала себя на мысли, что не испытываю к ней неприязни. Это неправильно. Так не должно быть. Она убийца. Хладнокровная убийца. Я просто обязана её ненавидеть, она, в конце концов, убила человека, которого очень любил мой муж. Я прекрасно это осознавала, но поделать ничего не могла. Сидит вот она передо мной и сидит, и Бог с ней...

—Иди поиграй,— наконец сказала Мара дочери и, поправив на ней шапочку, отпустила с колен.

Когда ребёнок убежал, она прошептала:

—Пожалуйста, не бросай её...

—Ага, конечно!.. Разбежалась!..— грубо перебила я женщину.— Сама воспитаешь! Мне через семь месяцев и так будет чем заняться.

Я встала, потрепала Мару по плечу и, сказав спасибо, вышла на улицу.

Не знаю, правильно я поступила или нет. Может, надо было сообщить о ней военным? И тогда она бы мучилась, не имея возможности видеть своего ребёнка. Кто знает? Какое время, такие и люди. Я не исключение, в голове у меня, наверное, тоже что-то «сдвинулось».

У меня оставалось ещё одно дело, которое я придержала до лучших времён. До времён, пока мы не выберемся из мариупольского ада. Мы выбрались!

Коля на улице разговаривал по телефону. Увидев меня, махнул рукой, засунул сотик в карман и побежал ко мне. Сюрприз для него, однако, будет!

Радость, которой так и не дождалась его мама.

ПРОРЫВ

Они подходили к микрофону и говорили. Кто-то говорил негромко, проникновенным голосом. Кто-то, напротив, почти кричал и в гнев сжимал кулаки. Они говорили для меня, для нас. С ними были согласны все, кто здесь находился. Это было заметно по лицам людей. Правильно они говорили. У меня такие же мысли.

Я стоял неподвижно. Стоял и слушал. Я был здесь не один, нас много! Такие же, как я, стояли слева и справа от меня. Прямо передо мной замерли по стойке «смирно» мои друзья. Нет!.. Они не друзья, братья они мне. Мы одна семья. Они воины. Мы все воины. Мы были рождены для битвы. Мы учились этому.

И вот время пришло!.. Стране понадобились наши силы и умения. Она обратилась к нам за помощью, и мы пришли. Мы не могли не прийти! Мы!.. Кровь от крови своей земли. Плоть от плоти её! Мы её дети!..

Дана команда, и всё пришло в движение. И я услышал своё сердце. Оно грохочет и рвётся туда, где идёт бой. Где снаряды швыряют вверх тонны земли и свистят пули. Где погибают люди. Где перестаёт быть всё живое. Где умирают деревья...

Мне не страшно. Мы сильные. Я сильный!.. Земля, из которой я вышел, дала мне эту силу.

Мы идём, пядь за пядью освобождая от чумы фашизма города, сёла, поля и реки. Его долго и заботливо возвращивали враги рода человеческого. У них получилось. Они вновь, выпустили его на волю и теперь смотрят, как он пожирает всё живое! У них короткая память. Они забыли, что этого монстра приручить невозможно. Он, в конце концов, пожрёт и своих создателей.

Мы идём через разрушенные города и горящие деревни. Через покрытые оспенными воронками поля и уничтоженные сады. Через разрушенные колодцы и затоптанные родники.

Мы идём, спасая жизни людей и души заблудших врагов.

Мы идём!..

Мы идём через жару и пыль. Через дожди и грязь. Через мороз и снега.

Мы знаем, что за нашей спиной возрождаются города и смеются дети. Значит, правда на нашей стороне! Значит, мы всё делаем правильно!

Мы идём, теряя братьев и сестёр.

Я вижу, как, склонив головы, плачут мужчины. Настоящие мужчины. Они неумело вытирают слёзы ладонями... Это страшно. На это не надо смотреть. Но я смотрю. Смотрю, чтобы запомнить, чтобы это врезалось в меня снарядами осколками. Они не должны давать мне покоя. Раны от них должны болеть всегда! Болеть за погибших воинов, за женщин, за стариков. За наших мадонн!.. За убитых ангелов!.. За детей наших!..

Я не умею плакать. Плачу вместе с дождём, и слёзы-капли смывают с меня кровь моего брата. Я вижу, как ему закрывают глаза. Он остаётся... Прости, брат!.. Прости, что не уберёг тебя!.. Ты навсегда останешься со мной. Я никогда не забуду тепло твоих рук.

А нам надо вперёд!.. Только вперёд!.. Где-то там, впереди, по нашей земле ползут, разрушая храмы и сжигая книги, звери-крестоносцы!

Но им недолго осталось топтать наши нивы! Я знаю, где они. Я открыл на них охоту!

Бойтесь твари! Я уже рядом. Я пришёл!

Я, русский танк «Прорыв»!

Андрей Леонтьев

ТРЕВОЖНОЕ

Пандемией, насильем, страхом
Новостные забиты ленты.
Впору голову класть на плаху,
Признавая себя агентом

Государства, где нету горя,
Где любые мечты — реальны...
Да едва ли найти такое —
Если только в мирах астральных.

Но планету не выбирают,
Хоть горька бытия суровость,—
И, как мамонты, вымирают
Те, кто знал, что такое совесть.

Все мы верили в идеалы
В пору юности беззаботной,
Но сейчас их осталось мало,
А цинизма — сколько угодно.

Новый век не даёт поблажки
Тем, кто мыслит старинной мерой.
Им порою настолько тяжко,
Что спасает одна лишь вера.

Но и та опускает крылья,
Видя всё, что кругом творится.
Люди словно бы позабыли,
Для чего им дано родиться.

И мечты утопистов ярых
Не сбылись на Земле доселе:
Вновь пылают войны пожары,
Как и в прошлом они горели.

Мир как будто с огнём играет,
Источая тревоги запах,
И всё чаще напоминает
Обезьяну с гранатой в лапах...

СТАРАЯ ЛИПА

Я однажды смогу — и приеду туда, где вырослел.
И пройду по двору осторожно и неторопливо,
Где когда-то мальцом вытворял уйму чёртову дел,
Где стоит до сих пор погрузневшая старая липа.

Прислонившись к родному стволу, помолчу постою,
И, погладив рукой осторожно шершавую кору,
Я почувствую вдруг — ненавязчивым, лёгким укором —
Перед временем искренним тем виноватость свою:

Что уехал давно и отъезду бездумно был рад,
Что на долгие годы забыл к этой липе дорогу...
Вообще, в жизни многое я совершал невпопад,
Но приходит пора — и стремишься к родному порогу

Всем своим существом, и неслышно кричишь от тоски,
Как деревья кричат, у которых отрублены корни...
И далёкое детство стучится в седые виски
Бесконечным набатом: не дай позабыть себе, помни!

И глубокою ночью проснусь вдруг в холодном поту —
Заколотится бешено сердце, до стоны, до хрипа.
Закурю сигарету — и просто поверю в мечту:
Я однажды приеду к тебе, моя старая липа...

* * *

Воспоминанья о тебе —
Мой крест отныне.
Не верю снам и ворожбе,
Тону в пучине
Холодных глаз, жестоких слов —
Как боли много!
Не верю в верность и в любовь,
Не верю в Бога.
Не верю больше я словам,
Признаньям, клятвам.
Дорога, что вела нас в храм,
Огнём объята.
И храм, похоже, весь в огне,
И сердце — следом.
И я — с бедой наедине,
Тобою предан...

* * *

Окурком брошенным шиплю и гасну,
Ночами волком вою на луну
И истязую сердце понапрасну —
Похоже, вряд ли я тебя верну.
Похоже, ты уже в далёких далях,
Отринув всё, что связывало нас,
Летишь, и на судьбы твоей скрижалях
Начертан новый жизненный каркас.
Семейным узам не хватило мощи.
Что тут поделывать? Бог тебе судья.
Разрушить старое гораздо проще,
Вот поплывёт ли новая ладья —
Ещё вопрос. Решать тебе, конечно.
Мой голос ты не слышишь всё равно.
Жаль, что любви не существует вечной.
Я верил — существует всё же, но...

ЖИЗНЬ КАК ПЕСНЯ

А жизнь проходит, словно песня,
Что пелась раньше во дворе,
Когда с друзьями детства вместе
Мы пребывали в той поре,
Где всё ещё должно свершиться,
Где мать с отцом моложе нас
Теперешних и где границам
Условностей не пробил час.
И несмотря на то, что годы
Нам приземляют все мечты,
Мы до сих пор полны свободы
И изначальной доброты
В воспоминаньях о минувшем —
Они пьянят и кровь, и плоть,
И в уголках недоуснувших
Души хранит их сам Господь.
Проходит жизнь — и это норма:
Всему свой срок, всему свой час.
Дай Бог, чтобы в житейских штормах
Мотив той песни не угас.

Сергей Максимов

* * *

Всякой печали есть свой черёд
Время бесстрастно рассудит нас
Ты у меня своровала год
Но подарила волшебный час
Года не жалко — он был уныл
Я их полжизни просыпал в прах
Но драгоценный тот час хранил
Словно брегет на семи камнях...
Час в электричке и в сотах мёд
Мы перемазались им, смеясь
За разговором быстрее плетёт
Время свою колдовскую вязь
Что было сказано? Ерунда
Лёгкий словесный круговорот
Но с каждой минутой — беда... (беда!)
Ведь кто-то тебя на вокзале ждёт
Из термоса выпит душистый чай
Платочком отёрты следы мёдов
И взгляды встречаются невзначай
Такие, что вовсе не нужно слов
Случайная встреча, судьбы каприз
Красивая сказка — слиянье душ
Ты первой ступенями сходишь вниз
Тебя на перроне встречает муж
И всё. И крестами в календаре
Я жизнь перечёркивал день за днём
За год я, конечно, перегорел
Вздыхая уныло: все так живём
Брехня Соломонова: «Всё пройдёт»
Мириться с потерями учит нас
Невзгоды затянет янтарный мёд:
«Он был в моей жизни, с-час-тъя час»

* * *

Ворона, синяя ворона
Моих сокровищ наглый вор
Есть у меня к тебе, ворона
Вполне каркретый разговор
Я сам тебе навью на шею
Вот эти бусы-жемчуга
Лети к любимой (я не смею)
Чья мать невысказанно строга
Ты постучи в окно светлицы
Скажи «Привет!» (три раза «кар»)
И нежной деве круглолицей
Ты передай мой скромный дар
Она ничуть не удивится
(Девушки в бусах знают толк)
И обмотает лапку птицы
С любовью вышитый платок
И вот гуляя в людном парке
(Дочь с матерью — в руке рука)
Узнаем мы свои подарки
Платок в кармане пиджака
И бусы на лебяжьей шее
Горит твой взор, дрожит губа
А мать... что мать? Да хрен бы с нею
Когда решается судьба

Когда нас рядом похоронят
Через пятнадцать тысяч лет
«Их познакомила ворона!»
Вздохнёт подвыпивший сосед
И улыбнется все сквозь слёзы
И в жизнь уйдут — у всех дела
Лежат среди венков две розы
Их нам ворона принесла

* * *

Каждой весной я в мир выхожу из спячки
Я выхожу из леса, где спят медведи
Ждёт у дороги мой преданный друг Башмачкин
— Здравствуй, Башмачкин, ну как наши буки-веди?
Недоумённо плечами пожмёт Акакий
— Вон, — говорит, — грачи и скворцы заразы
Но не видать вдали перелётных знаков
Хрен его знает, где все наши буки-азы
Мы с ним бредём сапогами хлебая хляби
Вдоль бездорожья взгрустнули берёзки голы
Я после спячки чего-то в мечтах о бабе
Нет существительных в мыслях, одни глаголы
Друг мой Башмачкин достал изнутри чекушку
С горлышка в горлышко — по три глотка на рыло
Солнце и ветер целуют меня в макушку
И просветлением нас как звездой накрыло
Нас засыпает с неба не манкой манкой
С неба пикируют мыслете и живете
Я их имаю мышастой своей ушанкой
Друг мой Акакий — от чипсов в пустой пакетик
Споро бежим — ждёт нас дома бумаги кипа
Перьев гусиных сотня, чернила в бронзе
Друг мой Акакий пакетик стихов рассыпал
Я из ушанки горстями бросаю прозу
Строчек отлив восхитительно фиолетов
Вытряхну хер и покой из пустой ушанки
— Друг мой Акакий, ну всё
Мы готовы к лету
Время подумать о бабах жратве и пьянке

* * *

По безоблачному небу проплывают караваны
Длинноногих элѐфантов, вместо хоботов кресты
Сальвадор Дали неделю не слезает со стакана
Сальвадор Дали неделю краску мажет на холсты
Он скрывает, что он гений. Он скрывает, что испанец
Он в колхозе подрядился клуб украсить к ноябрю
Получив под это дело предварительный аванс
Он закрылся на щеколду: — Извините, я творю
Что такое — эти краски вперемешку с «Солнцедаром»?
Что такое — тёмный ужас пожирателя икры?
Сальвадор Дали грунтует стены крепким перегаром
И в предчувствии развязки у него штаны мокры...
А к назначенному сроку в клуб припёрлись худсоветом
Председатель с секретаршей и бухгалтерша в очках
Клуба сцена озарилась колдовским каким-то светом
И все трое стали смиренно и сказали дружно: — Ах!
По золотым полям пшеницы чинно шествуют комбайны
Мощной грудью о торосы бьётся «ЛЕНИН» ледокол
По безоблачному небу вдаль летят аэропланы
Славься партия родная! Славься юный комсомол!
Председатель прослезился. Председатель расплатился
Председатель сговорился: — Чтоб на следующий год!

Сальвадор Дали уходит
Он на родину уходит
Он в Испании родился
И в Испании умрёт

* * *

когда скулит в ночи душа
когда рассвет ещё не близок
химического карандаша
я нахожу в столе огрызок
лизну шершавым языком
я жало грифеля тупого
и ядовитым молоком
с конца его стекает слово
карандашом тату набью
на коже левого запястья
наивное «Я Вас люблю»
перечеркнёт «Нет в жизни счастья»
я фиолетовой слюной
плюю с балкона в мать ночную
ты этой ночью не со мной
и я найду себе другую
уйдёт тоски ночная блажь
уйдёт кручина по дивчине

лежит в столе мой карандаш
а рядом — ножик перочинный...

Светлана Мель

* * *

Перевернута страница — белый лист.
Чем ты можешь поделиться — поделись...

У тебя есть делу время, у меня потехи час.
Я поставлю чай, варенье. Ты порежешь ананас.

У тебя в окне жар-птица, у меня — рябины гроздь.
У меня в руках синица, у тебя в кармане гвоздь.
У меня богатый опыт, у тебя шальной успех.
У тебя душевный ропот, у меня дурацкий смех.
У меня в алмазах небо, у тебя армяк худой.
Ты несёшь краюху хлеба, я несу ведро с водой.
У тебя в пиру похмелье, у меня печаль светла.
Строю я шалаш под елью, ты — храмину из стекла.

Мне дана одна попытка, у тебя возможен дубль.
У меня идей в избытке, у тебя последний рубль.
У тебя есть сила воли, у меня есть интерес.
Я искала ветра в поле, ты стремился дальше в лес.
У тебя усы-накладка, у меня цветной парик.
У тебя одни догадки, у меня полно улик.
Ты летишь на дельтаплане, у меня велосипед.
Я ношу семь бед в кармане, у тебя один ответ.
У меня четыре строчки, у тебя две пары рифм.
Ты лелеешь заморочки, я — свой внутренний надрыв.

Перевернута страница, ветра вой...
Чем попало нам делиться не впервой.

* * *

Ты разгадывал дождь. Ты упрямо пытался сложить
Эти капли в строку, но они неизменно стекали,
Не желая опорными точками взгляду служить...
Всё равно — всё не так прочитается по вертикали.

Ты разгадывал дождь... Расписание встреч и невстреч
Переписано заново тонкой, прозрачной рукою.
И от этих раздумий тебя нипочём не отвлечь,
Только разве что ветром — в нём тоже есть что-то такое...

И казалось бы, дождь — что такого? Вода и вода!
Или ветер — смещают друг друга воздушные массы.
Ничего в этом нового. Что же ты смотришь туда,
Сквозь стекло, сквозь стекающих капель неровные трассы?

Ты разгадывал ветер — совсем не такой, как вчера.
Он рассеивал капли, резвившиеся над зонтами.
Для него это даже не действие — просто игра,
А тебе надо выстроить что-то по горизонтали.

Ты разгадывал мысль, что сложилась в твоей голове,
И верна ли она — ты не видел резона в ответе...

Неразгаданный дождь усмехнётся в намокшей листве.
Торжествующе гаркнет вдали неразгаданный ветер.

* * *

Ну что за день такой — как в наказанье?!
Сама с собой с утра веду бои...
А мне б с тобою встретиться глазами!
Но где твои глаза, а где мои...

Твой взгляд сказал бы: «Отдышись немного...»
И что ещё сказал бы мне твой взгляд?..
А за окном бежит, скользит дорога,
Наверное — куда глаза глядят.

От нудных мыслей отбиваться нечем —
Смятенье ли, тревога или страх...
И мечется мой взгляд, твоим не встречен —
Ты свой замкнул во внутренних мирах.

Тянусь к тебе неловкою строкою.
Она увянет, что-то затая.
И друг до друга нам — подать рукою,
Но где твоя рука, а где моя...

* * *

Переходишь на новое время — по снежным часам.
Ни секунд, ни минут — лишь снежинок свободный полёт.
Вот они замедляют движение, льнут к волосам.
Приникают к лицу... А потом их относит вперёд

Или, может, в обратную сторону. Вязнут глаза.
Остаются вне их поля зренья земные дела.
Ты была совершенно иной пять снежинок назад.
Через десять снежинок забудешь, какую была...

В переводе в систему минут — совершенный пустяк.
Отряхнула со лба и с ресниц — наваждение долой!
И пошла, торопясь, разбираться в земных новостях,
Глядя под ноги... Там не спеша тает временный слой.

* * *

Что делать мне с тобой, опавшая листва...
Чудесное с естественным мешая,
Гармонии искать в твоём шуршанье
И ворошить остатки волшебства.

Зачем же ворошить? Что было, то пройдёт —
Все чудеса в природе нестабильны.
И всё равно — мне верится не сильно,
Что сотканный ковёр — не самолёт.

И только до поры лежит он, нелетуч,
Вот ветер просвистит условной фразой,
Он взмоет вверх, весь распрямится сразу
И скроется за лабиринтом туч...

Мне с ним бы улететь в далёкие края,
Воспользовавшись силой междустрочья...
Но на сырой циновке днём и ночью
Сигнала ждать? Нет, не сумею я.

Так что ж осталось мне, опавшая листва?..
Отставших, неволшебных листьев стая,
Прощальная мелодия простая
И долгая зима без волшебства...

* * *

Ветрами принесло странное торжество ли?
В радости и слезах — логики никакой.
Тысячи тысяч слов я отпущу на волю,
Рифмой не обязав и не связав строкой.

Не избежать длиннот, даже в хмельном веселье.
Как ни старался дождь, в этом не преуспел.
Тысячи тысяч нот через листву просеял —
То, чего долго ждёшь, не дождалась, не спел...

Листья поверх голов кружатся оголтело.
Сколько же раз на дню минус менять на плюс?
Тысячи тысяч снов растолковать умела,
Только один храню и объяснять боюсь.

Парой коротких фраз, брошенных над толпою
Серых лохматых туч, гром громыхнул и стих...
Тысячи тысяч раз шла через это поле.
Сколько себя ни мучь, поля не перейти.

* * *

Он, возможно, хотел дождём
Расписаться на окнах.
Только холод, сжимая высь,
Положил по-иному.
И, как будто бы отчуждён,
Он почти неохотно
Закружился поверх травы,
Сам себе незнакомый.

Ты под утро пришёл во сне,
Неизменно вчерашний.
Невесомо коснулся лба —
Даже всё закружилось.
А за окнами падал снег,
Фонарями раскрашен...
— Как сложилась твоя судьба?
— Да вот так и сложилась...

Павел Веселовский

Качественный рывок

Горячий чай был янтарно подсвечен утренним солнцем, а ложечка мелодично позвякивала о край стакана. Поезд шёл на восток, и всё в нём — от сутулой проводницы в шерстяных чулках до рельефной надписи «МПС» на старом подстаканнике — напоминало СССР. Кажется, и профессор тоже был оттуда: коричневый пиджак несколько затёрт на манжетах, борода тронута сединой, на мясистом лице выделялся крупный нос с фиолетовыми прожилками, а толстая оправа очков, увы, не скрывала мешки под глазами.

Его собеседник являл собой полную противоположность: молод, подтянут, чисто выбрит, короткая стрижка, сорочка накрахмалена, на запястье — дорогие часы. Он то и дело отвлекался от разговора, бегло касаясь пальцами смартфона. Смартфон вибрировал, переключаясь с бряканьем железнодорожной посуды. Забайкальская степь пролетала в окне искрящейся снежной лентой, усыпляя хороводом бесчисленных холмов и елей.

— Тут я не соглашусь с вами, Валерий, — покачал головой профессор, методично гоня по дну стакана кубик сахара. — Никак нам технологии не помогут, коли в головах пустота. Я вот всю жизнь был чистым гуманитарием, далёким от механизмов и микросхем, но как-то прочёл лекцию одного математика-прибалта и восхитился точным сравнением. Он, знаете ли, припомнил, что в хрущёвские годы компьютеры со всеми своими шкафами занимали целый спортзал или, скажем, цех; а сейчас — вот, к примеру, этот ваш телефон — чудеса миниатюризации, на ладошке лежит, и мощнее в сотни раз. Но вот парадокс: тогда с помощью этих шкафов запускали спутники в космос, а сейчас, простите, запускают каких-то злых птичек в глупых свиней. — Ну, это он передёрнул, ваш прибалт, — усмехнулся молодой собеседник, — миниатюризация просто дала компьютеры массам. Спутники и сейчас запускают, и даже на Марс. Просто в ваше время обычным людям, кроме шашек и «дурака», поиграть на досуге было не во что, а сейчас есть выбор.

— А я вот не уверен, что выбор есть, Валерий, — печально отвечал профессор, поднимая стакан на просвет и глядя, как тают, кружась, последние крупинки сахара. — Мне порой кажется, что выбор-то вам, молодым, подменили.

— Ну чем подменили, Семён Палыч, чем? — скривился Валерий, краем глаза косясь на смартфон. — Опять какая-то теория заговора?

— Нет, никакого заговора, — поднял седые брови профессор, — всё произошло очень естественно. Мне, как историку, это совершенно очевидно. Просто в наше время, как вы выражаетесь, направление «вверх» было очень чётким, всеми признаваемым: у людей была мечта, были какие-то идеалы. Если ты — учёный, то, значит, служишь людям, открываешь двери в светлое будущее... Да-да, Валерий, не смейтесь, это сейчас всё кажется наивным и надуманным, тогда же многие верили в прогресс совершенно искренне. Ну, или не учёный, что я всё про своё?.. Пусть строитель там или артист. Человек строил, например, Красноярскую ГЭС — так ведь его знали все в крае, его биографию потом школьникам рассказывали. И как бы там коряво всё ни было организовано, на этой стройке, — я это прекрасно понимаю, сам в молодости на БАМ ездил, — тем не менее в душе он гордился собой. Он ведь на страну работал, на будущее! Ну а сейчас? Кто хоть что-нибудь слышал про строителей или инженеров на той же Богучанской ГЭС? Никто. Потому что объект — коммерческий; все эти инвестиции, прибыли, доли — всё это дело частного холдинга, а то ещё и зарубежного. — Ценю ваш патриотизм, профессор, — заметил Валерий, — но при чём здесь выбор? Ну не хочешь ты работать на частную контору — не работай; иди в военные или политики, я не знаю... в налоговую инспекцию, наконец. Есть же масса вполне государственных, бюджетных профессий.

— Есть, не спорю, — кивнул головой профессор, — но они себя порядком скомпрометировали. Они непопулярны. Они неромантичны. Они никого не вдохновляют. А про науку я вообще не хочу говорить — это болезненная тема для меня. Так вот, выбор-то вам оставили крайне узкий, какой-то запрограммированный, что ли... И вроде бы нынешнее молодое поколение не виновато, но всё же какое-то оно бескрылое, приземлённое. Всё завязано на деньгах, всё меряется машинами, одеждой, квартирами...

— Нам, профессор, государство квартиры не раздаёт, — сухо заметил Валерий.

— Туше, молодой человек, туше! Но это ни в коей мере не может служить оправданием образа жизни подавляющего... да, подавляющего большинства современной молодёжи. В наш век — что уж мелочиться? — мы мечтали о других планетах, о мире во всём мире, о какой-то, понимаете ли, дружбе народов...

— Я вас умоляю, профессор, — покачал головой Валерий. — Где была ваша дружба народов в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом, когда наши танки парковались у пражской мэрии? Видите, я не такой уж оболтус, кое-что из истории знаю. Кое-что помню...

Он напряжённо вглядывался в экран смартфона, отчего речь его становилась несколько рассеянной.

— Я говорю об идеалах, Валерий, об идеалах. Конечно, ошибок было не счесть, и я даже в чём-то симпатизирую Горбачёву — но лишь

в чём-то! — однако в целом у людей была хотя бы иллюзия света впереди. А ведь сейчас и этого нет — только холодный расчёт. Сейчас лучшие из вас мечтают стать директорами или открыть свой магазин. Разве нет? Вы ведь, кажется, тоже по коммерческой части?

— Ну, я, скорее, консультант, — пробормотал молодой собеседник, быстро набирая текст, — даю советы, так сказать... учу зарабатывать...

— Хорошо. Ну вот вы скажите откровенно, между нами говоря: ваши консультации кого-нибудь сделали счастливыми? Не богатыми, заметьте, а именно счастливыми?

— Ну, профессор... — Валерий каким-то безумным взглядом вперился в смартфон, помедлил, потом как бы нехотя оторвался и перевёл взгляд на Семёна Павловича. — Я... простите, отвлекся... о чём вы?

— О счастье, Валерий, о счастье, — горько заметил профессор и отхлебнул чая.

— Ах, это, — Валерий улыбнулся какой-то неожиданно жёсткой, натянутой улыбкой. — Тут всё сложно, профессор. Наверное, у разных людей и счастье разное. Всех под одну гребёнку не загребёшь, а? Кому-то космос, а кому-то и магазина хватает. И кто сказал, что тот, который в космосе, более прав? Может быть, этот самый бакалейщик в разы более счастлив, чем измученный тренировками и всякими там предписаниями космонавт? Может, бакалейщик вечерами серенады влюблённые поёт, а космонавт в подушку рыдает от одиночества?

— Неубедительно, молодой человек, неубедительно, — улыбнулся профессор, разводя руками. — Никто вам не поверит, что Гагарин по вечерам рыдал в подушку.

— Ладно, Семён Палыч, — Валерий коротко и зло хохотнул, резко отодвигая смартфон от себя, — туше. Пусть не Гагарин. Пусть не бакалейщик. Не важно кто. Главное, у нас сейчас появилось свободное пространство. Место для манёвра. Для качественного рывка! Даже если тебе не повезло и ты ошибся — всегда можно всё исправить. Полностью изменить свою жизнь. Вверх дном! В ваши годы такого нельзя было сделать, профессор. Где родился, там и пригодился. Вот вы — историк. Что же не стали космонавтом?

— Так ведь я — историк, — мягко заметил профессор.

— Да! Вот именно! — глаза у Валерия горели странным лихорадочным огнём. — Видите, всё predetermined. Нет манёвра, нет качественного рывка. А я — лично я — не хочу таких ограничений. Наше поколение не признаёт ограничений... И если жизнь меня ограничивает, то что я ей должен ответить?

Он почти свирепо тыкнул протянутым пальцем в направлении профессора. Тот неуверенно улыбнулся и пожал плечами.

— А ничего, — вдруг спокойно ответил сам себе Валерий, и глаза его потухли. — Простите, профессор, мне нужно покурить...

Сопровождаемый удивлённым взглядом профессора, он вышел из купе, прихватив пиджак.

Семён Павлович задумчиво потягивал остывающий чай, немигающим, отрешённым взором созерцая зимний сибирский пейзаж. Возможно, он вспоминал свою молодость. Поезд въехал на мост, замелькали стальные пролёты, блеснул стеклом лёд замёрзшей речки внизу. В тамбуре хлопнула дверь. И вдруг пронзительно вскрикнула женщина, кто-то ахнул, в соседнем купе, похоже, уронили стакан.

— Вы видели? Он прыгнул! — раздалось из тамбура.

— Проводника зовите! Дёргай стоп-кран!

— Эй, тормозите состав! Звони машинисту!

Кто-то разбил стекло, послышалась возня, потом поезд резко дёрнулся и завизжал колёсами. Профессор чудом удержал чай в стакане и успел даже подхватить летящий к нему на колени смартфон. С полки свалился какой-то пакет, за стенкой выругались. Потом всё остановилось и замерло. Подчиняясь неясному порыву, профессор взглянул на экран телефона. Там светилось лишь одно предложение: «И больше не звони мне».

Мицелий

Фантастический рассказ

К обеду стало ясно, что план мы проваливаем. Девчонки из сервис-отдела тёрли уставшие глаза, спины их горбились, кружки кофе терялись под ворохом отчётов. Амир непрерывно висел на проводе, с мученическим терпением растолковывая клиентам, что экспортный вариант декларации оформляется вовсе не по УПД 44.2-3, а наоборот, по ФТК-ИИ 345.20. Кофе-машина сломалась в тринадцать.

Вечером приехал директор, слегка опухший и уже даже не злой. — Все на планёрку, — хрипло и негромко велел он, кидая на стол начальнику отдела продаж толстую папку с тесёмками.

Продажник помрачнел.

Сотрудники коридорами потянулись в конференц-холл.

— Начинай, Володя, — просипел генеральный, знаками подзывая к себе бутылку минералки.

Бутылку нервно передали.

Окна наполнились ватными сумерками. Моросил серый дождь вперемешку со светло-серым снегом. Менеджеры давили зевки.

Вышел коммерческий зам, полный, всегда немного потный Володя. Он некоторое время задумчиво постоял перед маркерной доской, перекатываясь с носочков на пятки. Потом откашлялся, взял фломастер и начал рисовать. Он изобразил вытянутый по горизонтали эллипс с небольшой шишечкой наверху, а снизу пририсовал к эллипсу цилиндр. По поверхности эллипса Володя натякал мелких кругляшей. А рядом он начертил ещё несколько диаграмм поменьше — но точно таких же. Некоторые были без кругляшей.

— Воронка продаж? Бюджетное распределение? — неуверенно шепнули сзади.

—Что это?— холодно спросил генеральный.

Володя дёрнул шеей и тихо сказал:

—Грибы.

—В смысле?— нахмурился директор.

Володя извлёк из кармана мятый платок (он тоже казался потным), снял с носа маленькие очки и протёр их.

—Что за график?— недовольно повторил директор.

—Грибы,— повторил Володя и добавил:— Наступит солнечный июнь, и за грибами я пойду. В глухом лесу, в купаве трав грибок волшебный я найду. Поёт пчела, шуршит жучок, иди ко мне ты, мой грибок!

—Грибы?— переспросил директор.

—Грибы!— кивнул Володя и продолжил:— Зелёный льняный шёлк травы, жемчужина росы, капель катится по листу, певучий звук косы. Я раздвигаю бурелом, я нежностью томим, иду поляной за грибом, постылым, масляным.

—Грибы?— пожал плечами начальник отдела продаж.

—Грибы!— подтвердил Володя и сказал:— По небу тянутся года, елейные уста; я не забуду никогда, как жизнь моя пуста! Как рос в изгнании ума, как письма изводил, как грязно-серые дома засасывало в ил... Как шёл дорогою греха, как молча наблюдал, как лицемерил впопыхах и мысли воровал.

—Грибы...— вздохнули девчонки из юротдела.

—Грибы,— всхлипнул Володя и молвил:— Лесные запахи плотны, их чувствует лиса; зачем, зачем сказала ты, что плачут небеса; что камень ручейком точим, что проживём полсотни зим, что будем рядом и вообще? Я верил, помнил— всё вотще!

—Грибы!— хмыкнул зловеще завхоз.

—Грибы!— хором подхватили бухгалтера.

—Грибы!— голос Володи дрожал от сдерживаемого напряжения.— Объятьям руки разорву, сталь холодит висок, лесную тонкую канву прорежет синь-грибок. Я выйду, голосом скажу «О братья, прочь ножи!»— нет места хладному ножу, нет места злу и лжи! Поручьте склепы ковыля, отриньте морок тьмы, мы грибники, мы солнца тля, неправедники мы!

—Грибы!— тонко воскликнула Марья Демидовна, вахтёрша.

—Грибы!— утробно откликнулись мы.

—Хватит!— вскричал директор, тяжело вставая со стула и отодвигая раскрасневшегося Володю.— Хватит...— сказал он уже спокойнее.— Довольно! Довольно долго я слушал бредни, обедни вашей не знал скаредней, намедни сыра кусок без плесени подкинули, без стиха, без песни вы, ел, наклоняя проплешину, зырякая глазом тупым и бешеным... Хоть бы маслят пригоршню жареных, хоть бы свинушку с улыбкой Гагарина, нет, не дождусь поднебесной манны я, вся добродетель ваша— обманная! Вся кутерьма— бестолковая, плотская, надо всё бросить и слушать Высоцкого!

— Грибы! — вторила за ним секретарша.

— Грибы! — дурным басом затащили охранники в дверях.

Директор стал пророческими жестами двигать нас обратно в коридор, словно выдавливая пасту из тюбика. Мы повиновались. Толпа постепенно выливалась в тоннель рекреации, где сучали несколько посетителей с жёлтыми кожаными портфелями.

— Грибы?! — спрашивали они у секретарши.

— Грибы... — обречённо кивала та, утирая глаза уголком пухового платка.

— Грибы! — хрюкнула рация на боку у бородатого грузчика, несшего длинную узкую коробку с надписью «Краевые решения. МППТХ».

Директор молча прошёл в свой кабинет, и следом по офисам стали разбредаться прочие. Амир проследовал мимо меня, бледный как поганка, машинально складывая и раскладывая в руках квартальный отчёт.

Я смотрел на них, сидя в глубине огромного бесформенного дивана, поставленного в холле для гостей. Я ощущал каждой клеточкой тела тревожное вдохновение, охватившее весь коллектив, каждый отдел, подраздел, подразделение и департамент. Мне не было страшно, но и радоваться безмятежно я не мог. Напротив, мною владело смятение, заставившее немедленно вскочить и сбежать по мраморной лестнице на первый этаж. Меня влекло домой.

В гардеробе было пусто. Сдавленно играл приёмник, транслировали что-то очень старое, кажется, эстрадный хит Рената Ибрагимова. Запомнились слова «Мне хорошо с тобой» и «Благодарим за это». «Благодарим» употреблялось безадресно, в этом была загадка. Я оглянулся, перемахнул через стойку, отыскал на вешалках свою искусственную дублёнку цвета старой свёклы. Привычно ощупал карманы — на месте ли перчатки, проездной. Наскоро замотав шарф, я выбежал из офисного центра.

Снегодождь прекратился, потянуло свежим ветерком, взошла луна и одновременно несколько звёзд. Залюбовавшись на чистое морозное небо, я вдохнул полной грудью, подождал, пока зрение настроится на дальнюю уличную перспективу. Вернулась резкость. Стены офиса отступали из сознания. Пора идти!

Я прошлёпал по хрустящим лужам мимо чахлого скверика, воровато опустив глаза и присматриваясь к корням деревьев, гнилой траве под кустами, к ложбинкам и кочкам. Но ничего там не было.

Трамвай послушно остановился по моему знаку. Нет, конечно, это мне так хотелось: он остановился потому, что здесь была остановка. Знак остановки был не мой. Я прошёл в самый дальний конец вагона и обосновался в углу.

Пустой вагон, почти совсем пустой. Две женщины передо мной переговаривались вполголоса, склонившись друг к другу. Одной

было лет за пятьдесят, простое неновое пальто, платок; другая в коротком белом полущубке, в сапожках на высоком каблуке, из-под берета выбивались пышные рыжие волосы. Их лиц я не видел.

— Я ему сколько раз говорила, — бормотала та, что помоложе, — вали, говорю, отсюда, Жека!

— Что, что? — переспрашивала та, что постарше.

— Вали, говорю, Жека, и чтоб ноги твоей не видела больше!

— Что говоришь? — уточняла пожилая.

— Говорила ему: проваливай, Жека, и обратно дорогу забудь! — настаивала молодая.

— Да что ты говоришь?! — качала головой вторая.

— Катись, говорю, скатертью дорога! А он мне в ответ: ой-ой, какая выискалась, да мне недолго собраться... А я говорю: вот и вали, Жека, и вещички свои прибери. А он такой: зря ты так со мной.

— А ты что сказала?

Дальше слушать я не стал: громкоговоритель сообщил мою остановку. Я сошёл с трамвая, избегая луж.

Идти до дома было вполне прилично, и я решил не терять время попусту. Как всегда в такие вечера, я сделал попытку настроиться на творческий лад. В свободное от работы время я давно писал фантастический роман. Получалось, на самом деле, неплохо — уже больше трёхсот страниц. Мне нравилось, что роман жил своей жизнью; мы вдохновляли друг друга. Светлые мечты, взращиваемые мной с детства, воплощались в романе на взрослом, более тонком уровне и разительно контрастировали с грубой, скучной действительностью.

Но были и проблемы: примерно с полгода назад сюжет катастрофически забуксовал.

Основные действия разворачивались на задворках Солнечной системы. Мой главный герой, астрофизик Сулавесский, открыл за Плутоном загадочную и почти невидимую планету. По всем прикидкам, планета эта была огромная, ничуть не меньше Юпитера — но при этом на удивление лёгкая. Её гравитационное влияние оказалось столь мало, что почти не возмущало траектории других небесных тел. В умы лучших учёных Земли закралась мысль: а не пустая ли это планета? Быть может, это рукотворное сооружение, гигантская внеземная станция? Снарядили экспедицию, в которую, естественно, Сулавесский вошёл на правах первооткрывателя. В составе экспедиции оказался и антагонист — биохимик Рукосуев. Испытывая личную неприязнь к Сулавесскому, он ратовал за противоположную теорию — что далёкая планета вовсе не планета, а наоборот, чёрная дыра. На принципиальном противостоянии Сулавесского и Рукосуева я планировал выстроить острый психологический конфликт, который придал бы роману достоверности.

Но вот беда: до Плутона, а тем более дальше, лететь было очень долго. Даже при условии, что действие происходит в будущем и космонавты

располагают мощными ядерными двигателями, полёт занял бы год или полтора. А ведь кораблю ещё необходимо тормозить! Как растянуть противоборство героя и антигероя на полтора-два года, чем занять их во время полёта, какими глубокими концепциями оживить диалоги — эти трудности преследовали меня с весны, и конца-края им было не видать.

Перепрыгивая через заледенелые лужи и стараясь не поскользнуться, я размышлял о перипетиях космического путешествия. Раз за разом я возвращался к давней идее ввести в состав экипажа женщину, точнее, молодую девушку-пилота. Девушку редкой красоты, да и пилота отменного. Именно на ней скрестились бы потаённые интересы Рукосуева и благородные порывы Сулавесского, она стала бы камнем преткновения в передовых научных изысканиях.

И в дальней перспективе романа я наметил сильный ход: рождение ребёнка. Неожиданное для всех, это событие помогло бы выстроить логическую линию из прошлого (отсталая Земля) в будущее (высоко-развитая чужая планета) и максимально усилить эмоциональный накал концовки.

Оставалось лишь понять, от кого будет ребёнок — от Сулавесского или от негодяя Рукосуева. Сердце моё склонялось к авторству положительного героя, но разумом я понимал, что трагический конец выглядит сильнее. Все знаменитые писатели обрекали своих персонажей на страдания, с этим приходилось мириться.

От таких мыслей я сильно проголодался и устал. Вприпрыжку взбежал по лестнице старой пятиэтажки на последний этаж и вставил ключ в замочную скважину. Рядом кашлянули, я вздрогнул и резко обернулся.

На площадке сидел засаленный бич, завернувшись в грязный плащ поверх ещё более грязного ватника.

— На дальней станции сойду, — укоризненно предупредил он, колюче блестя влажным глазом, — трава по пояс!

Я погрозил ему пальцем и повернул ключ.

— И хорошо с былым наедине бродить в полях ничем! — с вызовом проскрипел бич.

Я распахнул дверь и окунулся в запах борща и женского тепла.

— Ничем не беспокоясь!... — каркнул вдогонку мне бездомный, но я уже затворил дверь.

Полина выскочила из комнаты и сразу бросилась мне на шею.

— Господи, я так соскучилась! — прошептала она, зарываясь носом куда-то мне в шарф, в шею, в бороду. — Совсем одичала без тебя!

— Там бож какой-то на площадке расселся, — проворчал я. — Нагадит ещё. Есть что поесть?

— Борща погреть тебе?

— О да, я б с удовольствием. Сейчас, только сполоснусь. На улице грязница.

—А я постриглась. Ты заметил?

—Конечно. Тебе идёт, честно. Есть в тебе что-то французское.

Полина сделала игривый книксен и послала мне воздушный поцелуй.

Потом мы долго ели горячий борщ с чёрным хлебом и чесноком, закусывая тонкими пластиками сала. Смеялись, что вместе едим чеснок — и целоваться не страшно. Обсуждали мой будущий роман, как я допишу его, как поначалу редакторы воспримут произведение со скепсисом, а потом разглядят яркую идею и настоят на крупном тираже. Возможно, даже миллион. Я был согласен и на сто тысяч, но Полина утверждала, что будет обязательно миллион.

Потом смотрели сложный, напряжённый сериал про женщину-детектива, у которой выяснилось раздвоение личности. Кто был убийца — женщина или детектив, мы так и не уловили. К тому времени, как пошла реклама, Полина заснула у меня на плече, размякшая, тяжёлая. Я не без труда взял её на руки, отнёс в постель. Полюбовался округлостью плеча, провёл пальцем по краешку уха.

Долго стоял у стеллажа, присматриваясь к пыльным корешкам. Остановился на Бальзаке или Флобере — я часто их путал. Книга показалась мне слишком пафосной и искусственно сентиментальной. Длинноты утомляли. Больше пятнадцати минут я не выдержал и тоже захотел спать.

Примерно в три-четыре часа я услышал сквозь сон, как легко соскользнула Полина с кровати, как прошелестела на кухню, как двигала там ящики и рылась на полках. Она долго это делала, перепроверя места, но в конце концов вернулась под одеяло. Спиной я чувствовал её тревогу.

Она не могла найти того, чего не было на кухне.

Ведь я забрал его раньше.

Я дождался, когда она перестанет ворочаться и вздыхать, медленно запустил руку под скользкую холодную подушку и нащупал грибной нож.

Андрей Кармолин

* * *

А на тебе — лишь лунный свет
Наброшен тонкою вуалью.
И ночь нежна, и мягок плед,
И сладкий стон наполнил спальню.

И нет стыда у тёплых губ,
И можно всё, что пожелаешь,
А мягкий бархат гибких рук
Влюблённым душам помогает.

И лишь безмолвная луна
Льёт серебро в проём оконный
На покрывало изо льна,
Плетя орнамент бесподобный.

И гредишь ты, что нет разлук,
Но хрупок мир земного счастья.
С небес звезда сорвётся вдруг
И всё разрушит в одночасье.

Холодный лёд сухих измен
На тёплый рай пойдёт волною,
И лишь надрывное: «Зачем?» —
На тёмном дне пучина скроет.

А мне останется лишь сон,
В котором сипло и устало,
С разбитым сердцем в унисон,
Я буду петь пустому залу.

ПЕРЕВАЛ

Как вспомнить — бутылка спиртного
Гуляла по кругу друзей.
Я был не из лучших у Бога:
Не трогал церковных дверей,

Не слушал на праздник молитвы
И крест целовать не спешил —
Я мимо ходил за пол-литрой,
Грешил, дебоширил и пил.

И было всё зло от стакана:
Милиция, строгий надзор,
Пока меня в горы Афгана
Не бросила жизнь, как в костёр.

По древним откосам пустынным
Легли островки кишлаков
Да горных речушек стремнины —
Скупые дары ледников.

Когда же в ущелье накрыло
Колонну, что шла между скал,
И кровью дорогу залило,
Был в чёрном дыму перевал,

Я был не из лучших у Бога,
Но, в небо взглянув, закричал,
Увидев, как друг, весь в ожогах,
Вздохнул и навек замолчал.

Я в жизни не корчил святого
И даже не предполагал:
Хоть был не из лучших у Бога,
Но сам же священником стал.

Я верную выбрал дорогу,
Крестил, причащал, отпевал,
А путь мой — служение Богу —
Помог отыскать перевал.

Пускай бередят ещё раны
И память кусает, как гнус,
За павших под небом Афгана
Я денно и ночью молюсь.

Мой друг

Уж сколько лет Донбасс в огне!
Закрыты шахты, всё в руинах.
А лишь недавно о войне
И мыслить не было причины.

Друг честно выполнил свой долг:
Как воин — просто, без парада.
Он подытожил так, как мог:
«Ведь защищать кому-то надо».

Поцеловав свою жену,
Детей, что в спальне мирно спали,
Мой друг уехал на войну,
Как предки раньше поступали.

Нет, он не чувствовал вины,
Когда «калаш» сжимали руки.
Он не желал такой войны —
Она сама пришла без стука.

Глотая вязкую слюну,
Снаряд фугасный досылая,
Друг рвал войну, как сатану,
Из танка на переднем крае.

Война останется войной,
Где нет страховки от пассажира.
Всего один снаряд шальной —
И всё, не стало экипажа.

Стоял подбитый танк в дыму,
Остатки топлива сгорали.
Глядел дружище в синеву
На журавлей, что пролетали,

И думал: «Вот бы табаку!» —
Гранату на груди сжимая,
Отбросив в рытвину чеку,
Врагов поближе подпуская.

Он знал, что ждёт его в плену,
И, за погибших поквитавшись,
Друг победил свою войну,
Навек несломленным оставшись.

Всем тем, кто жив, всем, кто шагнул
Без страха за черту заката
И защищал свою страну,
Поклон вам искренний, ребята!

СИБИРСКАЯ ОСЕНЬ

Тополь бросит листву —
по тропинкам кайма золотая.
Горизонт из свинца,
и всё реже погожие дни.
Дождь достанет иглу
и на небе прогал¹ залатает,
Постоит у крыльца
и немного со мной погрустит.

Прокричат журавли,
проплывут над бараками клином.
От осенней хандры
не сбежать, не закутаться в плед.
Где-то там, на Бали,
в тёплом море резвятся дельфины,
А у нас осетры
молчаливо встречают рассвет.

А у нас вся тайга —
как на бал-маскарад разодела:
Тут берёзы в шелках,
на осинах прозрачный шифон.
И пестрят берега,
как, по прихоти бабьего лета,
В тёплых рыжих тонах
увядающий сказочный сон.

И осенняя грусть
растворится в душе без остатка.
И гусиный косяк,
встрепенувшись, уйдёт в небеса.
И останется пусть
для других это чувство загадкой:
Когда вроде пустяк,
только рвётся наружу слеза.

1. Прогал (*диал.*) — то же, что прогалина (проталина), но не только на земле. — *Прим. авт.*

* * *

Прохладой сонного рассвета
Густой туман укутал плёс.
Куда-то вдаль умчалось лето
Под монотонный стук колёс.

В червонном золоте берёзы.
Рябины лист покрылся хной.
По тёплым дням упали слёзы
В траву прозрачную росой.

В пурпурном небе догорает
Остаток изумрудных дней.
С деревьев листья облетают
С прощальным клином журавлей.

А я ещё не надыхался
Дурманной красотой твоей,
Недолюбил, не налетался
В цветочной радуге полей,

Не спел под небом синеоким
Для той единственной своей,
Не подарил ей эти строки
Под шум зелёных тополей!

А осень быстро наступает.
Летят с листвой обрывки фраз.
И всё внезапно замирает,
Как недописанный рассказ.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Луна, как кошка, тёрлась о трубу,
На цыпочках по шиферу ступала,
А где-то там, у сонного вокзала,
Терзал фонарь густую синеву.

Шлейф золотой безмолвного луча
Струился, как из рога изобилья,
И мотыльки казались звёздной пылью,
Касались крыльями его плеча.

Прогрет проспект июльской жарой,
И шорохи — как «Лунная соната»,
А угли от багрового заката
Растаяли за горною грядой.

И вот уж ночь спустилась на пикник,
Укрыв деревья чёрным опереньем,
Разлив вокруг бесформенные тени,
Как будто тушь — неловкий ученик.

ВЕЧЕРОК

Шелестит камышами речушка.
Солнца лист багровеет сильней.
Юный месяц на тихой опушке
Запрягает в телегу коней.

Гарью тянет с торфяников дальних
Впережку с туманом густым.
Клонит голову ива печально
Над гнездом, сиротливо пустым.

По полям застрекочут цикады —
То раздельно, а то в унисон.
Вечер вымажет красной помадой,
Словно губы, небес горизонт.

Звёздных рун засияет плеяда.
Сесть у речки, разжечь костерок —
Счастья большего мне и не надо,
Чем вот так скоротать вечерок!

Станислав Феньков

ТВОРЧЕСТВО

Со мной не спорь: я знаю много больше,
Чем ты б узнал за сотню тысяч лет.
Не спорь со мной: я старый автостопщик
И видел весь огромный белый свет.

Меня не жди: я никому не верю
И прихожу, когда меня не ждут.
Не прячься в дом: я выломаю двери
И извинюсь, что вторгся в твой уют.

Не воздевай молитвенные руки:
Моя мечта — построить новый храм.
И не пророчь мне муки и разлуки,
Я всё равно не верю голосам.

И мне не верь: понять меня буквально
По правде означает — не понять:
В моих словах божественная тайна,
И в лоб её никак не разгадать.

МЫ ВСЁ ПОЙМЁМ

Мы всё поймём — когда застынет боль;
И, сплюнув зубы, хárкнув красной слизью,
Увидим цель. И осознаем роль.
И озаримся солнечною высью.

Мы всё поймём — когда придут волхвы
По зову Неба, вспыхнувшего звёздно,
Когда весь мир заплачет, что, увы,
Понятно всё — но только слишком поздно.

Мы всё поймём — в потоп и в камнепад,
В горнилах бедствий, в отвесах знамений... —
Мы всё поймём. И двинем наугад.
И угадаем — в этом нет сомнений.

* * *

Я в окно постучу
с чистотою вечернего гостя,
Разметая листву
по готовому к стуже двору.
И креплёный закат,
обжигая, по рёбрам прольётся,
И синица в груди
затрепещет, как лист на ветру.

Я в окно постучу —
в то окно, где меня позабыли
И которое сам
так упорно пытался забыть, —
Без надежды на то,
что хозяева рюмку налили,
Без надежды на то,
что жива ещё старая нить.

И, отбив с каблуков
грязь каких-то нехоженных странствий,
Обезглавив башлык,
я, как в пропасть, шагну на порог.
И разверзнется пол,
и наполнится звоном пространство,
И увижу в сенях
средоточие главных дорог.

И густой, как вода,
передёрнутый струями воздух
Зарябит на глазах,
размывая предметы сеней.
Мимолётная вечность
развеет обрывки вопросов,
Мне оставив лишь гул
да неясную пляску теней...

А в окне огонёк
заливается жёлтой луною,
Так и манит войти,
обещая ночлег и уют. —
Я пока постою,
под дождём свои веки умою:
Я пока не готов
заявляться туда, где не ждут.

* * *

Не найдя подходящих слов,
Не прислушавшись к собственным звукам,
Мы срываем тончайший покров
С наших душ, предавая их мукам.

И кружит, и кружит мошкара,
И кусает, и жалит в живое;
И визжит, и визжит детвора,
Обнажая до боли родное...

И, цепляясь за хрупкую нить
Той мечты, что над нами летала,
Мы пытаемся всё изменить,
Промотать киноленту с начала.

.....
Но наутро — команда «подъём!!!»,
ОЗК, автоматы, гранаты...
Мы воюем...
Простите, живём:
За оргазмы, машины и хаты.

НА БУРНОЙ ПЕРЕПРАВЕ

На бурной переправе коренного
Мы за сто лет меняли два разá.
Сносило бричку, груз, людей — но снова
Сердца наивных верят в чудеса.

Скажу иначе, если не поняли
Особо одарённые: давай
Меняй вола на горном перевале —
Потом по склону кости собирай!

Моя Россия

Здесь травы шепчут, камни говорят,
Как сквозь века, лихие и святые,
Ты к Богу шла, проламывая ад,
Моя многострадальная Россия!

Тебя веками резали и жгли,
Стирали с карт, копытами топтали,
Но каждый раз из выжженной земли
Твои кресты до неба отрастали.

Тебя сто раз пытались хоронить,
Но, вопреки пророчествам лукавым,
Ты раз от разу продолжала жить,
Переплавляя горести на Славу.

И мне смешны старания врагов,
Чьи лбы не учат никакие стены:
Кто выбил зуб избраннику богов,
Разорван будет в клочья непременно.

И пусть в моей крови такая смесь,
Что в самый раз генетикам стреляться,
Я — русский в доску, без остатка, весь,
На всю башку.

И это любо, братцы!

ОДНАЖДЫ...

Однажды постучится кто-то в дверь
Иль скажет что-то кто-то из прохожих,
И холод с жаром пробегут по коже,
Деля всю жизнь на «прежде» и «теперь».

И ты поймёшь то, что не мог понять
На всём пути до этой самой точки,
И, больше не прося себе отсрочки,
Ты сможешь сам решение принять.

И ты пойдёшь туда, куда хотел
(Быть может, раньше, чем попал в утробу),
Чтоб сделать нечто самой чистой пробы,
Ради чего ты в тело прилетел.

И грянет бой. И это будет бой
Твоей любви с твоим же равнодушьем;
И то, чему ты более послушен,
Соединится накрепко с тобой.

Никто не знает, сможешь ли дойти,
Исполнив то, на что ты замахнулся.
Но если не стремился, не тянулся —
Простишь ли ты себя в конце пути?

Марат Валеев

Таёжный роман

Предлагаю вниманию читателей «Енисея» непростую историю жизненных испытаний, любви и трагических событий, выпавших на долю родителей ветерана здравоохранения Эвенкии Лилии Николаевны Мартыновой — ссыльной поволжской немки Лизы и эвенкийского промысловика Николая.

МОБИЛИЗАЦИЯ В ТРУДАРМИЮ

Lisbet Bol, она же — Лиза по-русски, с тоской смотрела на проплывающие мимо однообразные деревья, в основном жёлтые лиственницы и редкие берёзки, а за бортом деревянной перегруженной баржи негромко хлюпала холодная, свинцовая вода. Баржа была загружена немецкими семьями, которые глубокой осенью вынуждены были ехать на Север — в далёкую Эвенкию.

В так называемую трудовую армию шестнадцатилетняя Лиза отправилась одна-одинёшенька. Отца выслали на далёкий Таймыр, а мама с четырьмя другими детьми осталась в Казачинском районе Красноярского края, куда незадолго до этого, через год после начала войны с Германией, их благополучная семья была депортирована из Саратовской области.

Лиза, невысокая, располагающая к себе большеглазая девушка с чёрными, до колен, толстыми косами, держалась около семьи интеллигентного доктора Фёдора Андреевича Мута, ехавшего вместе с женой. Доктор никому не отказывал в помощи, а Лиза для них в этой безысходности была и помощницей, и дочкой.

Наконец-то это скорбное путешествие в неизвестность закончилось. Небольшой посёлок Большой Порог на берегу Нижней Тунгуски встретил немецких путешественников дождём со снегом и пронизывающим ветром. Малочисленные местные жители-эвенки прятались за деревьями, с любопытством наблюдая за приезжими.

ВСТРЕЧА НА АГАТЕ

Немцев расселили в деревянных бараках, скудный ежедневный паёк состоял из пайки чёрного хлеба и крупы, из которой варили жидкий суп. Молодых и здоровых вскоре на оленьих упряжках отвезли в эвенкийский посёлок на озере

Агата, для фронта нужна была рыба. Здесь Лиза с парнями и девушками, с трудом поднимаясь по утрам и надевая непросохшую одежду,

по грудь в ледяной воде ежедневно ловили неводом рыбу, которая шла затем на нужды фронта.

К тому времени, когда наступила настоящая северная зима, с сорокапятиградусными морозами, от немцев, привезённых на озеро, осталась небольшая горстка. Люди целыми днями лежали в холодных бараках, ожидая неотвратимого конца, а немецкое кладбище всё разрасталось.

Лиза с подругой держались из последних сил, и им в этой неравной борьбе помогала молодость.

Как-то в местном магазине девушка обратила внимание на стройного, с широкой белозубой улыбкой, эвенка — Николая, он не спускал с Лизы глаз. С тех пор жизнь приобрела новый смысл. Николай, обаятельный, добрый, каждую свободную минуту старался проводить с Лизой, привозил ей продукты — мясо, рыбу.

С началом охотничьего сезона юноша с матерью уехали в большой аргиш, то есть откочевали далеко в тайгу. Николая не было до Нового года. В конце декабря радостный Николай появился на пороге Лизиной комнаты, но с трудом узнал девушку — она уже не вставала с кровати. Бледная, исхудавшая, она молча смотрела на Колю, и слёзы стояли в её огромных прекрасных глазах.

Николай молча завернул Лизу в тёплое меховое одеяло, попрощался с соседями и увёз девушку с собой. И больше они не расставались. Когда через три месяца они снова появились в посёлке, Лизу уже было не узнать: глаза её сияли, лицо округлилось, щёки покрылись нежным румянцем.

ЗВЁЗДНАЯ ДЕВОЧКА

Молодые поселились в Лизиной комнате, весной и летом часто гуляли по берегу озера Агата, Николай готовил вкусный шашлык из жирной озёрной рыбы. Лиза потом всю жизнь вспоминала про эти самые счастливые дни их жизни, часто рассказывала о них детям.

А первым их ребёнком стала дочка Надя, причём, когда она должна была появиться на свет, местный эвенкийский шаман, который очень любил молодожёнов, умирая, сказал, что видит, как у Лизы и Николая родилась счастливая девочка, на которую «падают сверкающие звёзды».

Разномастное население посёлка Большой Порог жило дружно, и подрастающая Наденька была любимицей всех переселенцев. Красивая, общительная девочка, она никогда не возвращалась из прогулок по посёлку без гостинцев, все её баловали. Уже с трёх лет Наденьке доверяли ходить в магазин за мелкими покупками, и она с удовольствием выполняла такие поручения. Причём всегда требовала сдачи!

При всякой надобности летом по реке, а в зимнюю пору по зимнику жители посёлка ездили в Туруханск, он был для всех окном в «большой мир». Спустя много лет Николай и Лиза часто рассказывали

своим повзрослевшим детям про эти свои поездки в Туруханск, про свой посёлок, весь благоухающий душистым запахом чёрной смородины, про друзей — например, про семьи немцев Броцманов, эвенков Екатерины Удыгир с дочкой Маргаритой...

ДОРОГА В ТУТОНЧАНЫ

Когда в начале пятидесятых годов посёлок переселенцев закрыли, часть населения, в том числе и наши молодожёны, переехала в Тутончаны, а Катя Удыгир, Броцманы, Лизина односельчанка ещё по Поволжью Мария Лидер переселились в Туру, столицу Эвенкии.

Николай с Лизой переезжали в Тутончаны уже с двумя дочками — к тому времени в 1949 году родилась Лиля, папина любимица. Николай, проучившись на курсах мотористов (кстати, в своё время он закончил в Туру так называемую Колхозную школу), ехал на новое место жительства с семьёй уже со специальностью.

Лиза и Николай с детьми, другие переселенцы проделали этот путь опять на деревянной барже-илимке. Лиза была занята детьми, когда взволнованный Николай прибежал к ней с новой проблемой. На этой илимке везли в тутончанский колхоз двух коров, которые жалобно мычали, вот Николай в растерянности и спрашивал Лизу, что с ними делать, почему они такие беспокойные.

Лиза, выросшая в обеспеченной немецкой семье, умела делать всю крестьянскую работу, быстро поняла, в чём причина, и с удовольствием подоила коров. Кстати, именно этот случай и определил всю её дальнейшую судьбу.

По приезде в Тутончаны их семью поселили в небольшой мазанке-молоканке, при ней же для двух коров было подготовлено помещение. Так Лиза на долгие сорок лет нашла себе работу дояркой.

У неё не было ни выходных, ни праздничных дней, не было трудовых и декретных, послеродовых отпусков, а в молодой семье между тем появились ещё три дочери.

ТАЁЖНАЯ ИДИЛЛИЯ

Обычно Лиза после родов уже через неделю выходила на работу. Николай, как мог, помогал жене, но с началом охотничьего сезона он уезжал далеко в тайгу и возвращался только к Новому году. Сколько радости и веселья было в эту пору в маленькой избушке, сколько всяких таёжных вкусностей привозил отец!

Дочки на всю жизнь запомнили ласкового, весёлого отца, который каждое утро начинал с того, что целовал всех своих любимых девочек, а по вечерам после вкусного ужина семья долго сидела за столом, и отец рассказывал интересные истории, сказки. Николай много читал, односельчане нередко видели, как он шёл домой из библиотеки с огромной связкой книг, скреплённых ремнём. Был, кстати, в посёлке и клуб, в котором ежедневно показывали фильмы.

Детство дочерей молодых персонажей нашей истории было необыкновенным благодаря уникальному месту, в котором они выросли. Посёлок Тутончаны располагается на стыке двух рек — Нижняя Тунгуска и Тутончанка. Природа здесь отличается разнообразием: кроме лиственниц, произрастают также пихта, кедровник, берёзы; изобилие ягод — морошка, клюква, брусника, голубика, черника и чёрная смородина, лесная земляника и малина. А грибы, а разнообразье, множество лекарственных растений!

Весной и летом на крутых берегах рек в окружающей посёлок тайге шумит настоящий птичий базар, греются на солнце ящерицы, подают голос лягушки, над цветами порхают разноцветные бабочки. Поэтому неудивительно, что дети целыми днями пропадали среди этой красоты, на реке и в лесу. К концу лета загару жителей посёлка можно было только позавидовать — и это на Крайнем Севере!

Семья Николая ни одного дня не жила без вкусной рыбы, он знал особые места, где она водилась, и дома на стол постоянно подавались блюда из сига, тайменей, стерляди, в конце августа и сентябре лакомились нежным мясом огромных жирных чиров. Николай несколько лет подряд ловил рыбу для колхоза на озере Онека, все берега которого были заставлены вешалами с юколой — вяленой рыбой, готовящейся по особой технологии. Рыбу вывозили в Туру рейсами гидросамолётов.

ПО ЗАВЕДЁННОМУ ПОРЯДКУ

Жизнь в Тутончанах шла по заведённому порядку. В июле начинался покос, сена заготавливали так много, что его хватало коровам и лошадям до следующего сезона. Интересно, что в тогдашнем колхозе имелось богатое тепличное хозяйство, в котором выращивали огурцы, редис, репу, капусту, свёклу, морковь; кроме картофеля, каждый год большое поле засевали турнепсом на корм скоту, однако и дети ели его с удовольствием.

В это время Николай и Лиза уже жили не в мазанке, а в нормальном доме, и детям просторная комната казалась дворцом. Несколько настоящих кроватей, «шикарный» для того времени шифоньер, круглый стол, комод, этажерка с книгами, на стене зеркало, и кругом много цветов! А ещё большая кухня с кирпичной печью и чугунной плитой, обеденный стол, буфет и ещё одна кровать (всё же однокомнатная квартира для такой большой семьи была маловатой).

В доме была идеальная чистота, кровати всегда застелены крахмальными покрывалами с кружевными подзорами, на окнах выбитые занавески, на стенах цветные вышивки. Дом был окружён двумя огородами, а на заднем дворе росли деревья, кустарники.

ДОБЫТЧИК

В сентябре после сбора урожая подполье заполнялось картофелем, овощами, а у Николая начиналась «лихорадка» — его неудержимо

тянуло в тайгу, на охоту. И вот, наконец, сборы закончены, и Николай с матерью — седой как лунь бабушкой Катей — верхом на учугах отправлялись в большой аргиш.

Обычно из тех продуктов, которые выдавали колхозникам в магазине в счёт будущих трудодней, Николай половину оставлял семье. Он-то в тайге с матерью, знал, не пропадёт, всегда будет с мясом, рыбой. Да ещё не обходилось без «деликатесов»: мама-эне доила оленьих важенок, молоко которых можно сравнить с густыми, очень вкусными сливками. Молоко это добавлялось в душистый свежезаваренный чай или просто съедалось с эвенкийским хлебом — колобо, который замешивался на воде с солью и выпекался под горячими углями в чугунной сковороде после того, как костёр посреди чума прогорал.

Кроме того, эне каждый день проверяла расставленные неподалёку от стоянки капканы и всегда возвращалась с добычей, так что к возвращению сына из тайги его уже ждал горячий бульон из зайчатины. Николай после ужина при керосиновой лампе снимал с добытых соболей и белок шкурки и только после этого укладывался спать.

Утром всё начиналось заново. За время охотничьего сезона Николай со своей помощницей-матерью несколько раз менял стоянку. За время нахождения в тайге нужно было, кроме пушнины, добыть для семьи мясо и рыбу. И дома Николай с эне объявлялись с этими богатými припасами лишь к Новому году. В Туточанах Николая ждали не только родные, но и все жители посёлка, ведь он всех старался угостить, особенно пожилых сородичей, одиноких женщин с детьми.

ОТЕЦ ОСТАЛСЯ В ТАЙГЕ

К сожалению, не всё в этой дружной было столь идиллическим. Вот что рассказывает Лиля, та самая вторая, папина любимая дочка: — Помню себя со времени нашего путешествия из Тутончан по Нижней Тунгуске и Енисею до Красноярска и затем поездом до села Казачинского, где к тому времени обосновались мамины родственники. Кроме меня, четырёхлетней, вместе с мамой это почти месячное путешествие совершили мои старшая, семилетняя Надя, и младшая, Эльвира — ей и годика ещё не было, — сестрёнки. Почему мы уехали без папы, не знаю. Скорее всего, между родителями были какие-то недоразумения, ведь мамины родственники постоянно звали её в лоно семьи, а мама очень соскучилась по родным, ведь она двенадцать лет прожила в разлуке с ними. И когда она всё же решилась на эту поездку, папа, вероятно, не разделил с ней этого решения и остался дома, в Эвенкии. Первый страх, даже ужас охватил меня на барже, когда кто-то закрыл меня в деревянной будке-туалете на корме судна; мне показалось, что я вечность была взаперти. Было очень страшно, через дырку в полу было видно, как бурлит тёмная вода, и казалось, что меня вот-вот затянет в водоворот.

Лиля также помнит, как в Туруханске на пристани мама покупала им очень вкусный клюквенный морс. Затем они пересели на пароход, плыли, конечно, третьим, самым доступным, классом. Время было послевоенным, поэтому на пароходе было много инвалидов, которые с шапкой обходили пассажиров, собирая милостыню, а Лиля с любопытством смотрела на этих безногих, безруких бедняг, да и вообще на всех окружающих, ведь для неё всё было очень интересно.

ОНА УЗНАЛА ЕГО!

В Красноярске ночь они провели на берегу, рядом с речным вокзалом, а Лиля много раз просыпалась от маминых окриков: оказывается, вокзальные воришки не раз пытались вытащить из-под маминой головы её ридикюль, а ведь в нём было всё — деньги, документы.

Вечером поехали на железнодорожный вокзал, а там, на перроне, когда паровоз страшно загудел, выпуская пар, дым и искры из трубы, Лиля с безумным криком побежала прочь, не помня себя от страха. А за ней помчалась Надя, а за ними погналась мама с младшим ребёнком на руках. В общем, та ещё картина. Кто-то помог маме поймать детей, и они всё же погрузились в вагон.

К утру прибыли на станцию Камала, где их никто не встретил. Переночевали у какой-то сердобольной старушки, и Лиле навсегда запомнилось, как ей на голову откуда-то спикировал огромный красный петух, когда она утром вышла из избы. Этот вроде бы курьёзный случай чуть не оставил девочку заикой.

Мама пошла на почту — дать телеграмму родным — и здесь обратила внимание на молодого стройного парня, который не сводил с неё глаз. Дело в том, что Лиза была очень похожа на своих двух младших сестёр, оставшихся с матерью, а молодой парень оказался её младшим братом Гошей. Когда шестнадцатилетняя Lizbet была мобилизована в трудовую армию, он был совсем ребёнком, и всё же через столько лет (двенадцать!) признал свою сестру!

ВОССОЕДИНЕНИЕ С СЕМЬЁЙ

С почты Лиза приехала за детьми уже с братом, на повозке. Дядя Гоша их всех расцеловал, усадил в телегу, и они поехали дальше. Переплыли на пароме через реку Кан, и на берегу у села их уже встречали многочисленные родственники. Когда до берега оставалось около метра, мамина сестра Мария запрыгнула на паром и бросилась целовать, тискать всех сидевших в повозке.

Ну а дальше был праздник, застолье в кругу семьи. За прошедшее время старший брат Лизы Яков, сёстры Мария и Катя обзавелись семьями, у всех было уже по двое-трое детей, только Гоша пока был не женат и жил с матерью, новоявленной бабушкой дочек Лизы.

Им это лето запомнилось, так как было много новых впечатлений. Жили у бабушки, она по утрам кормила внучек разными вкусностями

со своего подворья: свежими варёными или жареными яичками, молоком, сметаной, творогом, маслом.

Бабушка не владела русским языком и общалась с детьми жестами, а также через Лизу и через Гошу, свободно говорящими на немецком и на русском.

— Маме пришлось почти всё лето пролежать в больнице с Эльвирой, потому что у неё начались проблемы с пищеварением. Доктора говорили, что ребёнку не подходит климат, да и, наверное, перемена питания сказалась, — рассказывает Лиля. — Я очень скучала по маме и часто стояла на дороге в соседнее село, в котором была больница, и ждала маминого возвращения.

Девочки сдружились с двоюродными братьями и сёстрами, они играли с ними, опекали, отвлекали от грустных мыслей из-за отсутствия мамы.

«СПАСИБО, МОИ ДОРОГИЕ!»

— Хочу сказать тёплые слова о наших немецких родственниках, их необыкновенном гостеприимстве, сплочённости, — с волнением говорит Лилия Николаевна Мартынова уже спустя многие годы после того памятного лета. — Мы снова встретились, когда мне было уже пятнадцать лет и я училась в Красноярске. Я приехала с двоюродным братом в Комаровск Канского района, где все наши жили на одной улице, работали в леспромхозе. Наша милая бабушка обитала в семье Гоши и его жены Ирины, у которых было уже трое сыновей...

Когда утром Лиля сквозь сон как-то услышала голос пришедшей к бабушке маминой сестры Марии, ей показалось, что это говорит мама, настолько схожи были их голоса. Девушка очень скучала по родителям, ведь ей пришлось после восьмого класса уехать на учёбу в Туру, где она жила в интернате, а затем её уговорили поступить на подготовительное отделение для северян при Красноярском медицинском институте.

У бабушки над кроватью висел портрет её мужа Филиппа, дедушки Лили, рядом с кроватью стоял сундук, в котором хранились бабушкины ценности, из него она периодически извлекала сладости, угощая внучку. Все каникулы Лили были распределены по дням: то она обедает или ужинает у дяди Яши — старшего маминого брата, то в семье тёти Кати, тёти Маши.

А в день отъезда все старались принести Лиле какие-то продукты, которые были хорошим подспорьем в небогатой студенческой жизни. Родители не имели возможности часто посылать деньги, обычно два-три раза в год, и при оказии — мясо, рыбу, икру. Так что эту помощь своих родственников во время учёбы Лиля всегда вспоминает с благодарностью и говорит им сегодня: «Danke, meine Liebe!» («Спасибо, мои дорогие!»)

Лиля и её сёстры до сих пор очень дружны со своими немецкими родственниками, помогают друг другу. Многие из них переехали

в девяностые годы в Германию, но не забывают Родину, часто приезжают в гости.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭВЕНКИЮ

Но вернёмся в то время, когда Лиза с детьми всё ещё жила у своих немецких родственников. А её муж Николай в течение этого лета с оказией пересылал Лизе письма, в которых, естественно, очень просил её вернуться. И в августе, после очередного такого письма, Лиза всё же спешно собрала детей, чтобы до закрытия навигации успеть вернуться в Тутончаны. Гоша проводил их до Красноярска и посадил на пароход.

По приезде жили у знакомых, Николай же всё ходил нерешительно кругами около этого их пристанища, и старшая из сестёр, Надя, привела его в дом со словами: «Это же наш папа!» Так немецко-эвенкийская семья воссоединилась вновь, и Лиза уже больше никогда не говорила об отъезде из Эвенкии — Север навсегда затянул её, и если она и покидала его, то лишь на короткое время, чтобы навестить родных. — Уклад нашего дома был чисто немецким, нигде не соринки, мама после уборки проверяла наличие пыли даже под кроватями, — рассказывает Лиля. — Мы всегда передразнивали мамину приятельницу, немку тётю Аню, которая, приходя к нам в гости, восклицала, что кругом «пиль», «пиль», с которой надо постоянно бороться, что мы и делали. Наше домашнее меню также состояло в основном из немецких очень вкусных и сытных блюд, мы все до сих пор их готовим, и теперь наши дети, приезжая в гости, первым делом просят приготовить «немецкие галушки», пышные пресные лепёшки — «крепель» и прочее. Но в то же время, благодаря папе, мы любим и эвенкийскую кухню, северные деликатесы: летом — юколу, зимой — строганину из мороженой рыбы, папа её делал очень красиво; из трубчатых костей добытых оленей мы всей семьёй ели костный мозг узкими деревянными лопаточками. Кроме того, много употребляли в пищу экологически чистые мясо, рыбу, ягоды. Несмотря на суровейшие в наших краях зимы, практически не болели простудными заболеваниями.

МИСТИКА, ДА И ТОЛЬКО!

А теперь время о необычном, мистическом, что сопровождало эту семью, по словам Лилии Николаевны, всю жизнь.

— Папа был из семьи шаманов, воспитывал его отчим, чью фамилию — Мартынов — он и носил. Брат его матери, Сидор, был, как говорили эвенки, очень сильным шаманом, и они с папой были удивительно внешне похожи. Сидор ходил неслышной походкой, говорил негромко и медленно, очень привязан был к старшей сестре — папиной маме...

Отец часто рассказывал своим дочерям истории, связанные с шаманством. Когда он был председателем колхоза, с одним шаманом

у него возник конфликт из-за колхозных оленей — отказался дать ему несколько из них. Через несколько дней Николай заболел, с каждым днём ему становилось хуже, он уже от слабости не вставал на ноги.

Его погрузили на нарты и по реке отвезли на лечение к другому знакомому шаману. Лиза думала, что уже не увидит мужа живым, но месяца через три, летом, Николай вернулся выздоровевшим и рассказал, что процесс лечения был очень трудный.

— Не знаю, можно ли его заболевание связать с обидевшимся на него шаманом, отец же считал, что хворь наслал на него именно он, — отмечает Лилия Николаевна.

У Лизы были не очень тёплые отношения со свекровью. Возможно, как всякая мать, она ревновала сына к его жене. А может, ей не нравилось, что сноха была немкой. Во всяком случае, она жила в чуме за огородом и в доме при Лизе почти не появлялась.

— Обычно утром папа ходил навещать бабушку, и мама иногда отправляла меня позвать отца на завтрак, — вспоминает Лилия Николаевна. — Когда я появлялась в чуме, папа ласково усаживал меня за стол, бабуля тут же наливала душистый чай, выставляла эвенкийский хлеб с маслом, ещё какие-то вкусности, и в итоге всё наше семейство, я имею в виду детей, переключивалось на завтрак в чум.

МЕСТЬ ШАМАНА

Однажды папа с Сидором устроили дома застолье, мама выразила недовольство, тогда Сидор пригрозил ей, что придёт время, и у неё появится неотвратимая тяга к алкоголю. Через некоторое время, когда мама была на пятом месяце беременности, у неё внезапно появилась потребность в спиртном, она срочно послала папу за водкой и залпом выпила целый стакан. А Николай, понимающе глядя на неё, прошептал: «Это Сидор...» Увы, в дальнейшем это сказалось негативно на Эльвире, которой Лиза была беременна в этот период.

Вся папина родня, включая его, ушли из жизни друг за другом, практически за один год. Бабушка умирала в своём чуме, лежала с затуманенным сознанием и всё время звала своего «Миколая». Лиза с дочерьми кормили её, приглядывали за ней. Но даже перед смертью отношения у эвенкийской свекрови с невесткой-немкой так не установились.

А поздней осенью Лиза заболела и сама, её недуг проявлялся слабостью, болями в сердце. Её положили в участковую больницу, но лечение не приносило результата. Как-то тёмной осенней ночью, лёжа на больничной койке, она услышала голос Сидора, он просил её выйти на улицу.

Когда Лиза «оказалась» на крыльце больницы, то вдалеке увидела Сидора. Он своим неспешным голосом рассказал молодой женщине, что перед смертью её свекровь попросила его, как шамана, наказать невестку, поэтому она заболела так внезапно. Сидор решил, что

Лиза уже достаточно наказана, и так как у неё есть ещё малолетние дети — дочки Валя и Таня, то он её сейчас будет лечить.

И Лиза, лёжа на больничной койке, в течение всей ночи «летала» с Сидором по тайге, он бил в бубен, пел на своём языке, и лишь под утро Лиза вновь «очутилась» в палате. Сидор проводил её словами, что всё позади и теперь она будет здорова, что затем и произошло. — Сидор перед смертью просил отца взять шаманство на себя, но папа не согласился, — вспоминает Лиля. — В течение зимы папа плохо спал, говорил, что умершие мать и Сидор не дают ему покоя, зовут к себе, пытаются накинуть на него маут (аркан для ловли оленей). В феврале он скоропостижно скончался, мне было тогда всего восемнадцать лет. . .

В ПАМЯТИ — НАВСЕГДА

Всю жизнь Лилии Николаевне казалось, что отец и его родственники незримо присутствуют в её жизни, судьбе, помогают и оберегают её. После окончания мединститута она работала в туринской больнице. Однажды приехала в командировку на родину, в Тутончаны. И была неприятно удивлена тем, что их дома уже нет. Его снесли, хотя он был довольно добротный.

— На расспросы жители посёлка сказали, что никто не смог жить в этом доме, так как в нём было «нечисто», — с грустью говорит Лилия Николаевна. — Было очень жаль родного гнезда, так как я и мои сёстры были привязаны к нему, часто в своих воспоминаниях, снах возвращались к этому дому, в котором мы провели немало счастливых дней.

Лиза в последние годы жила в Туре, помогала младшей сестре Тане воспитывать сына. Ушла она из жизни после тяжёлой и продолжительной болезни, так и не воспользовавшись никакими льготами для репрессированных немцев.

— Вот такую тяжёлую, очень не простую, но и интересную жизнь прожили наши любимые родители, а вместе с ними и мы, — завершила свой рассказ Лилия Николаевна, дочь репатриированной немки Lizbet-Лизы и простого эвенкийского охотника Николая. — Вечная им память и наша благодарность! . .

Сергей Смирнов

Что достанется белым медведям

По рождению я северянин, проживший первые тринадцать лет в Норильске. Потом стал геологом, и тянула меня на северá непонятная сила: работал в низовьях Колымы, на Чукотке, на арктических островах, а когда судьба занесла поближе к родным местам, и в Норильске тоже.

Арктика — так именуется область, лежащая к северу от Северного полярного круга. Человек, входящий на эту территорию становится другим — меняется характер, самопознание и отношение к окружающему миру. Он чётко понимает: его это место или нет, сможет ли он стать частью северной ауры, или, как я назвал для себя, короны.

К сожалению, сегодняшняя всеобщая монетизация убила в людях романтику. Нынешние северяне перестали мечтать о «садах на вечной мерзлоте». Приехал, набрал кредитов на квартиру, машину, бытовую технику и попал в кабалу до конца жизни.

Лишь у некоторых ещё осталась гордость: я — металлург Норильска, я — полярный геолог, я — строитель северных трубопроводов.

Не думал, что смогу узнать ещё что-нибудь о Большом Севере или найти что-либо удивительное и неизвестное. За свою полевую жизнь пролетел на больших лайнерах и маленьких самолётах и вертолётах полярной авиации, проплыл на судах, катерах, моторных лодках, прошёл санно-тракторными поездами и пешком в маршрутах не одну сотню километров по побережьям и льдам Северного Ледовитого океана...

То, что я увидел, пережил... перед тобой, читатель.

Итак...

10.07.17. Вылетел из Москвы в Красноярск. Поехал, конечно, к Сергею Даниловичу Кузнечихину, прозаику, поэту и заведующему отделом поэзии в двух красноярских изданиях: альманахе «Енисей» и журнале «День и ночь». Он отдал мне четыре экземпляра журнала «Енисей» №1 за 2017 год. В нём два рассказа Юрия Кострова, норильского друга-геолога, и мой цикл рассказов «А помнишь, Серёга?». Саша Ёлтышев верстал прозу номера и добавил от себя хороший эпиграф: «Подожди, не пой... я вспоминать буду...» Правильно сделал, я ему пузырь пообещал и в конце концов исполнил обещание. У Данилыча, как всегда, тепло, душевно и по-дружески.

Из Красноярска предстоит лететь в Хатангу, оттуда на вертолётё тысячу километров до Западного Таймыра. Нас семь человек в небольшой партии, и не все друг с другом знакомы: пятеро геологов, вездеходчик Володя и Алмаз (как корабль назовут, так он и поплывёт), художник, симпатичный и дипломатичный парень.

Геолог Анатолий — примерно моего возраста. У нас с ним есть общие знакомые. Хочет все полевые моменты по методике решить заранее.

Пётр — начальник партии. Василий — главный геолог. Иван — начальник отряда. Молодые, энергичные, уверенные в себе, это радует, хотя видно, что весь опыт ещё впереди.

Все из ВСЕГЕИ — Всероссийского научно-исследовательского геологического института имени Карпинского. Сейчас он головной и почти единственный институт, занимающийся геологической съёмкой в России. Рухнули, закрылись геолого-съёмочные экспедиции по всей необъятной стране.

У нас из оружия на всех одна гладкоствольная пятизарядка МЦ-21. Смешно сказать. В золотой век геологии при советской власти у каждого геолога в труднодоступных местах был карабин, да и ружьё у многих имелось. А сейчас, чтобы привезти зарегистрированное оружие в Красноярск, начальник поехал поездом. Идёт чемпионат мира по футболу, на самолёт с ружьём нельзя.

14.07.17. Добрались до Хатанги. Плюс десять градусов. С утра холодно и промозгло. Сейчас девятнадцать ноль-ноль, дождь. Комар крупный, прожорливый, как на Колыме, ну и в Норильске.

Двое суток общался с Геннадием Шнейдером, геоморфологом из соседней партии ВСЕГЕИ, собратом по профессии (познакомились, ещё когда работал в Норильске). Он просветил меня насчёт четвертичных отложений Таймыра, кепку подарил «Норильский никель».

— У меня их десять штук, — сказал он.

Что ж, патриотично.

Я ему — альманах «Енисей» с подписью (и от Кострова).

У меня же их всего четыре штуки, не пожалел за кепку.

Его партия залетает на залив Фаддея, северо-восточный Таймыр, мы — Ленивенская партия — на западный. Разговор наш стоил мне литра водки и трёх банок тушёнки. Шучу, поговорили мы действительно хорошо, для меня Таймыр — белое пятно. Один геоморфолог для Таймыра — совсем мало. Два геоморфолога, это я про нас с Геннадием, — лучше, но всё равно недостаточно.

Хатанга (основана в 1605 году) напоминает Чокурдах (национальный посёлок в низовье Индигирки). Живут ненцы, энцы, нганасаны, долганы, русские. И приезжие, как мы, залетают.

Есть памятник погибшим партийным работникам и чекистам. Как же глубоко на Север проникла Гражданская война, официально закончившаяся в 1921 году, а фактически продолжавшаяся здесь, в Хатанге,

на Колыме и Индигирке до 1932-го. На Нижней Колыме известен не один памятник-могила, в основном с латышскими фамилиями.

Памятника заключённым, «стёртым в лагерную пыль», в посёлке нет. Хотя Хатанга была перевалочным пунктом на пути в страшный радиоактивный лагпункт «Рыбак» и другие лагеря Восточного Таймыра. Известны воспоминания геолога Л. Д. Мирошникова (в книге «Очерки по истории открытий минеральных богатств Таймыра», 2003), умершего от лучевой болезни.

Ходили с Анатолием в музей при дирекции заповедников Таймыра. Этнографически интересно, животный мир показан. Но исторических моментов — освоения и ГУЛАГа — нет. Рядом с администрацией посёлка стоит памятник первопроходцам, в том числе Ерофею Хабарову, уроженцу Великого Устюга.

К слову, Семён Дежнёв тоже родился в Устюге, там есть памятник великому казаку, а вот портрета его не сохранилось. С Вологодчины — из Великого Устюга, Тотьмы и Вельска — начиналась в семнадцатом веке дорога на крайний Северо-Восток и на Аляску. Трудно представить, что в то время сухопутное путешествие из вологодских краёв до Охотского моря занимало в лучшем случае два года: ехали купцы и царские курьеры на лошадях, оленях, собаках. В Тотьме, небольшом городке на реке Сухоне, так далеко расположенном от моря, есть памятник мореходам и первопроходцам — поморская ладья с ажурным парусом, есть и музей мореходов в бывшей церкви, построенной одним из тотемских купцов и напоминающей парусный корабль, — они единственные в России.

Звонил Ленгезу (Г. И. Легезин — геолог). Семнадцать лет в Хатанге прожил — это круто, исходил Таймыр вдоль и поперёк, добрался и до самой Северной Земли, и в Норильске по геологии платиноидов стал бесценным специалистом — на международной конференции, проходившей на Путоранах, французские геологи из огромного уважения попросили срезать с его рубы эмблему норильского комбината, взять с него больше было нечего, не заберёшь же с собой его голову...

Что такое Хатанга — вот с трудом купил два блокнота для дневника. Хатанга — это до сих пор по укладу жизни крохотная часть Советского Союза, а для Таймыра — столица, большой аэродром и порт. Хотя официально столицей Таймырского автономного округа считается Дудинка, расположенная в тысяче километров южнее. Двухэтажные деревянные домишки, стандартные для Севера восьмиквартирные. Есть кирпичные, двенадцатиэтажные, один или два дома, хороший проект, как в Норильске, с эркером, но вернее — эркер без окон. И так бывает, всё-таки Арктика, нужно добротнее строить, чтоб из щелей не дуло. Есть даже один банкомат Сбербанка!

Делать нам нечего, ждём экспедиционный груз из Питера.

Геоморфолог Геннадий сказал:

— А из Норильска тебе надо валить.

Вот и свалил... в апреле этого года, но ностальгия... Может, она меня сюда и привела? Он уже четыре года как уехал, а встретились здесь, в Хатанге, опять же на Севере. Стариканов-геологов, кто бы мог в поле поехать, мало осталось. Дай нам Бог полей, здоровья и сил!

Горячую воду дают с пятницы по воскресенье. Вода из крана чёрная, это тоже обычная история.

Огдо Аксёнова — великая национальная таймырская писательница, здесь её литературный музей. Валерий Кравец, почётный гражданин Норильска, — её переводчик. Обоих уже нет в живых. Вот и фото хатангского журналиста Владимира Эйснера. Работал он и промысловиком в шхерах Минина, и я с ним знаком по переписке.

На рейде буксир «Ярославец», пара танкеров. Река Хатанга шириной метров семьсот.

Есть клуб, продают изделия из мамонтовой кости.

Цены в Хатанге:

- водка — от 400 р.;
- сайра в банке — 170 р.;
- помидоры свежие — 390 р.;
- пучок лука — 650 р. (может, это 1 кг — тогда дешёво, но это вряд ли);
- «Ханкуль» (вода) — 100 р.;
- тушёнка, Абакан — 150 р.;
- лимоны — 270 р.

В разговорах: 1 кг нельмы свежей — 200 р. При этом 0,8 кг сахара + халва = 300 р. Северный завоз, цена идёт от веса.

Водка «Песец» самая дешёвая, песцовая лапка на горлышке.

Помню, как отменяли северный завоз в середине девяностых. По первой программе телевидения серия передач — экономисты, юристы: «Да не нужно Север снабжать, не нужна там инфраструктура, нельзя там жить». Лет через десять опомнились, когда решили на углеводородах жить, но ввели вахтовый метод. Он, конечно, дешевле постоянной инфраструктуры, но с этим «методом» привнесли на север временность и головотяпство: «Мне здесь не жить», — мерзлота от разгильдяйской эксплуатации оттаяла, дома стали разрушаться и дальше по экологической цепочке.

В этом году ВСЕГЕИ планирует работы на реке Имангда (под Норильском) на твёрдые полезные ископаемые. Но геологов не хватает.

15.07.17. Утро. Плюс двенадцать. Прочитал в том же альманахе «Енисей» очерк некоего Б** о В. П. Астафьеве. И что Кузнечихин мне посоветовал это читать, о русофобах и русофилах? Наши писательские ряды и так редуют. И опять споры. Опять делиться будем, как амёбы, а потом в могучие кучки собираться.

Струну у гитары порвал, потом не ту поставил. Васина гитара, главного геолога. Тут я вспомнил, как Юра Костров, гитарист и сочинитель

философских геологических песен, добывал гитару на Диксоне: пришлось ему выпить с хозяевами гитары и спеть «Купола» Высоцкого — гитара к Юре перешла на неделю.

Вездеходчик Володя вчера чуть с геологом не подрался. Меня в краже тысячи рублей обвинил — и тоже в драку. Это оттого, что бездельничаем; как говорят, не могу о моряке судить, пока мы в шторм не попали, а я о геологе, пока не увидел, как он шлихи моет.

Балагур Вова служил на Тихоокеанском флоте, сидел в основном в каземате на острове Русский, в дисциплинарном батальоне. Но будь он плохим механизатором, не взяли бы его в такой отрыв от цивилизации. Видимо, в своём деле он мастер. Плюс кладезь поговорок, анекдотов и стёба.

В Хатанге встретил двух бурильщиков из Норильска, Сашу и Антона. Поднимаюсь по лестнице в общагу, полно народу нашего стоит, и слышу:

—Сергей Александрович, а вы-то как здесь оказались?!

Вот это встреча! А вы-то как здесь?! Такой Север маленький. Подарил им экземпляр альманаха.

Очень много собак на улицах Хатанги, псы ездовые, серьёзные, с голубыми глазами, влияние хасок.

16.07.17. «Два корифея лысых сидят и разговаривают о геологии, на „вы“». Смешно, это мы с Анатолием.

29.07.17. Река Ленивая. Двадцать первого июля наконец улетели из Хатанги. Садились на дозаправку на южном берегу озера Таймыр. Лёд отогнало к северу за день до нас. Женщина с нами летела, улыбалась всю дорогу и в глаза заглядывала — гордилась: к мужу лечу, а он на краю земли! Рыболовецкая точка? Нет, заповедник. Гольцы килограммов по пятнадцать. Нам дали два мешка рыбы: некогда и лень им уже рыбу шкерить. Голец, муксун, чир. Жара, комарьё. Рыба в озёрном льду как в холодильнике.

Начальник точки:

—Купите череп овцебыка...

За туристов нас принял.

—Конечно, в тундре сами найдёте, их тут полно... Вот белый медведь проходил недавно по своим делам, даже не зашёл на рыбку.

Да, они везде, «белые умки», даже в центре Таймыра. Непонятно, что у них в голове. Идут куда-то за тысячу километров к своим загадочным целям, а мы пытаемся их очеловечить, придать интеллектуальные черты, а им просто кушать хочется.

Пролетели над горами Бырранга — красиво, необычно, чёрные выгнутые спины гор — как ныряющие дельфины. Оленей — впечатление, что они везде, закрывают землю и бегут, бегут. Сейчас их миграция. Пятьдесят (или сто) тысяч голов бегут по тундре, с вертолёта это

хорошо видно, я такого никогда не видел. В сужениях долин собираются в цепочки, сверху — спины и следы. Идут на северо-запад от комара.

Летели часов пять. Западная часть озера Таймыр — осушки, косы, острова. Увидел лодку с мотором. Кто и откуда? Заблудиться среди этой бескрайней воды — пустяшное дело.

Стоим на первом лагере, на слиянии двух рек — Ленивой и Непонятной. Полуостров. Трое тем же вертолётom улетели за сто двадцать километров к вездеходу, простоявшему в тундре два года, там же склад ГСМ, солярки и кое-какой провиант.

В первом маршруте Анатолий попросил меня зачитать из полевого дневника описание террасового аллювия.

Я прочитал:

— Галька третьего класса окатанности. . .

— Вы что, геоморфологи, всех геологов идиотами считаете? Это хорошо окатанная галька.

«Окатанная так окатанная, мне же проще», — подумал про себя, чтобы не нарваться на продолжение. Притираемся.

И вот сегодня, через неделю после заброски, пришёл наконец-то наш долгожданный вездеход МТЛБ, встал на другом берегу реки Ленивой перед впадением в неё реки Непонятной. Пришёл он задним ходом, раненый, словно танк после Прохоровки, — проехал сто двадцать километров за восемь суток. Имена героев-танкистов — Пётр, начальник партии, механик-водитель Володя, рабочий, в миру художник, Алмаз.

Первый раз такое видел, чтобы вездеход проехал столько километров задом наперёд. Что случилось: танкист Володя ехал, как считал нужным, по водоразделам, где для ходовой части вездехода безопасно, потому что мягко по сырой травянистой тундре ехать. Петя заставил ехать по GPS-навигатору, по прямой. В результате в речке наехали на снежник, буксанули, и прицеп с солярой застрял в валунах. Вова стал сдавать назад и обломил оба кривошипа, без которых не поставишь и не натянешь гусеницы, да и двигаться нельзя.

Алмаз профессионально заснял на видео, а произошло это на реке Наблюдений. Катастрофа, нынче купить и привезти запчасти вертолётom — это несколько миллионов стоит.

Вот и сели мы все семеро вокруг вьючного ящика-стола и стали думать. Есть вариант ехать задом девяносто километров до брошенной погранзаставы «Эклипс», там и техника подобная стоит, и соляра есть. Двадцатого сентября мы должны быть на полярной станции «Мыс Стерлегова». А до этого надо лагерь менять и работать — мыть шлихи, брать донку и проводить геологическую съёмку.

Это у нас обычная для Арктики ситуация. Многовариантность. Что хочешь, то и делай. Единственно хорошо, что отряд воссоединился.

Сегодня пьём. По прилёте сетку поставили, попался крупный хариус: и уха, и малосол есть. Ребята пол-оленья привезли, единственная мясная добыча при таком-то её изобилии. А спирт отвратительный. . .

Володя, конечно,— мастер. Ремонтировал вездеход в ледяной воде, это входит в профессию, но... Он из ничего собрал эту каракатицу, мэтл (разговорное прозвище вездехода МТЛБ) наш, укоротил обе гусеницы до четырёх катков, и она едет ещё при этом. Только задом. Вперёд ехать пружины на катках не дают, катки цепляются друг за друга.

Когда мы в начале выгружались, забыл в вертолёте рюкзак с нужными вещами, и бутылка водки там была. Хорошо она им пригодилась! Петя — апологет трезвости — спирта с собой не взял, оставил у нас.

С погодой очень повезло. В одном маршруте только холодно было: термобельё, свитер, штормовка и куртка на флисе. Продувает. В зимних перчатках! Хорошо, что тёплые резиновые краги выдали шлихи мыть, они красного цвета, на точке не забудешь. Мы, пока вездеход пятился к нам, успели сделать работу с этого лагеря пешком. На холостой ход приходилось от шести километров.

Тундра очень неудобна для ходьбы, что верховая, моховая, что травянистая: подушка, пропитанная водой, под ней мягкопластичные суглинки, оттайка, по-научному — сезонно-талый слой, на глубину тридцать сантиметров, вязнешь и опоры нет.

Геологам-съёмщикам нужны коренные выходы пород, чтобы измерить падение и простиранье пластов. Здесь их надо искать, а у меня, геоморфолога, попроще — занимаюсь четвертичными отложениями, они везде. Хотя без обнажений тоже нельзя. Ну и рельефом, который эти отложения слагают.

Между геологами и геоморфологами всегда были некие «тёрки», потому что геоморфология находится на стыке географии и геологии. А если вам скажут «география», вы сразу представите школьного учителя географии с указкой и картой полушарий и вспомните, что Земля стоит на трёх китах или слонах — тут у кого какая фантазия. На самом деле в изучении Земли ни у кого нет приоритетов. И каждый делает это в своей области. Для геолога основная стихия — недра. Для геоморфолога — земная поверхность и рыхлые отложения, её слагающие. Ему важен процесс, образовавший осадки.

С террасами на Таймыре полная чехарда, уровни «скачут». Прозрел только в третьем маршруте, что это не классические речные террасы, а эрозионные уступы, подрезанные рекой конусы выноса (потому высоты террас и «пляшут»); но и наличие конусов не всё объясняет, стройной системы здесь нет, слишком много вводных в истории развития территории — несколько оледенений, оставивших свои морены, и межледниковий с флювиогляциальными отложениями, несколько морских трансгрессий, и всё это размыто, уничтожено следующими друг за другом событиями. На самом деле, по лоскутку материи мы пытаемся восстановить платье. Во всех смыслах Ленивенская площадь — гнилой угол Таймыра.

На реку Скалистую, где склад ГСМ, ехать не можем, хотя соляра нужна, вездеход неисправен, а Анатолий хочет сразу всюду попасть

и ещё на Гусиную реку, поближе к Карскому морю. Где белые медведи. У нас одно ружьё, и в маршруты мы ходим поодиночке без оружия, что техника безопасности категорически запрещает. Но мы это делаем, потому что иначе не успеем сделать работу за короткое лето. Впрочем, геологам всегда приходилось в маршруты ходить по одному. Не всегда это заканчивалось благополучно.

А насчёт белых медведей... это недотроги, которые записаны в Красную книгу... Вася вот оказался опытным злодеем, отбивался под Магаданом от бурога, правда, медведя бензопилой.

Мы уж серьёзно про плоты думаем — сплавиться по Ленивой до полярной станции «Мыс Стерлегова». Тут недалеко, около ста километров. Правда, известны на Ленивой серьёзные пороги. Зато рядом с лагерем есть материал для плотов: старые балки, конца 1980-х, возле них полно бруса, реек, гвоздей, лежит щитовой дом два с половиной на три метра — готовый плот. Насчёт плота — шутка. Хотя хрен его знает...

Ходил по тундре: олени, оказывается, кричат как варган. Вернее, варган имитирует голос оленя. Старый мелодично гундосит, подзывает молодого: «Где ты бродишь? Тут чужие в деревянных ящиках прячутся».

Олени думают, что люди — тоже животные. Так оно и есть. Мы даже глупее, чем олени. Важенка на стрёме, на меня смотрит и молчит. До них метров триста пятьдесят. Вообще, все тундровые жители проверяют любой предмет на движение. Если движется, значит, живое. И может представлять опасность или добычу. Поэтому лучше иногда замереть, но запах они всё равно учуют. Хотя, я думаю, каждый камень или кочка этой местности известна животным, как нам собственная квартира. И нам в чужом жилище не спрятаться.

Песцы ведут себя совсем по-деревенски. Щенок, видимо, в дальней норе сидел, я иду, мамаша его тут же зовёт: домой, сынок, домой! — а меня пугает, кричит как резаная. Тот долго не решался, потом сиганул через болото изо всех сил, еле отдышался, сел рядом с мамашей и наблюдает за чужаком.

Животные забавно беспокоятся друг о друге. Алемминги — попрошайки и кокетки.

А уж у чаек! Базар минут на двадцать. Особенно у полярных крачек, которые летают два раза в год с полюса на полюс. Того и гляди, в темя клюнут.

В балке ГУГКа (Главное управление геодезии и картографии) на стенке, сбитой из ящиков: «*Морем для Арктики*». Приятно такую маркировку видеть. Это же забота о полярниках.

Хариус ловится, не успеваем сетку проверять, ездим туда-сюда через реку на резиновой лодке.

Володя про свой вездеход:
— Я его за гуски тянул, вмятины от пальцев остались, иначе бы застрял.

Да, действительно, это Вова мэтл вытянул.

На альманахе «Енисей» нужно написать: побывал на Западном Таймыре. Это почётно. Книжка пообтрепалась и подмокла, начала жить свою нелёгкую жизнь.

В маршруте много о чём передумаешь, вспомнишь и поругаешься, бывает, с кем-нибудь... Но больше миришься. Отсюда, с Таймыра, всё видится по-другому. Осознаёшь, что познал истину бытия: ты не один. А потом думаешь о чём угодно, что в голову взбредёт... Главное — не бояться белых медведей. И женщин, добавлю в шутку, ведь после нас всё достанется именно тем и другим.

03.08.17. Вездеход едет задом со скоростью три-четыре километра в час. Вчера переехали на второй лагерь, на реку Гусиную на слияние со Старой, это ещё внутри нашей территории.

До этого был очень сильный ветер, ураган. Летел с ветром ещё и ледяной дождь. Проснулся оттого, что мокрая стенка палатки надулась парусом и хлопала по раскладушке. Васю с Ваней я разбудил и сказал, что палатка уже переехала на метр под напором ветра и вьючные ящики едут вместе с ней. А сам спустился с терраски в затишек, где у нас был гальюн. Ребята тем временем попытались палатку укрепить, привалить камнями. И не смогли удержать её.

Палатка длиной метров шесть была, с двойной стенкой, со стильными полукруглыми дверями на молниях, которые заедали всё время.

За считанные секунды её оторвало от земли и понесло. Смешно было, когда она надо мной пролетала, а я в гальюне, ничем не защищённая фигура в таймырском пейзаже на фоне гудящего ветра и стегающих струй воды...

Ваня пытался её догнать, когда палатка, звеня колышками по камням, кувыркалась через долину, форсировал реку, в сапоги набрал, а палатка уже за горизонтом была.

Конечно, всё у нас намокло, и мы все насквозь мокрые были. Смех смехом, а мы, по сути, лишились казённого имущества и стали бездомными бродягами. Искать её бесполезно было, к утру она уже над Карским морем, скорей всего, была. Хорошо, шлихи и пробы к палатке не привязали.

«Вдали, за холмами» — так мог бы назвать этот сюжет Хемингуэй. И в этом рассказе тоже присутствует эротика, свойственная раннему периоду творчества писателя.

Ну, мы — Вася, Ваня и я — передислоцировались в другую такую же палатку к Толе и Алмазу, больше собственного жилья у нас не было.

Пете очень хотелось, чтобы мы, после «ночь не спавши», перетаскали бутор, то есть наши пожитки и гору провианта и проб, за километр через реку в вездеход и пешком пошли на второй лагерь. А это тринадцать километров. Бутор перетаскали и, поскольку уже валились с ног, устроили серьёзное собрание, даже думское заседание.

Анатолий предложил голосовать «за» и первый поднял руку, его никто не поддержал, а Петя не на шутку разошёлся, он грозно восклицал: — Но люди же отдохнули!

А все устали, еле языком ворочали, жратву, конечно же, тоже на тот берег утащили. Главное, и чаю не было, чтобы восстановить силы. В конце концов Петра удалось урезонить.

Мы не пошли на новый лагерь, но пришлось спальные шмотки тащить под дождём и ветром обратно с берега. Оставшаяся палатка едва устояла под ураганом, мы её камнями по периметру очень хорошо обложили. Теперь мы в такой же, как «унесённая ветром», палатке впятером. Вася, Ваня, надутый Анатолий, Алмаз и я. Алмаз произнёс несколько деликатных фраз и разрядил обстановку.

Вчера не смог, сегодня позвонил отцу по спутниковому телефону, поздравил с днем рождения. Девяносто один год ветерану Норильского комбината!

Всё время холодно, плюс два — плюс четыре. Ветер и дождь, но хожу в маршруты по десять-двенадцать километров. Вспоминаю Большой Ляховский остров, не было там так трудно. Может, молодой был.

Петя всё время делит груз на части, называя их «лабазами». Для меня лабаз — это склад провианта на деревьях, стволы утыканы гвоздями с откушенными шляпками, чтобы медведь не добрался. Я их, лабазов, много в приколымской тайге видел. Трогать, разорять их нельзя, за это можно жизнь поплатиться. Но если ты действительно в беде, лабаз может тебя спасти, и никто тебя не осудит. Тут всё по-человечески понятно, и колымский (назовём его так) закон родился среди северян и в Сибири не просто так, он был выработан и построен как свод правил общения в дикой природе, где «медведь хозяин», а не исправник или сельсоветчик, на смертях и крови. Олег Куваев, автор «Территории», озвучил его в литературе: с общего стола ты можешь налить себе сколько хочешь и выпить в одиночку и без тоста.

Но, как у любого закона, у него есть производные. Смысл производных: ничто не даётся просто так, за всё нужно платить, и не совсем деньгами.

Мы днями складываем «лабазы», накрываем брезентом, делим и перекладываем, таскаем ящики и тюки.

Вова не хочет переезжать глубокую, в полтора метра, реку. То волна, то ветер: вдруг наш мэтл встанет посреди реки? Володя-вездеходчик — с Алтая, из Барнаула. Конечно, мастер! Он действительно переживает за нас, хочет, чтобы мы вернулись домой целыми и невредимыми, как он вернулся из дисбата.

За такое небольшое время, в общем, родиться коллектив не может. Все со своими тараканами. Вася с Ваней, например, могут вдруг после ужина выпить и под утро начать петь песни. Так-то ладно, взрослые же люди. Но в ноты не попадают! Любимая — «Родники мои серебряные». Она у меня тоже любимая была в их возрасте.

—На, выпей!

—В маршрут же утром.

—Ну, как хочешь, а мы за персиками на лабаз пошли.

—Родники мои!..

Ну ладно, я не против.

Уже пошёл разговор о конце сезона: забирать нас будет вертолёт с «Михаила Сомова». Во как!

Видел следы волка. Ваня видел живьём. Худой, одиночка. Lobo Solitario.

Алмаз нашёл щепку мамонтового бивня, для него это событие.

Есть в Хатанге такой *****ов, вертолётчик, воевал в Афгане, местный олигарх. Контролирует всё. И мамонтовую фауну тоже. Хорошую кость берёт по двадцать пять тысяч рублей за килограмм. Если через перекупщика, то пять-шесть тысяч. За коллекционные, хорошей сохранности,— платит «миллионы». Люди реально зарабатывают на этом, покупают квартиры, лодочные моторы, снегоходы, чтобы добывать больше. С ним, говорят, летать страшно, он бивни прямо с вертолёта высматривает. И прямо на них пикирует.

Но мне попадались в полях другие командиры, олицетворявшие государственный дух нашей работы. Один сказал, стаскивая мокрые от пота перчатки после сложной посадки в бухте Амбарчик:

—Эх, геологи... Весь Советский Союз в вашем распоряжении, а вы такое место для посадки выбрали!

Конечно, это была шутка. И я знал, что он прекрасно понимает наши трудности и потому постарался, залез хвостом в часток столбов старой гулаговской зоны, поближе к бочкам с бензином, чтоб катать эти бочки было удобнее. Тут всё понятно: мы делаем общее дело.

На Ленивой видел два балка. Один — выше слияния с рекой Непонятной. Это ГУГК, уже говорил, примерно 1988 года, видно по датам на консервных банках. Потом его, видимо, охотники с полярной станции «Мыс Стерлегова» заняли. Это там на дощечке на стене штамп: «Морем для Арктики». Другой — ниже слияния, чисто охотничий. Лежит в тундре разобранный «Нептун», лодочный мотор. Известно, как капризны эти моторы, и здесь непонятно, что случилось, как они добирались до станции, это же сто километров.

У балка прямо на скале — два кустика золотого корня, или родиолы розовой, которую ещё называют северным женьшенем. Спиртовой настой корня восстанавливает силы усталому путнику, а действие его сходно с действием чифиря — варёного чая.

На Большом Ляховском острове мы ходили в маршруты сутками, но никогда не ночевали в тундре, на так называемых «холодных ночёвках». К вечеру или к утру, в какой бы ни были усталости, выходили на побережье, где можно было найти дрова — набросанный прибором швырок и плавник, которых в глубине острова не было. Холостой ход по песчаному пляжу до лагеря мог составлять и пять километров,

и десять. Мы заваривали на двоих пачку чая в восьмисотграммовой жестяной банке из-под персиков и по глоточку выпивали эту чебурду. Примерно час после этого мы неслись по береговой кромке, как два самолёта. Действие волшебного напитка заканчивалось так же резко, как и начиналось, но в большинстве случаев нам удавалось добежать до дома за один приём. Желательно использовать, тратить эту чайную силу до конца, иначе она начнёт рвать сердце.

Всё, ложусь спать. Вечер тихий, и не тёплый.

04.08.17. Солнце. Тепло. Ходил на местный «Стоунхендж» за четыре километра, мыл шлихи из морской террасы. Нашёл фауну. Теперь точно уверен, что это морские отложения. Место приятное. Огромные глыбы гранита пять-шесть метров в поперечнике, тринадцать штук, как место для общения с богом или богами. Маленький красивый водопадик, струйки журчат, пить хочется. Всё истоптано оленями и овцебыками. След у овцебыков без прибылых пальцев и глубокий, поскольку тяжёлые. Действительно, намоленное место, или «место силы». Во всех широтных зонах есть такие места, в некоторых отдыхаешь, в других непонятный ужас тебя охватывает. Ну, это отдельная тема.

Работы здесь, на Гусиной, осталось на один день, а кривошипы привезут только через неделю. Вова боится, что при постоянной езде задним ходом может полететь главная передача. Полететь, как та самая палатка.

Ходить действительно тяжело, километра два нужно только в режим входить. Всё время мокрый, вдобавок ветер. Появился кашель, и голос на исходе. Перед маршрутом и вечером жру таблетки, суставы уже не те, требуют смазки. Думаю: а как «на золотых моих россыпях» заключённые работали? Таблеток, кроме пенициллина, не было, а от боли в суставах хвойные побеги заваривали. Тут что-то близкое, мучения за убеждения, терпи!

Бани ещё ни разу не было, не мылись с шестнадцатого июля — в Хатанге горячая вода только по выходным, а улетели мы в четверг. А Юрка Костров рассказывал — они в советское время каждый год на свою территорию из Хатанги забрасывались, — что в посёлке мылись — хоть каждый день!.. Кто бы мог подумать, что такая проблема будет? Но в аэропорту есть котельная, которая питает аэропорт. А там душ, в него пускают всех. Хорошо там отмокать, особенно с похмелья.

Дозаправка на озере Таймыр, на которую мы залетали по пути сюда, называется Юкояма. Название само из памяти всплыло. Как бы японцы на территорию претендовать не начали.

Видел на снежнике старый след росомахи, он напоминает медвежий, но меньшего размера, — первые следы хищных аборигенов.

Обогреваемся в палатке каким-то прибором с электронными мозгами под названием «Планар». Он иногда коптит и не заводится,

пишет на табло какую-то ошибку, если солярку не отфильтровать или аккумулятор не зарядить. А солярка — из старых ржавых бочек. А бензину у нас не очень много, чтобы включать генератор и заряжать аккумуляторы. Поэтому практически ходим во всём мокром — портянках, куртках. Из опыта, тельняшку и носки можно высушить на себе, в спальном мешке. В поле за всем нужно постоянное внимание.

Какая же тишина в тундре!

Нашли останки оленей. Самцы сцепились рогами и погибли. За самок бились. Один лежит вверх ногами. Так, сцепившихся, их и съели. Волки или песцы. Победителя не оказалось, а кто-то третий всех самок поимел.

Прочитал повесть «Циники» Анатолия Мариенгофа, друга Есенина, понравилось, надо ещё почитать. Вот времечко было — или безвременье, революция и Гражданская война. И от такой безысходности людям не хотелось жить... Интересно, что будут думать о нашем времени? Но в книге литература, а здесь жизнь, не тусклая и не скучная, освящённая особым смыслом. Служи Родине, делай как умеешь и что можешь, но не мешай другим делать больше и лучше. Все бы так думали и жили.

Сегодня Норильск вспоминается. Наверное, потому что пятница. И Костров там беседует со своим коньяком. «Всё достанется белым медведям», — это его строчка. Хотелось ему про овцебыков написать, как они там выживают на острове Врангеля. У нас теперь есть две песни, которые с этой строчки начинаются.

05.08.17. Вечер. Холодно. Когда сломался кривошип, Вова разбирал гусеницы по локоть в воде. И тут случайно обнаруженная в моём рюкзаке водка очень пригодилась. Даже Петя выпил сто грамм. Север уравнивает пьяниц и трезвенников.

Север един во всех смыслах.

Вездеход МТЛБ, военный, танк с противопульной защитой, тяжёлый, весит шесть с половиной тонн, соляры ест мало — 0,7 литра на один километр. Институт купил его в Швеции, специально, потому что нашу технику вылизывают перед продажей за границу. В конце концов, он не подвёл, задом, но приехал. Надписи на панели приборов — на шведском языке, пришлось разбираться. А вообще, если бы не Вова, до сих пор там сидели бы... наблюдали реку Наблюдений.

06.08.17. Маршрутная погода. Хорошо в тельнике, он дышит. А в синтетике — весь мокрый и холодный.

Над нами тонкий блин облаков, а вдоль всего горизонта на триста градусов узкая оранжевая полоска. Точно как в одной хорошей песне: над левым плечом закат, над правым — восход. К ночи облака утащило, похолодало, а заряд аккумулятора кончился, и мы после бани остались без тепла. Для Пети эта таймырская реальность — как

компьютерная игра: можно остановить в любую минуту. Например, залезть в мэтл, там есть свой обогреватель.

Лишнего барахла сорок процентов, и нет нормальных печек-капельниц. Всё нужно заряжать электричеством. Да и вездеход МТЛБ не может всё это утащить, он ещё и прицеп тянул, из-за которого кривошип и отломился.

А что будет, когда действительно похолодает?

Что у нас с едой? Мы с Анатолием наловили хариуса, солили его, жарили и уху варили. Но Петя истратил на того первого и единственного оленя четырнадцать патронов, палил в белый свет. Сегодня ушёл куда-то с ружьём. Наверное, на охоту.

В день я прохожу десять-пятнадцать километров. Тяжело. Толя бегаёт как олень, он и альпинист, и марафонец. Пробежал как-то пятьдесят три километра, забыл остановиться на сорока двух. Ходит с финскими палками. Вова смеётся: лыжи, говорит, потерял ещё зимой. Поражаюсь Толиной выносливости. Ребята тоже хорошо ходят. Вася ушёл километров за десять, и рабочий ход ещё, получится тридцатка. И Ваня молодец. Но с вездеходом лучше. Сделали по съёмке примерно сто двадцать квадратных километров.

Сегодня Юля приснилась, из ляховского прошлого. Снится что-то каждую ночь, цветное и осмысленное. Точно, гепатогенная зона. И «Стоунхендж» этот ещё.

Ладно, пойду еду готовить, я дежурный, и скоро двадцать три ноль-ноль, все вернутся из маршрута.

Да, рассказ бы написать, «Пельмени по-якутски», как мы оленя на мясо сдали. Потому и Юлю вспомнил.

Это было рядом с осушкой Боруога на острове Большой Ляховский. Соседи-геологи с вездехода охотились на оленей в три карабина. Подранков не добирали, и они расползлись по всей тундре. Один прихромал к нам, на речку Тарскую, и лёг в солёную воду лечить рану. Нас не боялся, как будто знал, что у нас оружия нет, только ракетница на случай, если белый хозяин придёт.

То есть олень нам доверился. . . И лежал сутки, а мы, занимаясь своими делами, как-то подумали, что оленины, привезённой из Чокурдаха, осталось мало, да и воняла она уже серьёзно. Юля промывала её раствором марганцовки. И, уходя в маршрут, я связался по рации с теми охотниками-геологами, чтобы они добрали нашего оленя.

Решалось это непросто, и последнее слово было за Юлей. Она потом и рассказала, что пришёл вездеход ГАЗ-71, олень пошёл в море, забрался на припай. Его застрелили, зацепили тросом и утащили к себе на базу за десять километров. Через день пришёл на Тарскую помбур и вывалил из рюкзака оленью ногу и пачку писем для нас. Из оленины мы навёртели пельменей, мясорубки не было, и мы тёрли мясо на обычной тёрке. Может, и не надо было того доверчивого на мясо менять.

В своём рассказе «Пельмени по-чукотски» я описал всё как-то менее драматично. В нём герои хотели наделать пельменей из лисятины, потому что окрестных евражек, полярных сусликов, всех съели.

Есть в партии два спутниковых телефона, минута рублей шестьдесят стоит. Мальчишки вечерами по полчаса болтают или СМС пишут.

Насчёт запчастей звонили Проскурнину, начальнику отдела ВСЕ-ГЕИ, и другим. Быть может, дней через пять привезут на «Робинсоне», если геофизики, занимающиеся гравиметрической съёмкой рядом, снизойдут. Видимо, будем сидеть на этом лагере, на Гусиной, так как Вова боится за главную передачу — ездим-то задом! Если она крикнет — тогда эвакуация!

Вася предложил поработать во ВСЕГЕИ в удалённом доступе. Он сделал вид, что предложил. Я сделал вид, что подумаю.

08.08.17. Солнце, но сильный ветер и холодно. Вчера переехали на следующий лагерь, вверх по Гусиной. Здесь сплошные коренные обнажения. Очень красиво: белый снег и голубой лёд, чёрные скалы, жёлтая трава.

В маршруте нашёл вроде бы отпечаток фауны, но породы ведь докембрийские, когда жизни на Земле не было. Потом сообразил: выщелачивание, кубик пирита выпал или растворился за два миллиарда лет.

Правый сапог порвался. Не у меня первого. Качество такое.

Сапог заклеил, посмотрим. Это начальник питерский посоветовал купить именно такие сапоги, он их на рыбалке в Питере проверял. А они «пластмассовые» оказались, ломаются у всех в одном и том же месте. Прямо Каверин, «Два капитана».

Оказалось, ребята этот роман не читали... Ну о чём с ними разговаривать?!.. Прообразом капитана Татаринова из этого романа был лейтенант флота Г. Л. Брусилов, руководитель одной из трёх полярных экспедиций, ушедших в Арктику в 1912 году. В романе версия гибели экспедиции — в плохом снабжении, гнилая солонина и одежда, истлевшие постромки для собачьих упряжек и так далее.

Вторая экспедиция, которой командовал В. А. Русанов, тоже исчезла.

Вернулась только третья, но без руководителя: Г. Я. Седов умер от пневмонии при попытке достичь Северного полюса весной 1914 года.

09.08.17. Донки и шлихи с этого лагеря взяли, мы начали простаивать. Запчасти для вездехода в Хатанге, за тысячу километров. Вертолёт летит в Норильск в воскресенье, а сегодня среда, будет работать у геофизиков на соседнем листе. В понедельник к нам. Соляры, не считая той, что в баках, осталось мало, и та мутная и красная от ржавчины. Решили экономить на печках и до «вертушки» никуда не переезжать.

Петя не любит крепкий чай, поэтому заварен у нас «жидок», и все сами ещё себе подсыпают. А вообще, чай не идёт, все пьют кофе, как привыкли в камералке.

Сегодня никуда не ходил, пробалбесничал. Кино с Вовой посмотрели по мотивам «Отеля „Большой Будапешт“» Стефана Цвейга. Занятно.

«Сомов» намечен на пятнадцатое сентября плюс-минус две недели. Сейчас он встал под погрузку в Архангельске. Идёт подготовка уже ко второму рейсу по Севморпути, грузиться будет две-три недели, ну а сколько дней с заходами и разгрузкой на полярных станциях — мы не знаем.

Снегом накроет, будем ещё сапоги жечь, как Вася! У него тоже прохудились.

11.08.17. Утро. Четыре тридцать. Ветер, ветер на всём белом свете... ветер... Днями и ночами — ветер. Лицо — как стелька. Сегодня немного пьём. Будем всё-таки переезжать с этого лагеря.

Видел четырёх волков, шли по следам вчерашнего оленьего стада, но в обратную сторону, к нашему лагерю. Оказывается, ловили одинокого оленя, отбившегося от стада. Он с выпученными глазами прибежал к вездеходу и пронёсся дальше.

А Вова из лагеря это всё наблюдал в бинокль, и за мной тоже, как я свернул в маршруте, не пошёл навстречу волкам, а ушёл на другую точку. Хотя четыреста метров до них было, когда я свернул с их пути, видел, как они там суетятся, для них вся жизнь была в этом олене. Скорее всего, съели...

Говорили с Алмазом о книжной графике. Он третий раз в Арктике, так и ездят: художник, физик и ещё кто-то. Северная Земля и Таймыр.

Спать. Давыдов Сергей Петрович, колымский геоморфолог, трубу не берёт, а у него день рождения.

Анатолий на Скалистой нашёл морскую фауну. Вот и славно. Будем купаться и пальмы посадим.

Ветер, ветер... Ветр. Холодно... Ещё ведь лето.

12.08.17. Четыре тридцать. Дождь с сильным ветром. В палатке плавают ботинки. Нас залило. Прокопали обводной канал. Питерцам, видать, это не впервой. А нижнетагилец Толя лопатой пытался весь ручей забросить в пластиковые тазы, вычерпать воду из палатки. Так вот они зачем, тазы-то! А не для бани. Хотя как экстренное решение пойдёт.

Промокли все, ветер с дождём пробивает любую одежду, даже пластиковый плащ, как в ту ночь, когда палатку унесло. Выхлоп этой... печки-электронки тоже залило водой. Аккумулятор разрядился. Всё погасло и потухло.

Ваня сделал чай и сварил лапшу. Вова под шумок хватанул полстакана спирту, и началась война. Петя обещал вылить спирт в речку.

Сколько в Арктике было начальников, которые пытались таким образом справиться с этой проблемой. У них же ничего не получилось. Как и у наших, пардон, президентов. Ну и флаг ему, Пете,

в руки. Я молчал, могу ведь и оскорбить ненароком за такие вещи. Ваня забрал спирт у Пети с условием, что мы можем пить его только втихаря от Вовы. Что всегда и было. И ладно, есть повод посмеяться.

А ведь это подпункт колымского закона. Трактористы и вездеходчики сутками, бывало, сидели за рычагами, тащили грузы и буровые, исполняя неписанный закон Дальстроя: «Делай или умри». Как тут без чифирия? Ещё и спирту в чифирий добавляли, чтобы не уснуть. Никто же не мог им запретить или пожурить их, что пить нехорошо, а чифирий выедает сердце.

Наконец поздравил Давыдова с днём рождения. Он говорит: — Что ты там забыл, на Западном Таймыре?

Раньше говорил, когда узнал, что поеду, что это круто. Вот и пойми друзей, которые тебе добра желают.

Печку включили часов только через пять. Спирту ни грамма. Честь начальника спасена. Но он раздражён. Из строя вышли почти все болотные сапоги, печка плохо греет, тушёнки осталось ящик-два (один на Ленивой, на лабазе), впереди снег и холод, отряд к нему не готов. Мне всё равно. Будет то, что будет. Очень интересно, что скажет тебе судьба, когда ты сам у неё ничего не просишь. Самое раннее в понедельник (сегодня пятница) прилетит вертолёт на Ленивую с кривошипями, сигаретами, хлебом и палаткой.

А надо было бы и сапоги заказать...

Начало рассказа:

— А как же это произошло? — спросил один, которого звали Алмаз. — С палаткой?

— Стихия, — ответил другой.

— А с мэтлом? Почему кривошип отломился?

— Это, знаешь... кто-то грешил, да не покался...

— То есть виноватых нет?

— Нет.

— Ну... тогда это судьба.

Короче, уже два испытания. Что следующее? Живём дальше.

Вася, наш главный геолог, грустит. Соскучился по дому, по жене и дочке. Ну это же ерунда, если любовь, и понимание, и общий ребёнок.

Трудно быть женой геолога, но... ощущаю их тепло и любовь... Всё у вас, ребята, будет хорошо!

Хотя про себя тихо думаю, что там, где начинается Север, начинается развод.

Как-то жена моего друга, тоже геолог, отчитала меня:

— Вот во всём виноваты ваши бардовские и литературные богемные посиделки! Мужа потом неделю ищу по всему Норильску.

Что я мог объяснить? Ведь пагубную привычку к неумеренному питию приобрёл мой друг не в богемных попойках, а в геологических.

И те, и другие отнюдь не тупы и не бессмысленны. Ни литература, ни геология, ни тем более Север в этом не виноваты...

Сегодня камералю на коленке, вынес точки на карту, чуть глаза не сломал. Как же неудобно в поле в очках. То одни надеваешь, то другие — и всё равно ни черта не видишь! Вова приваривает шарнир к правой дверце вездехода, Петя ему эту дверцу отломил. Опять дождь. Сапоги не заклеишь, протекают.

Позвонил в Норильск. Так-то скучаю, а представил, как они там, — вроде и не надо. Костров, видимо, в ванне лежит, не отвечает, а с Афоновым поговорил.

Юра Афонов — художник. Из министерства культуры РФ пришла ему золотая медаль, единственная на Красноярский край, за особые заслуги в области изобразительного искусства. Медаль в Красноярске, а Юра в Норильске. Мы по месту пребывания этот факт отметили коньяком. Юрин знакомый должен был медаль в Норильск привезти, но не получилось что-то.

Через неделю Юра заказал курьерскую службу, деньги заплатил, звонит: приходи, будем медаль обмывать. Спрашиваю: чем? Отвечает: вискарём. Отмечаем, люди подтягиваются. Ждём курьера. Звонок — курьер опаздывает, будет завтра. Ладно, не вопрос. Собираемся через два дня и видим наконец-то Юрину золотую медаль. В красной сафьяновой коробочке. Диплом. По традиции Юра бросает медальку в стакан с вискарём. Пьём, поздравляем в третий раз!

Ещё через неделю Юра приглашает на торжественное вручение ему его золотой медали на сцене большого зала Городского центра культуры в День работника культуры. Сидим с ним на верхотуре, ждём. Начальница управления культуры, уже норильского, поздравила, условно, триста восемьдесят воспитателей детских садов, учителей музыки и рисования. Каждому вручила диплом в рамке, женщине букет, мужчина и так обойдётся. Наконец вызывают Афонова. Он красивый такой, в творческом шарфике. Начальница ухитрилась сказать так, что шестьсот человек в зале ничего не поняли. Вообще ничего! А Юру ведь заранее попросили отдать медаль для этого торжественного вручения. Для Норильска это важное событие. А чтобы в доставке помочь, об этом и речи не было! Про диплом вообще никто не вспомнил.

Он когда забрался ко мне наверх, я говорю, зная уже ответ:

— Юр, отмечать будем?

— Ну, млин, я им устрою!

И устроил. И правильно сделал. Сколько ж можно заслуженное получать? И гордиться, какая мы «норильская нация».

Работал когда-то в Израиле, интересная страна. Написал повесть, переделывал её четыре раза — не получается, и всё. А сейчас подумал: писать надо не об Израиле, а о человеке в Израиле, страна сама приложится. В любой же стране главное — люди, граждане, население.

Так и здесь: рассказываю о людях на фоне и внутри Севера, а полноценная картинка опять не получается. Значит, мало моих рассказов о людях Севера?

13.08.17. Вода в реке спадает. И это никак не влияет на то, что сегодня мы не переезжаем, опять все решения изменились. Якобы из-за погоды: солнечно, ветер, чуть-чуть дождя из быстрых облаков.

Терпение — высшая добродетель полярника, так сказал Фритъоф Нансен после двух лет зимовки, одну из которых провёл в ледяной норе на острове Ева-Лив на Земле Франца-Иосифа.

Терпение — это подавление желаний. Как ещё можно назвать это состояние, когда лежишь на сырой медвежьей шкуре под низким потолком, тоже из шкуры, только моржовой, и обогреваешься светильником из моржового жира, а за валунной стеной собрался весь холод и кошмар Арктики? Ты не можешь влиять на обстоятельства, ты их терпишь. Можешь принимать решения, но исполнить их не можешь, всё происходит только в твоей голове. А здесь ты уже полный хозяин. И не зависишь от обстоятельств и каких-то там нерешаемых решений.

Значит, ты мечтаешь! Так связаны терпение и мечта.

Чтоб дожидаться мечты, нужно терпение. Вот о чём говорил Нансен.

Вертолёт уже на площади рядом с нами, но нам нужен Ми-8. Мы ждём кривошипы, палатку, пятнадцать блоков сигарет и семь буханок хлеба.

Вова сказал про северное сияние: *сыплется*. Очень точно. Льдина летом состоит из вертикально поставленных, едва скреплённых ледяных иголок. Если её пнуть, льдина рассыплется сверкающим каскадом. Так и северное сияние — сыплется.

А радуги здесь цветные. Это что-то знакомое и привычное, не из этого серого невесёлого мира. На Большом Ляховском радуги были белые, свет не раскладывался по цветам.

Алмаз показал карандашные рисунки. Очень даже. Хатанга — вообще отлично: сараи кривые, дома на сваях, разобранный Ан-2, церковь на берегу. Он и меня рисовал два раза. Похож по фигуре.

Читаю Джека Лондона, «Путешествие на „Снарке“». Особенно хорошо в начале, где про постройку «Снарка» и о море и качествах моряка.

Иногда над нами пролетают самолёты. Что думают пилоты и пассажиры, глядя на унылую и суровую землю под названием Таймыр?

А что же они, действительно, думают? Не дай Бог здесь оказаться. Знаю, потому что самому приходили в голову такие мысли, когда смотрел в иллюминатор. Но и оказаться в самолётах, пролетающих надо мной в небе Нижней Колымы, или Чукотки, или сейчас, тоже никогда не мечтал.

А вот мнение того самого пассажира: «Когда мы пролетали в Хабаровск над Таймыром, я не могла представить, как можно работать в таких тяжёлых условиях. Особенно в горах Бырранга».

Когда лежишь дома на диване, всегда трудно представить обстоятельства минувшего сезона или другого давнишнего поля. Видимо, так человек устроен. Я начинаю понимать, что я здесь не только для картирования отложений и отбора донки,— любовь всегда требует испытаний.

14.08.17. Четвёртый лагерь, река Скалистая. Ещё будет два лагеря. Потом дембель.

Очень лёгкий, юный снежок. Место ещё красивей: скалы, снежники. Ну и бульники.

15.08.17. Прилетал вертолёт! Значит, привёз долгожданные запчасти и всё остальное. Я был в маршруте, только видел его издали. Лихой пилот нырнул под ветер с боевым разворотом. В это время мимо меня пробежали испуганные шумом олени, чуть не снесли.

Ветер с дождём, промок. А сапог уже давно наполнился водой.

Завтра Вова с Петей двигают на реки Ленивую и Наблюдений ремонтироваться и за солярой, дней пять-шесть их не будет.

Холодно и сыро.

Сюжет: «Шкипер Ваня и кладовщица Люся»

Индигирский посёлок Чокурдах. Она, Люся, просила Ваню спасти её от приставаний старого и лысого директора торгового пункта с овощной фамилией Репин. Директор в полной мере пользовался своим положением. А шкипер Ваня ей не помог, он, видимо, побоялся директора или любил другую. И кладовщице Люсе пришлось жить с директором.

...Директор был в шляпе, а мальчик, сын кладовщицы, шёл между ними, они держали его за руки. Это было утром, часов в восемь, они вели мальчика в школу. Навстречу — шкипер Ваня, приплыл через год, в навигацию. Она на него даже не посмотрела. А он глупо сказал: — Здравствуйте...

В Чокурдахе тоже было тогда холодно и сыро...

16.08.17. Отличная погода. В маршрут в свитере и двух куртках!

Оторвалось солнце! Как шарик,
Догоняет меня и летит.
Луч последний над тундрой шарит
И себя обгонять не велит...

Солнце такое доступное и понятное и идёт с такой же скоростью, что и я. А я шёл и думал, что это моё последнее поле. А написалось про какой-то дурацкий шарик.

И** тогда столько мне шариков подарила на день рождения! А я взял и отпустил их. До сих пор где-то над Норильском, может быть, летают. Не хочется же думать, что они упали куда-нибудь в вонючую

речку Щучку и их замыло хвостами обогатительной фабрики. Жалко мне те шарики и того, кто их подарил.

Нашёл ещё один морской уровень со створкой моллюска. Среди бурой тундры из пяти холмов-останцов выбрал один, и именно в нём морские пески оказались, разноцветные и радужные, как напоминание о солнце и пальмах.

Песец встретился — иду, не вижу его против солнца, чуть не наступил, а он не уходит, смотрит, потом позировал, даже лениво потянулся. — Пока, дружок!

Не могу же я с тобой тут прохлаждаться, весь маршрут впереди.

Полежал на двенадцатиметровой террасе, подумал, как это всё из космоса выглядит. Видимо, никак.

Времени здесь, как и в космосе, нет, пути маршрутные меряются не временем, а шагами, пространством. И даже если ты победишь, время не пойдёт ни быстрее, ни медленнее, просто устанешь мерить землю и остановишься. Только в этот момент поймёшь, что прошёл уже большую часть своей жизни.

Вот для этого и нужно иногда полежать на террасе и попробовать представить...

18.08.17. Тёплые дожди зарядили. Хорошо, что успели с этого лагеря сделать, что в пешей доступности. Скоро и вездеход придёт.

Опять поговорили о белых медведях. Петя инструкции оставил, как заряжать ружьё и стрелять, а ружьё завьшает на полтора метра — кривое, что ли? Они, медведи, могут прийти сюда в сентябре. Не прийти, а вернуться! Есть фальшфейеры и шумовые гранаты. А настоящего оружия нет. Всё это до первого случая, а случаи для кого-то бывали, естественно. Не хочется быть этим самым «первым случаем». Чем ближе к побережью Карского моря, тем больше вероятность встречи.

20.08.17. Наши вернулись позавчера. Вчера ездили за грузом на реки Наблюдений и Ленивую, на устье Скалистой, Вася с ними. Остальные были в лагере, смотрели кино. Печка не работала, никто причину выяснять не стал: инициатива наказуема. Замёрзли.

Проходил волк. Сфотографировали, здоровенный, рассматривал нас сверху, с террасы. Собираемся в маршрут, хотя уже четырнадцать часов и, видимо, не пойдём, но поговорить-то надо.

«Михаил Сомов» вышел из Архангельска несколько дней назад, и от этого сразу прощальное настроение, ничегонеделание, хотя до нас он будет идти, думаю, около месяца. У него сложный маршрут с разгрузками на полярных и радионавигационных станциях, погранзаствах, военных объектах.

Вчера Толя намыл золото; думаю, получилась весовая проба с четырёх лотков, но взвешивать не стали, видно и на глаз, да и весов у нас нет.

Вспоминается остров Большой Ляховский... Полярники собирали сверкающие чешуйки мусковита в спичечные коробки и подходили, отзывая в сторонку: посмотри, это золото? Как пишут в романах, глаза их были полны надежды.

А настоящего золота на острове нет, только «золото дураков»...

21.08.17. Маршрутная погода, солнце. Вечером стало известно: нас снимают двадцать седьмого августа или двадцать первого сентября. Такой разброс, но до конца сентября сидеть тут никто не хочет. Вася даже сказал:

— Да что я, два с половиной месяца, что ли, сидеть здесь буду?!

Эх, а если страна потребует восемь месяцев, и не сидеть, а работать? Зачем тогда такую профессию выбрал?

«Сомов» на подходе. Мы будем звонить прямо на пароход. Я говорю «пароход», потому что на Севере так принято называть корабли.

Если встать лагерем на побережье, есть опасность встречи с белым медведем. Тут же куча историй при обсуждении. А Тикси и Якутск — это уже потом, после побережья. Вообще-то так всё и задумывалось.

Честно? Я рад. Хочется увидеть материковское «индейское лето», по-русски — «бабье».

24.08.17. Вчера выпал снег. В маршруте сплошные снежные заряды, штук двадцать один за другим, между ними — солнце. Выходил с верховьев Скалистой через озёра, их там целый десяток. Кругом вода, и ничего не видно. Спасибо навигатору, вывел из лабиринта. Озёра мелкие, по колено, но по воде идти не стал, дно вроде твёрдое, а постоишь — и засасывает, как на осушке. Мелкая волна, озеро метров сто в поперечнике, в глазах рябит.

«Сомов» хотел забрать нас двадцать седьмого — двадцать восьмого августа, но сегодня перенесли на первое-второе сентября, и у нас есть опять три-четыре дня на работу.

Шлихи и донки берём с вездехода, не хочется бродить в одиночку сквозь снежные заряды по залитой водой тундре, да и гораздо быстрее с него.

Сегодня на хозяйстве, сушил пробы в лагере. Позвонил маме.

На ребят чуть не обрушился ледяной мост в ущелье, где они чай пили. Только ушли, и сразу грохнуло.

Хорошо бы сидеть сейчас в тёплом доме и ни о чём таком не думать. И чтоб кошка грелась у печки или ходила и ловила мышей. И собака была, и дружила бы с кошкой. И может, ещё кто-то был бы. Например, пингвин. И мы все четверо дружили. И чтоб было тихо-тихо, и ходики стучали, такие, с гирькой... как в песне.

Западный Таймыр нас всё-таки приласкал, надо что-нибудь написать про Север. Например, про Боруогу...

Сгонный ветер угоняет море в пролив Санникова. Течёт бесконечной ширины река. И ты уходишь по этой бегущей воде на три километра в море, сзади сапог — буруны. Идти тяжело, ты вязнешь в этом сером, чёрном и жёлтом алеврите, тебя засасывает, что-то или кто-то пытается стянуть с тебя сапоги. Ты знаешь: это — Боруога, чудовище с языческим именем. Солнце закрывают летящие над Боруогой облака, видны их плотные холодные струи, и больше ничего. Ты сбиваешься с направления, видишь, оглядываясь, обнажившийся серп своих следов — тебя уводит в сторону. Достать компас. Пока ты боролся с «чудовищем», у компаса слетела стрелка... Открутить крышку со стеклом ты боишься — у тебя от холода не гнутся пальцы. А если ты уронишь стрелку в жижу под ногами, то будешь потом идти не зная куда по липкому морскому дну! А если переменится ветер и погонит море Лаптевых в обратную сторону? Для Арктики это обычное дело: пять минут штиля — и ветровой парус начинает тащить воду к далёкому невидимому берегу. Ты представляешь этот неглубокий ещё поток и понимаешь, куда надо идти, но это три километра! И, похоже, ты не успеешь...

Поставили в кухню печку, до ужина сидели, байки травили, чай пили — хорошо!

Быстрее бы на пароход. Капитана на нём, говорят, заменили, до этого был настоящий пират, тащил с брошенных полярных станций всё подряд, вплоть до цветных металлов. Можно поверить, зная, каким был Север в те годы. Был бы пьяница — для северов не страшно, а вот если и самодур в придачу, вот это — сливай воду, не то замёрзнет!

У нас такой на холодильнике был, когда мы с Колымы на Лену рыбу везли, а буфетчицей была его жена — экипаж был неполный, все сбежали с этого Корабля Дураков.

Слышал байку, что на полярной станции «Мыс Шалаурова» был в начале восьмидесятых случай. Работал там начальником такой алкаш и самодур. Полярники устроили революцию и выгнали его со станции, а на берегу перед баркасом проверили, что он собрал в свой чемодан. Там оказались редкие книги из библиотеки, собранной Главным управлением Северного морского пути с 1934 года, и памятная табличка, которую привезла на остров вдова Эдуарда Толля в начале двадцатого века. Хорошо, не грохнули его там же, на пляже.

Река серебряная стала: и вода, и берега. Что же тут зимой творится?!

26.08.17. Молодёжь всю ночь барагозила, сломали только что доставленную вертолётном палатку системы Фуллера, которую мы втроём, матерясь, собирали на ледяном ветру и дожде. Много было шуток по поводу сложности сборки этой палатки, бедный Фуллер в гробу перевернулся десять раз. Хорошая, кстати, палатка, надёжная, каплевидная. А Петя скинул остатки палатки с вездехода, куда мы их с Толей закинули (всё пригодится в Арктике!), и даже выругался матом. Чем она его достала?

Петя наш — зануда. Говорит, электронная печка «Планар» очень хорошая. А на ней сапоги впятером не просушить. Я, например, ни разу не смог этого сделать.

Все ходят в дырявых сапогах, а я и сам Петя — в двух левых. Зато печенья и всяких сладостей было ящиков тридцать или больше из ста десяти мест, прибывших из Питера.

Ну ладно, план мы сделали: двести шлихов, четыреста донок и четыреста с лишним километров маршрутов. У одного Анатолия сто пятьдесят километров рабочего и сто пятьдесят холостого хода! У меня рабочего чуть больше сорока.

Сегодня переезжаем на предпоследний лагерь, ближе к побережью на тридцать километров. Там останется лабаз для следующего года, а мы тридцатого августа двинем на последний лагерь, где оставим вездеход и откуда нас заберут вертолётom с «Сомова».

Гуси собираются лететь. Уже тучи их по несколько сотен, как на Крестовом мысу на Колыме, как на всём побережье Ледовитого океана.

Вчера намыли большую пластину золота. Толя и сейчас на реке, моет.

На маршрутных рюкзаках у нас есть маленькие красные свистки в виде пряжки. Наверное, пугать кого-нибудь или звать. Тут хоть обсвистись... Петя потом объяснил: пугать белых медведей.

Вернулись наши с нового лагеря: до него двадцать девять километров, а от него до точки съятия на побережье — пятьдесят.

27.08.17. Предыдущая съёмка таймырских листов проводилась на Хутудинской площади — это на запад от нашего листа. И я только сейчас сообразил, что поиски экспедиции Русанова велись именно на ней, в районе полуостровов Михайлова и Минина, в так называемых шхерах Минина, изобилующих мелкими островами и проливами-фьордами, где между островами Песцовым и Утиным на небольшой глубине экспедицией Орловской гостелерадиокомпании были подняты шестьдесят пять предметов, относящихся к шхуне «Геркулес»: свеча зажигания, клапан двигателя и так далее.

Видимо, здесь шхуна была раздавлена льдами и затонула.

А куда же делись люди? Они не могли пропасть бесследно.

Там же у подножия горы Минина были обнаружены человеческие останки: череп, несколько костей рук и ног, — и очень старая консервная банка. Сотрудники Российского центра судмедэкспертизы сошлись на том, что это останки капитана «Геркулеса» Александра Кучина. Севернее на небольшом острове нашли останки ещё двух человек из команды Владимира Русанова, матросов Попова и Чухчина...

Погибли они, видимо, весной или летом 1913 года, после зимовки, запас продуктов был рассчитан на один год, но причиной смерти эксперты считают заболевание, известное в Арктике как цинга. В отсутствие свежих продуктов и постоянной усталости начинают шататься и выпадать зубы, воспаление проникает дальше, в мозг...

Сейчас события, которым более ста лет, находятся от нас в пятидесяти километрах. И Толя вспомнил тот сезон, сказал, что это они с товарищем нашли кости и череп...

И о том, почему русановцы разъединились, почему двое с острова не захотели или не смогли идти с капитаном, скорее всего, мы никогда не узнаем, но я понял, почему капитан Кучин шёл в двух километрах от берега — чтобы не переплывать реки, а в низовьях они глубокие и широкие.

Арктика лишь немного приподняла занавес тайны, но эти находки очень значимы для всех, кто занимается историей географических открытий в Арктике или работает здесь, да и для каждого просвещённого человека. Не говорю уже о потомках самих первопроходцев.

Но сколько же было их, добровольных и наивных смертников, пришедших в Арктику, знают только размытые Ледовитым океаном острова и растаявший полярный лёд...

В этом и есть их подвиг и покорение, в конце концов, себя и собственных страхов.

А вчера к нам на лагерь приходила рососомаха, необычно крупная, только кажущаяся неуклюжей, вела себя совершенно непринуждённо, галсами к нам подбиралась.

Вездеходе что-то стучит под клапанной крышкой. Вова нервничает. Сегодня все поехали затыкать очередную «дырку» на карте. Я не поехал, по четвертичке там ничего нет. В лагере один. С удовольствием дочитал С. Моэма «Скелет в шкафу». Как приятно читать книги в поле, особенно в непогоду — дождь или снег!

Сейчас в палатке холодно. Печка гудит, а ноги отмерзают. Карту четвертичных отложений буду рисовать на пароходе.

Вова говорит: если что случится, отремонтировать мэтр не будет, а уйдёт пешком. Тогда и мы с ним. Ну да, семьдесят километров успеем пройти до первого сентября.

31.08.17. Мы на побережье Карского моря, километрах в двух от берега, в устье реки Гусиной.

Четыре дня было тихо, и вдруг резко подул ветер.

Последний маршрут был двадцать девятого августа. Все встретили следы Белого. Свежие. Видимо, ночью проходил, но к нам почему-то не зашёл. Алмаз видел что-то белое в тундре, и оно двигалось. Убежал. Я тоже начеку. Только непонятно, что делать при встрече. До моря с реки Светлой пятьдесят километров, а они бродят, они дома.

Скалы здесь невысокие, берег низкий, лагунного типа. Лежит лёд на морском берегу. В бинокль видно зимовье.

Позади нас в глубине острова горка с отметкой 216, к её подножию в июле 2002 года упал горящий вертолёт Ми-6, погибли геологи ВСЕГЕИ, летевшие из Норильска на работу на Северную Землю.

Вода в реке солёная, а когда ветер восточный — пресная. Гонит речную воду, она же легче морской. У моряков есть такое понятие «мёртвая вода», встречается это явление в устьях больших рек, древние первопроходцы-мореходы отмечали его в своих отчётах: парусный корабль стоит на месте, держит его тяжёлая солёная вода. По-моему, в «Одиссее» у Гомера это тоже описано.

В сеть попали: голец, пескарь, рогатки, неприятные, уродливые из-за мягких шипов на голове рыбы, и мальма почти на килограмм, с икрой.

Приплывал морской заяц — лахтак. У животного морда как у зайца, светло-серого цвета. Наблюдал за нами, потом нырнул, сделал дырку в сети, видимо, выедал попавшуюся рыбу.

Гусей уже тысячи. Галдят, как будто пережат шумит. Вдруг все срываются и куда-то летят, тренируются перед перелётом. Низко надо мной и серые тяжёлые гуси-гуменники прошли, и белозобые казарки, видно каждое пёрышко.

Петя объявил трёхчасовые дежурства от Белого. Ночью. Мы шутим: без пропуска в лагерь его не пускать. Везде лежат шумовые гранаты.

«Сомов» придёт первого сентября на полярную станцию «Мыс Стерлегова» разгрузиться, а потом пойдёт за нами.

Вероятность, что медведь придёт к нам в течение этих полутора суток, очень мала.

Поле заканчивается. Я вернулся почти на тридцать лет назад.

01.09.17. Завтра утром ждём вертолёт.

Сварили трёх гусей, Вова ночью добыл, не побоялся медведей и запретов. А теперь недоволен, что поперчили... У него язва, а никто не знал. Он мне и макароны простить не может, муку твёрдых сортов.

Холодно. Солярка и бензин на исходе. Толя с Васей на разрезе. Остальные слоняются возле кухни. Посмотрели кино. Собираюсь.

02.09.17. «Михаил Сомов» пришёл утром, вернее, мы его увидели утром, когда поднялся туман, километрах в трёх-четырёх от берега. Потом с другой стороны пролетел вертолёт. Мы решили, что это с «Сомова» ребята решили поохотиться или порыбачить. И ждали мы ещё часов пять или шесть. Сняли палатку и кухню, полностью приготовились. «Сомов» опять скрылся в тумане, но у нас видимость была хорошая. Вова заворчал, почему не забирают, наехал на Петю. Тот позвонил на пароход. Оттуда ответили:

— У нас даже бака не видно! Как туман поднимется, прилетим!

Мы тему сразу поддержали:

— Сейчас придём, покажем, где у вас бак!

Вова говорит:

— Я про них в интернете напишу, они нас на деньги разводят, тридцать пять тысяч рублей за час простоя не по нашей вине, из-за непогоды, а они рыбу улетели ловить.

Это Вовин характер, нервы-то у всех на пределе. А вертолёт оказался чужой, с Диксона, вероятно.

На пароход мы попали часов в восемнадцать. «Вертушка» привезла на берег на подвеске за четыре рейса тринадцать бочек соляры и бензина, гусеницы, звёздочки для мэтла на будущий год. Очень чётко и дружно. Загрузились мы и полетели. Сели на кормовую площадку среди растяжек и надстроек.

Неужели всё, сезон кончился?

Поселили нас по двое в каюты, меня с Толей, как всегда. И тут же в баню — попали на банный день. Вот это счастье! Толя сразу побрился, но без зеркала, пучки-кустики по всей голове.

Поужинали и как раз пришли на мыс Стерлегова. Маяк, ветер, снег на берегу, в дымке тумана неясные строения. Это устье нашей реки Ленивой.

Ещё будут заходы на остров Русский, мыс Челюскина. В Тикси будем двенадцатого сентября.

Как я устал! Но... полон сил и счастлив, что мы сделали то, что должны были сделать. Теперь могу сказать: я работал на Западном Таймыре.

Ещё зайдём на остров Святого Андрея, это где-то в Хатангском заливе. Уф, теперь впереди Тикси, последний раз был там тридцать один год назад.

03.09.17. Легендарный «Михаил Сомов»! На красной металлической палубе свежо. В зимней куртке нормально. Капитан просил ночью на палубу не выходить: если смочет, спасать некому. Знаем мы это всё. Но мы на палубе. Наш сезон закончился, и мы теперь можем делать почти всё, что захотим.

Едет на Челюскин начальник полярной станции Николаич. Я понял: здесь, на Севморпути, седина и возраст уважаются. И в глазах у молодёжи есть что-то, когда они на нас смотрят. Надеюсь, это не жалость. Но и не зависть, конечно. Как здорово, что я ввязался в эту поездку. Спасибо Юрке Кострову, это он за меня словечко во ВСЕГЕИ замолвил.

Вертолётчики тут асы. Летают, как осы. Садятся на такой пяточок, когда судно движется. А ещё ведь и ветер боковой! Стоит-висит вертолёт над палубой как влитой.

Читаю Салтыкова-Щедрина, «Дневник провинциала в Петербурге». Дорвался, как будто книг никогда не видал. Увлекательно, как машина времени. Вывод такой: Россия, твои народы никогда не дождутся перемен. Да они и не ждут, им и так хорошо. Видно на нашем примере.

Как положено на всех морских судах: учения по спасению экипажа и пассажиров в вельботе. Все в нагрудниках, народу в закрытый, как подводная лодка, вельбот влезло человек сорок. Внутри холодно.

Похоже на пластмассовую братскую могилу. Завели дизелёк, и учения кончились. Потом экипаж отработывал «тушение пожара».

Вова, конечно, нашёл водку. Семьсот рублей — по-божески. А на пароходе сухой закон. Но повышенный расход сахара. На камбузе следят, чтоб сахар со столов не собирали, — ставят бражку. От вертолётных техников пахнет сивухой.

Кормёжка на убой, четыре раза. За десять дней наберу опять вес, ешь и лежишь. А надо карту рисовать.

Вова подарил капитану хрупкий обломок бивняка, боялся, что не вывезет его из Якутии. Всегда это было строго.

04.09.17. Остров Русский в длину километров тридцать, неширокий припай, снег и торосы у берега. Брошенная полярная станция. Петя, Вова и Вася полетели туда с ружьём — так капитан приказал — и лотком. Ещё капитан добавил, что надо внимательно следить за прибрежными торосами, медведи могут прятаться в них, а могут и поднырнуть под лёд, чтобы напасть на стоящих на пляже.

Холодно и мрачно. Нет, сурово.

В штурманской кают-компании мини-музей с черепами мамонта и ископаемого лося. Фото полярного исследователя М. М. Сомова, рында, фото полярных станций и «Сомова» во льдах.

Ночью в курилке начальник станции «Мыс Челюскин» (УГМС, Управление гидрометеослужбы):

— Жена, провожая на вокзале, каждый раз плачет. . . но уже привыкла.

А зарплата у Николаича — семьдесят две тысячи в месяц. И жена его ждёт. Вот один из символов Арктики — женщина, ждущая полярника.

Я знаю, что памятники ждущим морячкам стоят на всех побережьях материков. Это памятники грусти и тоски. Но так уж всё устроено, что всё новые и новые поколения полярников и моряков выходят из тёплых домов и далёких гаваней навстречу полярной ночи.

Когда-то давно на Чукотке написал песню. . .

Мореходам и первопроходцам

Давным-давно открыты полюса,
Покорены пешком и так, и сяк.
На полюсах звучали чьи-то голоса,
Полозьев визг и ездовых собак.
И кто-то видел эту красоту,
И кто дошёл — никто не умолчал,
А кто замёрз на движущемся льду —
Той красоты частицей вечной стал.
Такие здесь творятся чудеса:
Земля не твердь — замёрзшая вода.
И кто-то зря глядел во все глаза —
Во льдах растаяли бесследно острова.

Но если б только в поисках земли
Сюда людей тянуло, словно птиц,
Они бы вряд ли что-нибудь нашли,
И мир не знал бы собственных границ.
Никто живъём не видел кораблей,
Чьи мачты нынче пилят на дрова.
Погасший свет от тех огней
На горизонте ярче, и сильней
Опять маячат чьи-то паруса.
Тех моряков безвестные сыны
Глотали пар в разводьях, как вино!
И неизвестно, этим ли пьяны,
Они держались поперёк волны,
Лёд расступался, пропуская их на дно.
И до сих пор не ведаёт никто,
Где санные пути оборвались, —
Однообразна смерть от холода, зато
Как птица на лету — и камнем вниз.
А кто-то всё же выдержал полёт,
Душой своей и путь не покривил,
Пусть полз и вмёрз в полярный лёд,
Кто не дошёл, и кто ещё дойдёт —
Свой полюс недоступности открыл!

Станция «Остров Русский» заброшена, теперь там автоматическая метеостанция. Медведи перегрызли кабель, вот «Сомов» и пришёл ремонтировать. Крыши в строениях провалены. Всё истоптано и загажено медведями. Одного видели с вертолёт, он только голову поднял, ослабел, наверное. Трактор в гараже, на берегу трактор с волокушей, полной какими-то электронными блоками. В кают-компаниях медвежий сортир.

Вы что, мишки, теперь книжками питаетесь?

На острове есть олени, но их медведю не поймать.

Всё замерло и замёрзло на острове Русский.

А у Вовы остался на память с этого острова череп старого медведя. Страшных клыков и зубов уже нет, съедены им же самим. Этот медведь, может быть, Ивана Папанина видел.

В крошечном населённом пункте Борок, что в Ярославской губернии, — пять музеев. Один — Ивана Дмитриевича Папанина. После всех своих арктических подвигов, в том числе и как начальника ГУСМП, Папанин руководил филиалом Института биологии внутренних вод в Борке в течение двадцати лет. Там ещё живы люди, которые помнят его.

В музее хранятся стенгазеты с первой довоенной льдины СП-1. Радиостанция. Унты Папанина, шапка с длинными ушами. Китель с правительственными наградами. Полярная одежда хранится под стеклом, в плоском настенном ящике.

Музей совсем маленький, в бревенчатой избе посреди Борка. Папанин был маленького роста и попросил укоротить ножки у железной кровати, чтобы он мог доставать ногами до тапочек. На кителе только колодки. Парадный китель с орденами украли из-под стекла посетители, пока смотрительница горячо живописала экскурсантам образ Ивана Дмитриевича. Потом уже хватилась... а кителя нет, достала из шкапчика другой, рабочий, с колодками.

А я смотрел тогда на эту счастливую женщину и тихо радовался за Ивана Дмитриевича.

05.09.17. Мыс Челюскин. Снег. Уже полдня выгружаются бочки, штук двести, наверное. Туман, берег то появится, то скроется. Строений много, большинство с выбитыми окнами. Большой посёлок: маяк, крест. Но не хочется туда. Хотя представляю, как люди с работы возвращаются в уютное тепло. Пусть это тепло и находится в прямом смысле на краю света.

Мыс Челюскин — самая северная точка Евро-Азиатского материка. «Здесь уже не Таймыр, здесь уже полуостров Челюскин», — слова из песни Кострова. Не так уж много людей на свете видели этот мыс.

С острова Святого Андрея сняли бригаду гидрографов. Один, Сергей Ревтов, — мой земляк из Черского. Знает нашу Колымскую гидробазу имени Седова, знает Даниловцева, Молчанова. Гидрографы приводят в порядок радиомаяки.

Даже интернет у них есть. Заказывают, например, по интернету пять мешков муки. Ледокол приходит, останавливается, и к нему бегут люди с саночками за своей мукой. Представляете, как удобно жить в Арктике в двадцать первом веке! Зарплата — сорок две тысячи. В УГМС лучше живут, богаче (смайлик).

На Севморпути детишки из посёлков купаются в судовом бассейне, пока ледокол стоит. Пограничники тут тоже есть, морские. Они гордятся, что не сухопутные. Не прапорá, а мичманá. Раньше им сухим пайком довольствие выдавали, жили не очень. А теперь хлебопечки себе выписали и муку вот через интернет получают.

Вертолётчиков на «Сомове» один экипаж — три человека. И техников трое, совсем молоденькие, безусые. Все из Архангельского управления, да и сам «Сомов» приписан к Архангельску.

Начальник экспедиции, а «Сомов» и есть экспедиционное судно, — женщина, Наталья, весёлая, но палец в рот не клади. Мне показалось, что даже боцман её побаивается. Тут попробуем представить другой памятник: муж, ждущий возвращения начальника такой серьёзной экспедиции из Арктики.

Да, «Сомов» — последнее экспедиционное судно... из тринадцати судов, заложенных более пятидесяти лет назад. Это всё волшебное слово «перестройка» с английским акцентом, это она слизнула с трассы Северного морского пути двенадцать первоклассных ледокольных судов.

06.09.17. Остров Святого Андрея. Гидрографическая станция. Размеры острова — три на полтора километра. Вертолёт отвёз туда смену зимовщиков. Там живут ещё три белых медведя и медвежата. На станцию едет новый механик из Питера. Первый раз на судне и на Севере. Моржевал в Питере. Мечтает, как он будет с припаяв в море Лаптевых прыгать! Мне его жалко стало, и не только по поводу моржевания.

Предстоит тебе узнать об Арктике ещё очень многое...

Например, от медведя перцовый баллончик не очень помогает. Лучше на себя побрызгать, чтоб ты сам повкусней был. Медведь лапами нос трёт, ничего не понимает, уходит отдышаться, потом опять приходит. Полярники быстренько что надо сделают — и домой, они нечасто из дома выходят. Так что не до моржевания.

Сергей Ревтов решил как-то медвежонка сгущёнкой угостить. Сам на стуле стоит, через форточку банку ему кинул. Медведица дождалась, пока малой поел, потом как даст Сергею по голове прямо через форточку (а вокруг окна доски прибиты с гвоздями на двести миллиметров остриями наружу), а Сергей случайно оступился и упал со стула, и она промахнулась.

Ревтов:

— Поправки вводим в спутниковую систему ГЛОНАСС (Россия), а работаем в GPS (США). Проклятые америкосы, со всех сторон обложили.

В скобках: по некоторым сведениям, ГЛОНАСС работает хуже, чем GPS.

С Ревтовым многих вспомнили, и живых, и неживых... Дал почитать ему колымские рассказы, они же о Черском.

07.09.17. Устье Хатангского залива. Мы почти замкнули круг.

У Вани день рождения. Жена ещё в Питере дала Пете коробку-сюрприз для Вани. Никто, кроме Пети, не знал, что в ней. Петя написал на коробке: «Гайки». Вот психолог! Мы её видели, переключивали, чуть не ногами пинали, тяжёленькую такую. Никто не догадался в коробку заглянуть. На хрен нам ещё гайки в тундре нужны? Поздравили Ваню, чуть-чуть отпили этих «гаек» и просто обхохотались.

В заливе «Сомова» ожидало научно-исследовательское судно Института океанологии «Виктор Буйницкий». Сильно качало, швартоваться они не стали.

Крепкий ветер, солнце. Отвесный берег, брошенный посёлок, в бинокль видно распахнутые ворота гаражей. Пусто... Нерадостная, но типичная картина для сегодняшней Арктики.

Вечером опять подошёл «Буйницкий», ошвартовался. «Буйницкий» существенно меньше «Сомова», раскачало его, запрыгал на швартовых под три метра, погнул крепление ходового огня, откидной фальшборт на «Сомове» лязгал, как танковая гусеница. Отвязались. Хотел соляры взять, видимо, воды, продуктов. Наш «Сомов» всем

помогает, всех выручает, всех снабжает... Но говорят, что это его последний рейс. «На иголки» старикана сдают, последнее из тринадцати экспедиционное судно когда-то большого полярного флота. Фильм «Ледокол» стоит примерно столько же, сколько капитальный ремонт «Сомова».

За месяц до нас в Хатангском заливе был ещё один пароход, отрабатывали технологию транспортировки айсбергов. На нём были ребята из Института географии, в том числе Андрей Глазовский, мой хороший товарищ и одногруппник.

А сейчас нет в море Лаптевых ни льдов, ни судов.

08.09.17. Спали весь день. Ночью — экскурсия в машинное отделение «Михаила Сомова». У него восемь дизелей, не считая вспомогательных. Работают они не все сразу, а в определённой конфигурации, зависящей от условий плавания. Дизели крутят генератор, а электромоторы — гребной вал. Поэтому «Сомов» называется дизель-электроходом.

Достаточно трёх сотен оборотов гребного вала в минуту, чтобы судно шло со скоростью восемнадцать узлов. Для перевода в привычный для нас сухопутный размер узлы нужно умножить на длину морской мили — 1,852 км. Получим тридцать три километра в час. Чем мощнее ледяные поля, тем больше нужно энергии, чтобы пробить их, тем больше дизелей участвует в «накачке» генераторов. Судно разгоняется, наезжает на лёд, наваливается корпусом и проламывает его. Не получилось с первого раза — отходит назад, и так по много раз. Это и есть «ледокольный принцип» движения во льдах.

09.09.17. Сегодня Тикси. Надеялся, что мы найдём ещё на Новосибирские острова, на Средний, Котельный, где сейчас военно-морская база Северного флота, надеялся увидеть свой любимый остров Большой Ляховский, где проработал три сезона, но... у Николая с острова Святого Андрея плохо с сердцем после разгрузки бочек, инфаркт... и «Сомов» на всех парах летит в Тикси. Это странно, но у фельдшера на «Сомове» нет никаких самых расхожих лекарств, которые могут понадобиться в Арктике, — например, сердечных и реанимационных. И значит, скорей всего, больше никогда не увижу заснеженные берега Большого Ляховского...

Полчаса летим до Тиксинской полярной станции, «Сомов» далеко внизу, он кажется благородным господином с прямой спиной и седыми усами... Прощай, «Михаил Михайлович», и спасибо!

И вот уже посыпанные шлаком улицы посёлка. Тикси-раз — это морской порт. Тикси-три — это аэропорт. Тикси-два — это кладбище.

Обошли развалины Тикси-три. Много вспомнилось. Удивительно, что я был здесь больше тридцати лет назад. Тогда был расцвет полярной геологии, сколько же контор здесь работало или залетало отсюда на свои площади.

В 1986 году выиграл в преферанс вертолётный рейс у начальника партии 14 предприятия ГУГК, так добирался наш отряд до озера Корякина, всего в шестидесяти километрах от Тикси.

Деревянного геологического Тикси теперь уже не существует... Армейские казармы стоят с выбитыми окнами, в заброшенных детских садах валяются сломанные кровати и облупленные ночные горшки, раскиданы осиротевшие плюшевые мишки, обезьянки и жирафы...

Здесь, на этом повороте, чуть не умерла Светка, мы с Зойкой её откачали. На этой бетонке лежали расстрелянные Мишкой Фирсовым собаки, а здесь когда-то стоял баркас с надписью «Шквал», и ветер шевелил раздробленные лопасти вертолёта... Это всё из моих рассказов, и теперь кажется, что так оно и было на самом деле.

Тикси летом был геологическим Вавилоном. Сколько было знакомств, сколько выпито, несмотря на сухой закон, сколько переговорено и спето! Помню, последние три рубля начальник отряда Витя Ерофеев пробил дыроколом и подшил к документам, и нас уже пригласили на склад компоновать груз на первый рейс, когда пришло сообщение, что на северном берегу Большого Ляховского произошло убийство и туда срочно должен вылететь прокурор. Охотника-промысловика завезли на остров и забыли почти на два года, оказался он неустойчивым в плане спиртного, перевёл весь сахар на самогон, и когда прилетели геологи на весновку, к нему пришла «белочка» (ласковое название белой горячки), и он застрелил геологического повара.

Вот вам ещё одна полярная история: слабакам здесь не место.

11.09.17. Тикси. Солнце. Камералка.

Поехали втроём с Толей и Алмазом в Тикси-раз, в частный музей к Александру Юрьевичу Гукову. Понятно, полно мамонтовой фауны, чучела животных и птиц, предметы быта, национальная одежда. Много из истории освоения. Он здесь монополист, смотрит на нас как на туристов. Рассказывал долго, обстоятельно. А мы торопились на рейс Тикси — Якутск. Купил у Гукова две его книги — «Таинственная Якутия» и «Чёрная Арктика». Вторая — о погибших в плаваниях, в полётах, на зимниках... И много по глупости — вот это особенно обидно читать.

В Норильске, например, человек в пургу хотел пересесть из одной машины в другую, так нашли его через двое суток замёрзшим.

По глупости, — это когда расслабился, выпил лишнего или возомнил себя познавшим Арктику.

Вот если бы нас на Гусиной медведи схарчили, это было бы как — по глупости или по трагической случайности? Или по начальственному равнодушию?

Аэропорт в Тикси не изменился.

В Якутск из Тикси летают настолько старые самолёты, что билеты заранее на них не продают. Кто сел в самолёт, тот сел, как в трамвае.

Лётчик перед взлётом: «Передавайте за проезд!»
Это тиксинский анекдот, не пугайтесь.

12.09.17. Якутск. Ночь. Я в гостях у Лёхи Ефимова. Рейс на Москву днём. С Алексеем Петровичем не виделись двадцать пять лет. В восьмидесятых работали на геологической съёмке на шельфе в Колымском заливе. Государство не дало нам возможности закончить её, сделали только треть. И само государство развалилось...

Но мы, старые геологи, продолжаем встречаться, как бы далеко друг от друга ни жили, продолжаем перезваниваться, вспоминать и думать о будущем, своём и геологии.

Мы с Ефимовым не спали, пили водку и разговаривали до утра. Всё-таки геологическое братство существует до тех пор, пока живы мы, хватанувшие в семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века полярной романтики.

Не надо бояться белых медведей. Ведь...

Всё достанется белым медведям,
Занесёт, заметёт, запуржит.
Кто уляжется в лёд, кто уедет,
Только мы здесь останемся жить!
Мы под ветром ещё не уснули,
Наш ещё не развеяло прах,
Затерялись последние пули
На придавленных стужей полях.
Навсегда эти снежные тучи,
Мы под снегом отыщем корма.
Может, где-то живётся получше?
Может, где-то еда задарма?
Что ж, надейся и верь, если в буре
Нас, живых, не убила зима,
Натянула промёрзшие шкуры
Нам на плечи полярная тьма.
Синевы поседели заплаты,
В полыньях волчьи звёзды горят.
Что твои нам, судьба, перекаты,
Если скоро последний закат?
Наконец мы несчастья забудем
И отправимся в дальний полёт,
И шаманское солнце, как бубен,
Над пустынной тундрой взойдёт.
Навсегда мы невзгоды забудем...
Через тысячу лет рассветёт!
Перекатится солнце, как бубен,
И над тундрой снова взойдёт...

Эпилог

Не могу удержаться, чтоб не сказать несколько слов о дальнейших судьбах моих друзей, упомянутых в «Дневнике».

Юрий Владимирович Костров очень не хотел уезжать из Норильска, где прожил порядка сорока лет, но всё-таки уехал в Ленинградскую область по программе переселения северян. В его родной Санкт-Петербург не получилось, не хватило выделенной суммы. Юра умер летом 2022 года в посёлке Назия на южном берегу Ладожского озера.

Геннадий Иванович Легезин уехал из Талнаха в Новокузнецкий район Кемеровской области, в деревню Осиновое Плёсо, до этого успел повоевать в Косово и Донбассе. В Плёсе Гена заболел и через восемь месяцев умер, осенью 2018 года.

Юрий Афанов, замечательный художник, профессионал, бывший секретарь Красноярского Союза художников, долго жил в Норильске, после болезни переехал в Санкт-Петербург.

«Михаил Сомов» продолжает свои плавания по Севморпути. В июле 2023 года судно село на мель, но быстро освободилось и благополучно дошло до Архангельска. Пожелаем «Михаилу Сомову» семь футов под килем!

И ещё — геологи ВСЕГЕИ продолжают съёмочные работы на Таймыре...

Таймыр — Беломорск — Апатиты, 2017, 2023

Ольга Немежикова

Снежная весна

Национальный парк «Красноярские Столбы»

Наш постоянный автор Ольга Немежикова много пишет о природе национального парка «Красноярские Столбы». В «Енисее» №1 за 2018 год был опубликован её очерк «Зелёная весна»; в №1 за 2019 год появился очерк «Голая весна»; в №1 за 2021 год — «Предлетье». Нынешняя публикация «Снежная весна» продолжает тему фенологической весны родного края.

Весна приближается незаметно. Снега ещё не начинают таять, наоборот, их становится больше, но морозы в середине марта в заповедной тайге уже не лютые. В третьей декаде месяца сугробы лоснятся — выглажены глазурью наста. К апрелю появляются лунки вокруг стволов деревьев, на солнцепёках могут чернеть проталины. Осина и ива начинают цвести «пуховичками». Дятлы и вороны выясняют отношения с соседями в брачных перепалках. Продолжается гон белки, и там, где эти зверьки водятся, снег ими буквально истоптан! Прилетают первые перелётные птицы: коршуны, зяблики. Начинается сокодвижение у деревьев. Однако окрест снег, снег и снег, потому первый весенний период называется «снежной весной». Официальная фенология отводит ему срок с 15 марта по 10 апреля.

*Долина Лалетиной
Зимнее мелководье
Первая зелень*

19 марта. Как не терпится скорее войти в лес, встретить начало весны! Волнуюсь, когда выхожу из автобуса на остановке «Турбаза», перехожу тракт и спешу к парадной лестнице — торжественному входу в национальный парк. Впору исполнять гимн восторга перед природой!

По правую руку от лестницы «таёжная обочина» — узкая полоса леса между шоссе и мощёной дорогой для туристов. Высокие деревья в этом месте — предвестники грядущих изменений в лесу. Место солнечное, и потому первые признаки весны лучше всего заметны именно здесь.

Лиственница унизана шишковатыми почками. Разломишь, разомнёшь рыхлый завиток, а внутри зелёная завязь и запах... лиственничный, смолистый! С берёз свисают миниатюрные подвески — прошлогодние серёжки, сеют золотистые летучие семена, ими снег вокруг

припорошён. Под берёзами, соснами и лиственницами — кусты караганы: на колючих ветвях посветлели кончики плотно прижатых почек. У бузины, что тянется к лестнице, почки успели приподняться и изменить окраску — теперь они розовато-бежевые.

Солнце словно начищенное! Тепло и звонко вокруг! Среди сверкающих сугробов, подрезанных матовыми тенями, стоят в аккуратных, словно отлитых на заказ, высоких стаканчиках сухие лопухи, полыни, крапивы, стебли малины. Заснеженное русло Лалетиной протыкают впечатляющие дылды растрёпанных соцветий дягиля.

Закинешь голову: под синичкины перезвоны и переливы щелгов в светло-голубое море вливаются белоснежными струями разводья берёзовых стволов, покачивают красноватыми водорослями тонких веток.

Из логов слышна мелодичная песенка: снегири старательно выводят любимые нотки. По-зимнему спят, не спешат просыпаться сосёнки, яблони, боярышник, черёмуха, клёны.

Но под деревянным мостиком уже чернеет земля. Темнеют полыни Лалетиной среди пушистых берегов, звонко журчат вокруг камней, выступающих из воды — время зимнего мелководья.

Большая поляна заткана стеклярусом: снег подтаял на солнце. Среди драгоценного ковра колышутся в тёплых потоках сухие травы, ломаются тени, по краям ёжятся отражения молодых сосёнок.

У барбариса, что устроился у старого бетонного моста через Лалетину, в мутовках длинных иголок приподнялись почки, по цвету неотличимые от веточек.

Однако на припёках понемногу показывается из-под глубокого снега земля, пока у оснований стволов. Лесная тропинка плотно вымощена утоптаным за зиму панцирем. Впереди, в косых лучах низкого солнца, туманится заснеженный хребет — иду навстречу. У кормушки на старой черёмухе оживлённо чирикает местная стайка полевых воробьёв.

Вот спил берёзового бревна, с него падают на тропинку первые капли воды. Нет, это не сокодвижение — дерево мёртвое, это тает его снежный гребень. Неторопливой струйкой, капля по капле, тянется руслице по кавернам бересты к самому краю, обегает его и срывается в снег. Потрогала почерневшую ветку мёртвой берёзы в лохматых ошмётках — нагретая, тёплая, как остывающая печка! Прикоснулась ладонью к живой черёмухе — кора прохладная. Дальше иду.

Над речкой стрекошет пара сорок, что-то обсуждают в непролазных, пока прозрачных насквозь, зарослях ивы. Видно, место для гнезда выбирают. Заросли впрямь непроходимые: сейчас под влажным пластом бежит вода, всюду кочки болотные, скоро подобраться к месту будущего гнезда будет совсем невозможно.

На ниточных веточках таволожника набухают крохотные почки. Иду по лесной тропинке, надеюсь увидеть первую зелень снежной весны. Вот и она: проталина на склоне капельно орошается висящим

над ней снеговым козырьком. Мхи на открывшейся земле, как губки, жадно пьют влагу, шелковисто блестя пока желтоватым «ворсом». А среди мхов, нагретых солнцем, подслеповато шуряются тёмно-зелёные плотные крошечные ростки.

Показались из-под снега пряди перезимовавшей осоки, устилающей склоны: контрастно зеленеют на пригреве среди глубокого снега. Стоит сойти с набитой тропинки, как едва не по колено уходишь в льдистую кашу.

Спокойно течёт среди снежных берегов Лалетина, отдыхает. Вода прозрачная, журчащая, мелкая. Шагнула на каменный островок: берега отражаются великолепными айсбергами, вершинами над тёмной «бездной» воды. Кромка «белой горы» волнуется в струях... С коряг свисают сосульки, сказочные мини-ледопады таинственно мерцают во мшистых гротах среди «вечных» пока снегов у берегов маленького «океана».

Из путешествия в фантазию вновь возвращаюсь на тропинку. На одном из первых пяточков земли настоящая клумба! Среди сухих травинок, камней и мхов поднимаются на стебельках сложенные трилистнички кислицы — самой весенней травки, нежной, жизне-радостной! Рядом показались буроватые «копытца» будры плюще-видной — первая зелень пока ещё зимних склонов. Впрочем, до Змеиного лога проталины встречаются довольно часто, а глубже в лес — нетронутое зимнее царство.

Мелькают по снегу тени пролетающих пичуг. Звучными аккордами оглашает присутствие невидимый ворон. Долго выводит ритмичную арию, и скоро я добралась до его театральной площадки: сидит высоко на суку, от всей души распевает: «Тю-юр-р», — активно топорща грудь, приподнимая плечи. Не просто в своё удовольствие музицирует: неподалёку его подруга угощается в замке-кормушке Ретро-площадки. Всю прогулку отовсюду слышны вороновы трели, кряхтения, иногда ругань. У воронов свадебная пора, вместе с ней и браваурные песни — мелодисты они знатные. А один раз лесную относительную тишину пробила звонкая барабанная дробь весеннего дятла!

Ёлки и пихты понемногу выпрастывают из-под сугробов нижние лапы. На концах осиновых веточек высоко над землёй появились «пуховички» — будущие серёжки. Переводя взгляд к земле, заметила мелькнувшую мышку-малышку: она скатилась бурым шариком в зазор между глиной и отошедшей от неё снежной коркой. Я наклонилась посмотреть, откуда выскочила мышка, и увидела крошечную норку: незаметная точка в почве; если специально не искать, ни за что не увидишь. Весной нарастёт трава и густой чёлкой закроет норку до самой зимы.

Снежная весна степи Чёртова пальца

25 марта. Иду на хребет Чёртов палец. Тропинка через берёзовую рощу пестрит проталинами.

Весенний снег густо присыпан лесным сором: прошлогодними листьями вперемешку с сухой травой; чешуйчатыми и ошкуренными, как бы костяными, веточками сосны, оборванными «хвостиками» с хвоей; сбитыми прутиками лиственницы с крупными почками, в которых заметна зелёная завязь. Всюду посыпь сероватых пластинок сосновой коры. Под соснами настоящие россыпи плотных шишек-конусов — «раскрытых» круглых совсем не видать. На проталинах под мусором оказался перезимовавший мох, обезвоженный, бледный. Прозрачным фарфором белеет раковинка улитки, полая, трогательно-хрупкая. На невысоком, сплошь утыканном колючками шиповнике ветер треплет клочки рыжеватой шерсти. Наступит тепло, и такой ценный для гнёзд материал бесхозным не останется. Вокруг каждого дерева вытаял аккуратный снежный стаканчик.

Город несколько дней продувается тёплым ветром, даже ночью температура выше нуля. Днём заметно теплеет. Ледяные скорлупы утопанной за зиму тропинки тают с краёв — воду жадно вбирает земля. Склон Чёртова пальца до Змеиного Лога недавно освободился от снега и похож на верблюжий бок: его выстилают сухие пучки ковья самого тёплого оттенка.

Вот и первый скальный утёс. Под ним виднеется Чёртов палец, тот самый, что величественно красуется над лесной тропинкой вдоль Лалетиной. Отсюда, сверху, Чёртов палец совсем не кажется грандиозным — вот что значит смена точки наблюдения.

Среди скал всё тот же зимний мусор на желтеющих мхах, кое-где красноватый от мергелистой крошки; всюду вихры прошлогодних трав. Рассыпаны группами бледно-зелёные сосёнки-подростки, изогнутые кустики караганы и кизильника, спутанный-перепутанный таволожник. Но если наклониться к лесной подстилке, то в ней видны — в это почти невозможно поверить! — крошечные листочки... земляники! Однако это вовсе не земляника, а перезимовавшие листья лапчатки бесстебельной. Вокруг пробиваются первые травинки и листики, в одном из ростков по запаху опознала полынь.

Перехожу на солнечный степной склон знакомиться с весенней флорой. Белёсо зеленеют на тоненьких суховатых стебельках бусинки проломника седого. Рядом просыпается лапчатка; видны мелкие сизоватые листочки кустарничка тимьяна (чабреца) — в это время они совершенно не пахнут. А вот и спрятанные среди камней, утопленные во мху плотно-навитые кочанчики горноколосника. Крепыш вжался в землю и, как шлемом, прикрылся заострёнными наконечниками листьев.

Отыскала вдоль тропинки крошечные поросли подорожника и остролодочника. По склону разбросаны «самые раскидистые в степи» замшевые розетки перезимовавшего гониолимона: над ржавыми листьями туго присобраны зеленовато-багряные кожистые навитки, видно, что свежей поросли. Они не утоплены в почве, не подоткнуты

мхом: гониолимон — настоящий спартавец. Так и растёт с альпийским упорством на каменистой глине, на семи ветрах, под треск морозов без шубы снегов.

Среди камней мужественно ждут весны стелющиеся кустарнички сероватого хвойника. Просыпаются сухие розетки китагавии байкальской: из самой их сердцевины проклюнулись крошечные побеги с приятным пряным запахом. Презимовала вероника седая, вот она, голубоватая «шерстяная» травка с мелкими округлыми листочками, плотно прижата к земле, признаков жизни не подаёт, но нет сомнения — живая! Вот и вся, пожалуй, на данный момент, наглядная флора степи.

Однако стоит тропинке под вторым утёсом сменить направление, как словно попадаешь в другой климат, в северное полушарие, в царство могучих листьев. Тропинка переходит в снежную траншею глубиной по колено среди влажных залежей, усыпанных чешуйками коры.

Десяток метров вверх — и снова те же признаки весны, которые хочется как следует рассмотреть, хотя по хребту дует холодный порывистый ветер. Птички здесь не щебечут, даже вороны не пролетают.

Выше притока Змеиного лога кончается степь, наступает тайга. Там глубокий снег, однако и здесь основания стволов окружены стаканчиками.

Поднялась на гривку и решила спуститься в лес, в сторону коттеджного посёлка, благо снег вдоль гребня сошёл. Меня привлёк крупный объект на высокой лиственнице, решила его рассмотреть. Это оказалось не уцелевшее гнездо коршуна, а косматая ведьмина метла. Пробираясь к ветвистой химере, сделала интересное наблюдение. В этом месте на склоне и по лесу часто встречается помёт кабарги, как высохший, так и свежий. Удивительно, насколько близко к жилью подходит этот маленький мускусный олень, ведущий скрытный образ жизни. Кабарга идёт сюда за лишайником, сбитым с деревьев ветрами. Кабарга удивительно ловкая и способна прыгать по толстым веткам, будто по скалам, добираясь до питательных прядей лишайника-бородача.

Неподалёку на берёзе, метрах в четырёх над землёй, чернеет внушительный кап чаги: кавернозный, размером с футбольный мяч, он вырос из трещины — от раны на коре остался широкий клиновидный шов.

Стоило с гривы спуститься в лес, как ветер стих, словно за ним захлопнулась дверь. Здесь, в тишине, можно подкрепиться горячим чаем и полюбоваться новым пейзажем. Сквозь прозрачный смешанный лес виден высоченный левый берег Енисея с пестринами нерастаявших снегов. Отсюда виден и сам Енисей — стальные воды, могучая судоходная река. А над моей головой под светло-свинцовыми валами бездонного неба купаются голые берёзы и лиственницы, среди них едва зелена картина пока ещё тусклые зимние сосны.

Возвращаюсь назад. С неба слышен густой гул верховки. Из-за соседнего хребта со стороны зоопарка «Роев ручей» доносятся глухие раскаты — подаёт голос лев, царь зверей.

*Долина Лалетиной
Снегириная купальня
Трёхпалый дятел
Рябчик*

28 марта. На верхушечных почках сосёнок белеют капли застывшей смолы. За десять дней лиственницы вытянули светлые побеги с чечевичками почек. Чёрными розочками раскрылись прошлогодние шишки.

Вокруг парадной лестницы много проталин с прелыми листьями. На них налетели большие синицы. Деловито шерстят лесную подстилку, скачут, сверкая лимонными грудками, белыми щёчками, что-то высматривают, клюют — очень довольны весенней подкормке.

В черёмуховых зарослях посвистывают снегири — расселись на чёрных ветках алыми яблочками.

Пасмурно, тепло и уютно. Тайга досматривает зимний сон. В вняке бормочет сорока, у кормушки чирикают воробьи. С деревьев слышны переливы щеглов.

Под деревянным мостиком показалась земля. Над ней нависают пушистые козырьки — пока держатся. Посреди Лалетиной ещё белеют снежные острова, утыканные дягилевыми «пугалами».

Сразу четыре больших берёзы, согбенные прошлогодними снеголомами, упали на большую поляну — работа тёплых шквальных ветров, что дуют почти всякую ночь, приближая весну.

Обмелевшая за зиму Лалетина нетороплива, и под черёмуховыми кустами, посреди речки, снегири устроили купальню. Слетают на камушки донные и там, где воды по брюшко, активно полощут крыльями — только брызги летят! Мелькают алые грудки, белоснежные надхвостья среди чёрной воды — картина красочная, живая!

Полюбовалась снегирями и дальше иду по тропе. Боковым зрением замечаю: кто-то шевелится на старой поваленной берёзе... Вот это сюрприз! Трёхпалый дятел: встретить эту редкую птицу — удача! Белая спинка, тёмные крылышки и неброское серовато-жёлтое пятно во весь лоб. На фоне берёзы трёхпалый почти не заметен: беловато-черноватый, идеально с корой сливается. Долбит тихонько, почти неслышно исследует лохматую бересту. Когда всё, что хотел, проверил, перелетел на высокий обломок листвяги, на нём с тихим стукотком взялся добывать что-то вкусненькое: достаёт и кушает. А потом, на этом же стволе, устроил сухую помывку! Под крылышками тщательно перебрал пёрышки, почистил спинку, грудку, брюшко. Сегодня у птиц, похоже, банный день — зиму отмывают!

Попытаюсь поймать купальщика в объектив фотоаппарата: вроде вот он! Что такое?! Откуда взялись алые штанишки? У трёхпалого

дятла нет в оперении красного! Оказалось, это большой пёстрый дятел заинтересовался «хлебным» деревом, согнал трёхпалого меньшего братца и давай долбить пень с привычным усердием! Но, видно, добыча оказалась совсем не ахти, потому что недолго пёстрый на пне провозился, слетел. А трёхпалого дятла когда теперь встретишь...

Однако не зря он с увлечением интересовался поваленной берёзой: выше по тропинке встретила свежоошкуренные толстые берёзовые валежины с «классическими» лабиринтами-ходами, похожими на отпечатки многочисленных щупалец медуз размером. . . с суповые тарелки!

Вдоль тропинки по склону до Змеиного лога прибывает проталин, в них показалась зелень кислицы, будры, чистотела и других трав.

Прохожу мимо Чёртова пальца — и вдруг лес оглашается пронзительным криком: туристы рябчика, этих мест старожила, спугнули! Вот он, несётся по насту в прибрежный бурелом на неожиданно длинных мохнатых ножках. Взбитый ирокезом гребень, сам пёстренький, на снегу яркий, серо-бежевый — красивая боровая птица на окружающем белом фоне. Видимо, рябчик кормился почками, увлёкся, неожиданно близко увидел людей и так испугался, что закричал истошным даже не криком, а кряком!

Зацветает верба: пушатся серебристые шарики на красноватых ветках. Наливаются пунцовым цветом молодые побеги свидины — издалека видны, среди сугробов словно лаком багряным покрашены.

Вместе с первыми зелёными травками выбираются из влажной толщи перезимовавшие молодые пихты, осторожно вытягивают из плотных белых слоёв нижние, пока одиночные, лапочки. Прутики-сосёнки, ещё без мутовок, расправляют волнистые от долгого пребывания под снегом младенческие иголки, своим оригинальным видом так не похожие на сосновые.

По берегам из-под оседающего снега появляется удивительное растение — хвощ зимующий. Его наждачные зелёные стебли без листьев вызывают оторопь, настолько внешне он необычен. Однако в долине Лалетиной этот вид растёт в изобилии. Хвощ зимующий (одним цветом зимой и летом) тоже вынимает себя из вязкой среды, старается выпрямиться навстречу солнцу.

За Змеиным логом ещё зима. Хребты оснежены, но каждое дерево стоит в глубоком стаканчике. Проталин на склонах немного, лишь с грив сошёл снег.

Сейчас самое нарядное дерево в долине — верба! Верба — народное название ивы. Чем выше поднимаешься по Лалетиной, тем чаще встречаются вербы-патриархи: над высокими ребристыми стволами ветвятся густые зонтики крон, рясно усыпанные белоснежными шариками — запрокидывай голову и любуйся началом весны!

Снежная весна Голубой горки

1 апреля. От остановки «Базаиха» поднимаюсь по деревянной лестнице между коттеджами посёлка на Голубую горку. Своё название горка получила от слагающих её пород голубоватого цвета — серпентинитов. Иду наблюдать весенние изменения, первые растения, хотя собирать гербарий, конечно, не время. И встречаются меня лёд на тропинке да пятна проталин на склонах.

Снег присыпан берёзовыми семенами — раскрылись чешуйками почерневшие женские серёжки. Это ими сейчас унижены ветки, это они сеют семена и падают сами. Последние отпадут, когда проснутся берёзы и начнётся новое цветение. Между берёзами дружно топорщится сосновая поросль, выцветшая за зиму, желтовато-зеленоватая. Настоящие спартанцы эти молодые сосёнки, потому что зимуют почти без укрытия — в этом месте ветра неизменно сдувают снег.

Небо безрадостное, но над посёлком залиvisto зовут солнце синицы, словно стёклышки подвесок хрустальных звенят. А может, птички чувствуют, что выглянет солнце? Но пока всюду тускло. Из леса слышна снегириная песенка.

Сама Голубая горка давно освободилась от снега, да и не балует он её никогда толстой шубой. Сейчас здесь, среди усохших розеток сероватого цвета, проклёвываются крошечные листочки, воротниками прошлогодних материнских трав защищённые от ветра. Тут и там видны замшевые зеленовато-бордовые розетки степного аскета — гониолимона. Густоопушённые сероватые ростки лапчатки прижались к мёрзлой земле.

Густые заросли акации-караганы арматурой держат высокий сугроб. Из него торчат колючие прутьики шиповника. Моховая подстилка вокруг сугроба усыпана хвоей и косматыми шариками сосновых шишек.

Немного поднявшись, вхожу в пояс смешанного леса: берёзы, сосны, встречаются одиночные лиственницы, что с осени до самой зимы оранжевыми всполохами украшают Голубую горку. Среди леса растут яблоня ягодная, кизильник, таволожник, бузина, боярышник. Певчих птиц не слышать, только каркают, переключаясь друг с другом, лесные вороны, из посёлка доносится собачий лай. Мимо меня, рядом с ледяной тропинкой, осторожным шагом идут три верховых лошади — прогулка выходного дня — первые животные, встреченные сегодня в лесу.

Чем выше к скалам, тем глубже снег, и отнюдь он не белый, а самого весеннего цвета, густо приправленный и лесным мусором, и смёрзшимися хрусталиками, потому и не снег это вовсе, а плотный наст. Больше недели стояла плюсовая температура, следом морозец поддал, вот наст и окреп настолько, что по нему можно ходить, не проваливаясь, — в это время скорлупа наста особенно стойкая. Скоро она треснет, распадётся, растает. Именно наличие прозрачных

хрусталиков льда, преломляющего и серый цвет неба, и силуэты леса, делает снег матово-серебристым. Воздух восхитительно чист, дышится легко, хотя вот он, наш загазованный город, виден как на ладони.

Под одной из берёз — гора светлых сосновых шишек с лохматыми «носиками» и нетронутыми основаниями: на стволе кузница дятла. Под соснами на снегу чернеют раскрытые шишки-паданки, в них давно нет семян, но сами шишки за год ничуть не развалились.

Вот и большая поляна на взгорке, с которой открывается вид на посёлок, на пригородный пейзаж. Вдали темнеет Енисей, за ним, на горизонте, виден грандиозный простор Минусинской котловины с обнажениями красноватых глин. Моя поляна окружена живописным сосновым бором с примесью стройных берёз, поднявшихся сюда с берёзовых распадков, и красавиц-лиственниц. Им здесь особенно привольно; они развиваются в полный свой рост, много выше других деревьев.

Сама поляна сейчас словно крыта золотистой парчой — таков эффект от щётки ломаных усохших злаков с акварельными мазками зеленоватых мхов. Ближе к лесу, под листовяжным бревном, прячутся крохотные трилистники лапчатки бесстебельной (цветки этого вида лапчатки не имеют выраженных стебельков). Среди мха и сухих трав различаю «игрушечные», но ярко-зелёные новорождённые розетки подорожника.

Слева к долине петляющей Базаихи красиво стекают широкие горнолыжные трассы, как бы теряются, исчезая в обрамлении плотной малоэтажной застройки посёлка.

Справа на лысой горе Диван торчат местные «эйфелевы башни» — опоры ЛЭП.

Если оглянуться назад, на Торгашинский хребет, увидишь графичные скалы Красные гребешки. Они действительно напоминают гребешок гигантского петушка. Каждый из зубцов этого гребешка гордо вскинута и причудливо очерчена.

Пока любовалась окрестными пейзажами, поднялся совсем не весенний ветер. На голубоватом теперь небе появились эскадрильи объёмных, многоярусных серых облаков, и не понять, с дождём они или со снегом, хотя это, конечно, зависит лишь от температуры среды.

Поднимаюсь по насту, потому что на тропинку ступить невозможно, слишком скользка лобастая горка — лужи во время оттепели тотчас схватились льдом. Наст настолько густо усыпан кончиками сбитых сосновых веток, что кажется, на снегу выросла трава. Это недавний ветровал постарался. Неподдалёку видны поваленные им высоченные сосны, рыхлеют глиной в выворотах корней — слой подзолистой почвы здесь совсем невелик, хорошо, если с ладонь. Смотришь на пострадавшее дерево и удивляешься: как такая поверхностная корневая система держит такую махину? Однако, приглядевшись, несложно заметить мощь боковых опорных корней, впечатляющих толщиной.

Пока любовалась сосновым бором, выглянуло наконец солнце — разогнал-таки ветер плотные тучи. Незаметно поднялась в следующий, смешанный, лес — виды лесов на этой тропинке непрерывно сменяют друг друга живописными лентами, перекинутыми через отрог.

Как же красив смешанный лес в появившемся солнце! Среди светящихся свечным светом сосен шелковисто белеют крапчатые берёзы, пёстрые, будто каждую расписал вручную усидчивый художник! Ни одну не забыл! И хотя, куда ни глянь, кругом стволы-стволы, лес сейчас кажется настолько светлым — почти прозрачным. На самом деле это сплошной свет берёз, сквозь который проступают хребты, угадываясь плотноватым окоёмом горизонта. До чего величавы среди светлого леса тёмно-серые лиственницы со своей особенной, древней, мудрой, какой-то языческой статью!

Дальше иду. То сосновая полоса пересекает тропинку, то узкой лентой вторгается в хвойную зелень сплошной березняк. И тогда в золотистых лучах белоснежная пестрота тонет в зеленоватой дымке, или в зелёном мареве стекают акварельными струями берёзы с углестым крапом — как посмотреть, как увидеть. А то, словно вспомнив, вдруг живописец макнёт кисточку в бежевый, после в зелёный, и появляется среди берёзовой рощи сосна.

Иду, гляжу вокруг, слышу — неподалёку трудится дятел: может, долбит дупло? Да вот и он сам — большой пёстрый, алеет пушистыми весенними штанишками, что-то вкусное добывает в сухом стволе. А вот и его подруга — скачет по ветке соседней берёзы, чем-то среди коры питается.

Над настом ажурным маревом висит тончайшая паутина таволожника. Он то теряется в иероглифах теней, когда на какое-то время мир ослепляет солнце, раздвинув кайму серебряных облаков (погода меняется так же быстро, как ленты разномастного леса), то вновь возникает ажурной дымкой, воспарившей над матовым снегом.

Ближе к скалам наст присыпан белоснежной крупой. Она создаёт настолько невесомую воздушную «тень», что растворяет границу с воздухом — пейзаж среди скал получается утончённо-акварельный, парящий!

Там, где лиственницы стоят ближе друг к другу, снег усыпан обломанными пупырчатыми веточками и мелкими розочками черноватых шишек.

Проталин не видно, однако каждый комель окружён довольно широким, как толстая шина, стаканом. Но что это под сосной? Всходы?! Зелёные, на пять-шесть листочков, кустарнички, действительно похожие на всходы деревьев! Да ещё с верхушечной почкой! Среди прошлогодней осоки видны перезимовавшие розетки грушанки.

Обрыв, вдоль которого вьётся тропинка (отсюда прекрасно виден Моховой карьер и Ермак над ним), покрыт утопающим во мхах сосновым бором. Мхи кое-где освободились от снега, густо усыпаны

шишками, и кажется, здесь нет ничего зеленее мха. Но это обманчиво, потому что под зарослями караганы, среди белейших крупинок снега, из рассычатого мохового покрова дружно сверкают лаковыми листочками приятного болотного цвета кустики брусники! Вечно-зелёный миниатюрный кустарничек украшен сейчас поникшими красноватыми зачатками, кто бы вообразил... цветочных кистей!

Пока любовалась на этот чудесный пяточок с весенним настроением, тайга потемнела, помутнела: напоззла свинцовая туча и неожиданно лопнула! Прозрачность исчезла, хребты занавесились мерцающей пеленой. Но я шла к Такмаку и, конечно, продолжила путь. На подъёме среди сосен незаметно «вырос» Такмак, справа — скальная гривка Малёк. Тропинка напоминала изошрённо отполированную горку. Зато отсюда, в великолепном тумане, прошитом исполинскими снежинками, едва просвечивала узкая долина реки Моховой с Воробьиным притоком под еле уловимыми очертаниями окружающих хребтов.

Внезапно ветер утих, сразу потеплело, стало тихо, уютно. Тем не менее ветер, пригнавший тучу, видимо, где-то там, высоко, так высоко, что он не только не касался вершин хребтов, но даже не сдувал легчайших снежинок, был невероятно силён, потому что вскоре снежную прорву уволокло в тайгу. Вокруг порхали единичные снежинки, удивлённые, проспавшие перемену декораций, сонно парящие...

Идиллия длилась недолго. Каких-то минут пять — и вновь накатила угрюмая верховка, холодными волнами раскачала вершины деревьев. Но и здесь я успела заметить проклюнувшуюся зелень: сизоватые, ещё не позеленевшие стебельки пырея, розетки эспарцета, мелкие листочки на ниточках-веточках чабреца. Начавшаяся метель их ничуть не смущала. Ветер стал угрожающе завывать, я решила скорее покинуть хребет, из соображений в первую очередь безопасности, спустившись по склону в сторону Малого Такмака до тропинки, удобно огибающей Малёк по крутому, но не обрывистому северо-западному склону.

Здесь царство тёмного бора — именно таким показался мне под свинцовым небом сосновый бор. Впечатление усиливали следы огненного испытания: почерневшие от старого пала стволы в угольных, ползущих к кронам разводьях. Даже сплошной снег склона, в котором хорошо виднелась натоптанная тропа, казался зеленовато-серым. Однако шум ветра, как и сам ветер, воспринимался словно за стеной.

С неба сеет мука. Среди сосен темнеют следы жизнедеятельности кабарги. Медитативную тишь пререзает чёткое шуршание сноубордов со стороны горнолыжных трасс.

Долина Лалетиной. Первый коршун. Верба цветёт

10 апреля. Берёзы увешаны рыхлыми прошлогодними серёжками. Но если внимательно присмотреться, то среди них легко разглядеть

свежие мужские серёжки. Вон они, парами изогнутых рожек свисают с кончиков веток.

Верхняя часть кроны молодых сосёнок унижена веночками пухлых почек. Светлые побеги лиственниц буквально «лезут из чёрной кожи», успели вытянуться сантиметров до тридцати — вот как спешат расти в снежную весну! В это время голая крона лиственниц словно заштрихована солнечными лучами.

А в голубоватом небе под лёгкими облаками парит первый коршун! Великолепная птица широкими кругами облетает удельное княжество. Приглядевшись, можно рассмотреть неброские переливы благородного оперения хищника.

Почки акаций светлеют и теперь хорошо различимы на буроватых веточках. У американских клёнов, что потихоньку обживают большую поляну, спускаясь с шоссе, молодые ветки покрылись восковатым налётом, вот-вот проклюнутся почки. С кленовых изломов обильно капает сок, повисает большими прозрачными каплями. Чуть-чуть посветлели, чуть-чуть увеличились почки черёмухи, похожие на наконечники копий. Укрупнились почки на серовато-бежевых ветках бузины.

За несколько тёплых дней вокруг парадной лестницы почти полностью стаял снег, обнажилась земля на большой поляне и вдоль берегов Лалетиной. Вода прибыла, голос речки стал звонче, и лес наполнился птичьими голосами. Квохчет пролетающая красавица-сорока. Бьют трели синицы, льют переливы щеглы. Снегири устроили настоящий концерт, и тональность их песенки не теряется в общей радости, к которой добавились новые голоса. Это зяблики! Первыми всегда прилетают самцы. Пока они держатся стайками, всё больше в кронах высоких деревьев.

Ещё с лестницы слышна отрывистая дробь дятла. Она — как энергичное приветствие и обещание: мол, готовьтесь! Начинаю ударный свой джаз!

В буроватый фон окружающих долину хребтов чудесно вписаны молочно-белые берёзы. Прибрежные ивы усыпаны перламутровыми барашками. Почки таволожника — как светлые крохотные бусинки на веточках-паутинках. Специально навестила куст барбариса с огромными мутовчатыми иголками: не особо спешит просыпаться.

Ах... Какой воздух... Подарок небес! Лёгок и нежен!

Тепло, и тропинка пошла раскисать: блестит земляная каша, взбита корка ледяных скорлуп среди снежного киселя, кое-где по тропинке струится ручей. А среди преющей подстилки показалась зелень! Всякая! Разных фасонов листья, травинки. Лучше всех узнаётся клубника, на некоторых солнечных пятачках выросли настоящие «плантации» с розетками в несколько ярко-зелёных трилистников! И, конечно, много устилающей склоны вечнозелёной осоки.

Повеселел мох, впитал воду, набрал изумрудный цвет, пошёл в рост.

Лалетина день ото дня набирает силу. Там, где неделю назад наблюдала снегириную купальню, нынче не то что камушков не видать — снегиря бы течением унесло!

Среди тёмных берегов солидно всходит первая зелень. Заинтересовали полупрозрачные чешуйчатые «стручки». Оказалось — крапива! Так ужалила, что до утра пальцы горели, которыми эти странные «стручки» погладила. А ведь на ней ещё ни листочка! Вот это злюка! Голубоватыми длинными листьями радуют проснувшиеся доброжелательные злаки.

Всюду вошла кислица, листочки её пока плотно сомкнуты. Очень живописны сейчас склоны, усталые рассыпчатым мхом. Кажется, на них можно лежать, как на перине, да так оно и есть! Одна незадача: это как в речку прилечь, мгновенно промокнуешь. Мхи любят влагу и прекрасно её держат. Набухшие, яркие, в это время они особенно хороши среди прошлогодних беловатых гербариев самых разнообразных форм! Как потерянные драгоценности, белеют полые раковинки улиток — настолько они изящные, миниатюрные.

Под Чёртовым пальцем встретила дружные всходы сочного чистотела. Под скалой в сосновом тенёчке завалился и «отдыхает» белобокий бычок — округлый сугроб!

Вверх по Лалетиной сугробов больше, снег глубже, но уже повсеместно проталины, в них свежайшая зелень произрастает бок о бок со снегом. С хлопом обрываются в воду намокшие массы прибрежных мини-лавин — необычный звук, который можно услышать только снежной весной!

Небо незаметно провисло матовым пологом. Но птицы, птицы не умолкают, снуют! Тут и большие синицы, и гаички, и москочки, и поползни! Снегири обыкновенные (красные) и зимующие в наших краях необыкновенные (серые), но те и другие в волнистом полёте то и дело сверкают белоснежными надхвостьями.

Ледяной лоб, что упирается в огромную, в два с половиной обхвата, древнюю вербу, несколько сбросил свою крутизну. Теперь тусклый лежит, беловатый, с нежным оттенком цвета морской волны.

Ветви свидины совсем багряные. Витые-перевитые в пунцовые сети, они особенно эффектны на фоне зеленоватого речного льда. Почki ольхи заострились чёрными кольями. Стволы осин сияют оливковым светом. Закинешь голову — их ветки, словно крупными деревянными бусинами, унизаны цветочными почками: великолепная графика!

Иду по тропинке, вдруг сбоку какое-то мельтешение: случайно спугнула рябчика! Старый знакомый! Пролетел он всего ничего — пяток метров, больше шуму наделал. Но быстро успокоился, приземлился и энергично пошагал в крутую, почти отвесную горку под скальным выступом среди бурелома. Идёт на мохнатых ножках, крепкий, упитанный, с задорным хохолком (встревоженные рябчики поднимают хохолок), хвост растопырил (чёрный с белой каймой), сам яркий,

пёстрый. На скалу рябчик взбираться не стал — взлетел на ветку поваленного дерева и сидит, нахохлился, меня наблюдает. Оттуда у него отличный обзор и на тропинку, и на долину. Видит, что я не пытаюсь к нему подойти, сидит спокойно, шариком сероватым нахохлился, головой только крутит. Брови красные, под клювом — большое чёрное пятно во всё горло — самец (у самок горлышко серое и нет красных бровей). Но мало ли чёрных пятен в лесу? Сидит, и если не шевелится, то ни за что не разглядишь, если не знаешь, что где-то здесь затаился рябчик, настолько хорошо эти птицы маскируются среди леса.

В это время за спиной, пока фотографировала неподвижного рябчика, начал неистовый джаз пёстрый дятел. Восторженно барабанил, всякий раз прерываясь, чтобы слушатели могли оценить виртуозные пассажи и восхититься как следует. Рябчик сидел и тоже слушал. Он, кстати, сам вокалист не последний: его пронзительный свист заметно украшает звуковую дорожку лесных тропинок. После окончания джазовой импровизации я отправилась дальше, а рябчик так и остался сидеть на своём наблюдательном пункте.

Чем глубже в тайгу, тем больше снега. Но склоны пятнисты, и пятна имеют ярко выраженный зелёный оттенок от влажной осоки.

Незаметно дошла до папоротниковой долины. Над сверкающим снегом чарующими перьями чернеют спорофиллы папоротника страусника. Это показались его зимующие спороносные листья. Всюду из-под наста активно выбирается болотное вечнозелёное чудо — растение без листьев, из одного лишь ствола, — хвощ зимующий. Наверное, этот хвощ — одно из самых удивительных по внешнему строению у нас растений: растёт прутком, им же зимует!

Начиная с экологической тропы, Лалетина плотно укрыта снегом, лишь хребты пестрят проталинами.

На верхней экологической тропе встретила белочку в зимней шубке с заметной рыжинкой и пушистым розовато-рыжим хвостом. Настоящая белка-блондинка! Она активно искала в земле припрятанные запасы: вынюхивала, рыла подстилку длиннющим маникюром, которому позавидовали бы авангардные модницы, что-то доставала и кушала. Выходит, сбереглись белкины орешки! До весны долежали!

Высокие изрезанные стволы вербы расширяются вверх густыми корзинами веток. В них притаились... альпийские облака! Если смотреть с экологической тропы, окружающие хребты создают загадочный тёмный фон. Кажется, высоко в горах пасутся стада белоснежных барашков! Чем выше, тем вербы щедрее усыпаны цветом. А с неба в это время крапает тёплый весенний дождь!

Авторы

Беликов Юрий Александрович

Поэт, прозаик, публицист, эссеист. Родился в 1958 году в городе Чусовом Пермской области. Работал собкором ряда центральных изданий. В начале 90-х входил в редколлегия журнала «Юность». Там же опубликовано его повествование «Столбовой переселенец» («Легенды об Астафьеве»). Участвовал в Астафьевских чтениях в Красноярске, Перми и Чусовом. Лидер движения «Дикороссов» — поэтов «края бытия». Составитель антологии «Приют неизвестных поэтов» (2002) и антологии трёх веков русской поэзии «Сады и бабочки» (2022). Автор книг «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой» и «Я скоро из облака выйду». Лауреат премий имени Павла Бажова, имени Алексея Решетова и имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству». Живёт в Перми.

Валеев Марат Хасанович

Много лет проработал в провинциальной печати, в том числе 22 года — на Крайнем Севере, в Эвенкии. На пенсию ушёл с должности главного редактора газеты «Эвенкийская жизнь» в 2011 году. Автор и соавтор более двух десятков сборников прозы и публицистики. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов, в том числе «Золотое перо Руси», Общества любителей русского слова, «Рождественская звезда», имени Виталия Бианки, газет «Советская Россия», «Комсомольская правда». Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

Веселовский Павел Анатольевич

Родился в 1972 году в Красноярске. Окончил математический факультет КГУ. Занимался изучением восточной культуры, преподавал китайский язык и гимнастику цигун, изучал боевые искусства, работал и обучался в Китае. Писал очерки и статьи о культуре Востока. Фантастику публикует с 2014 года. В 2016-м выпустил сборник фантастических произведений «Три стороны пуговицы», в 2022-м вышел сборник фантастических рассказов для детей «Город помидоров», в нынешнем году издал новую книгу фантастики «На страже человечности». Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

Ермолаева Светлана Александровна

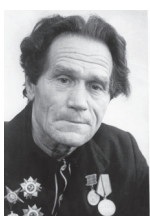
Родилась в 1963 году в Красноярске-26 (ныне Железногорск). В 1986 году окончила Московский энергетический институт. Работала инженером-технологом в Санкт-Петербурге. В 1991 году вернулась в родной город, работала контролёром ОТК на горно-химическом комбинате, затем экономистом. Стихи начала писать в 1990 году. В 1992 году стала лауреатом

краевого поэтического фестиваля, в 1999-м — заочного поэтического семинара «Белый лист» на «Радио России». Стихи печатались в антологии поэзии ЗАТО, сборнике «Поэзия на Енисее», альманахе «Новый Енисейский литератор», журналах «День и ночь» (Красноярск), «Южная звезда» (Ставрополь), «Новый журнал» (Нью-Йорк, США). Изданы поэтические сборники «Зов свирели» (1998), «Миг изумленья» (2000), «Светящиеся ноты» (2003), «На окраине Вселенной» (2004). Член Союза российских писателей. Живёт в Железногорске.

КАРМОЛИН АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился и вырос в Енисейске, сейчас живёт в Лесосибирске. Вахтовик. В 2018 году получил диплом 3 степени на первом конкурсе лирических стихов Красноярского края имени Сергея Ставера за стихотворение «Ты — моя синеглазая грусть», в 2020 году — диплом 2 степени на конкурсе альманаха «Новый Енисейский литератор» «Стихотворение года» за стихотворение «Встреча после войны», в 2021 году — диплом 1 степени на конкурсе «Стихотворение года» за стихотворение «Хандра», в 2022-м стал финалистом всероссийского конкурса «Во славу России!» (Псков, при поддержке президентского гранта) со стихотворением «Никогда!» о специальной военной операции. Публиковался в газетах «Енисейская правда» и «Заря Енисея» (Лесосибирск), в альманахах «Радуга» (Лесосибирск), «Новый Енисейский литератор» и «Русло», в ежегодных сборниках «На енисейской волне» (2019–2022).

КОВАЛЕНКО ПЁТР ПАВЛОВИЧ (1923–2013)

Родился в 1923 году в Ужурском районе Красноярского края. С первых дней Великой Отечественной добровольцем отправился на фронт. Закончил войну командиром роты разведчиков, кавалером шести боевых орденов и медалей, инвалидом второй группы. Но продолжал трудиться, 47 лет проработав на Красноярской железной дороге. Начал писать стихи ещё в школьные годы и продолжал всю свою долгую жизнь. Много выступал со стихами и воспоминаниями о войне, публиковался в районных, краевых и центральных газетах и журналах, издал 17 поэтических сборников. Член Союза писателей России.

КУЗНЕЧИХИН СЕРГЕЙ ДАНИЛОВИЧ

Родился в сорок шестом. Вырос в центре России: Костромская, Ярославская и Тверская области, — но любимые места и любимые реки — на востоке. После окончания Калининского политехнического института взял распределение в город Свирск Иркутской области. Потом перебрался в Красноярск. Около 20 лет отработал в пуско-наладочном управлении — постоянные и долгие командировки от Урала до Чукотки. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Радуга», «Киевская Русь», «Наш современник», «Дети Ра», «Арион»,

«Юность», «Подъём», «Урал», «Зарубежные задворки», в альманахах «День поэзии», «Паровоз» и др. Был составителем в книжной серии «Поэты свинцового века», подготовил сборники А. Барковой, А. Тинякова, Н. Рябеченкова, А. Кутилова.

ЛЕОНТЬЕВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1961 году в городе Александровске Пермской области. Школьные годы провёл в Поволжье, в Саратовской области. В 1984 году окончил Куйбышевский авиационный институт (радиотехнический факультет). Два года служил в РВСН на офицерских должностях, капитан запаса. В 1986 году переехал в Красноярск. Работал инженером в КБ и НИИ Красноярского радиозавода, инженером-наладчиком в частных фирмах. Заместитель главного редактора альманаха «Новый Енисейский литератор», корректор в журнале «День и ночь», альманахе «Енисей». Автор трёх книг стихотворений. Публиковался в журналах и альманахах, различных антологиях, коллективных сборниках, газетах, интернет-изданиях. Стихи переведены на венгерский язык. Член Союза писателей России. Живёт в Красноярске.

МАКСИМОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

Родился в 1956 году в Челябинске. Окончив ПТУ, проработал 43 года на трубопрокатном заводе фрезеровщиком. Стихи начал писать поздно, в конце девяностых. А после покупки в 2011 году ноутбука нашёл и читателей.

МЕЛЬ СВЕТЛАНА ЛЕОНГАРДОВНА

Родилась 25 апреля 1960 года в Красноярске-26. Окончила механико-математический факультет Пермского государственного университета. Работала в НИИУМС (Пермь), с 1988 по 2016 год — в отделе информационных технологий строительной организации Железногорска. Стихи пишет с детства. Чуть позже начала писать песни на свои и чужие стихи. Участвовала в бардовских фестивалях в Перми, Красноярске, Ижевске, Ульяновске, Томске и других городах. Публиковаться начала с 1999 года в городской прессе, затем в различных альманахах. Первый сборник стихов «Блики и тени» вышел в красноярском издательстве «Кларетианум» в конце 2000 года, «Тот нечаянный глоток» — в 2008-м. В 2010 году вышла книга на двух авторов «Два крылатых коня» в Железногорске, в 2014 году — «Наслоения». Подборки стихов печатались в журнале «Европейская словесность» (Кёльн). Член Союза российских писателей с 2011 года.

НЕМЕЖИКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в 1965 году в Красноярске. Окончила с отличием два факультета в КИЦМ (ныне ИЦМиМ СФУ) по специальностям «горный инженер-геолог» (ленинская стипендиатка, 1987), «экономист» (1993). В 2019 году стала лауреатом краевого литературного конкурса имени И. Д. Рождественского

в трёх номинациях: I степень — «Драматургия», II степень — «Поэзия», III степень — «Произведения для детей». Публикации: альманах «Енисей», журнал «День и ночь». Живёт в Красноярске.

Пучков Андрей Викторович

Родился 24 июля 1963 года в посёлке Хандальск Абанского района Красноярского края. В 1980 году окончил Абанскую среднюю школу №4. После службы в Советской армии в 1985 году поступил на должность милиционера ППС. В отставку вышел в 2006-м в звании капитана уголовного розыска. Живёт в Сосновоборске. Рассказы неоднократно печатались в журналах Союза писателей, в том числе в журнале «Страна Озарение», вошли в сборник «Мелодия жизни» издательства «Серебро слов», на конкурсной основе вошли в сборники «ARONAXX I», «Видимый свет», «Происхождение мрака», «Алиса», «Литературный фестиваль», «Книжным детям», «Мемориал духа» издательства «Перископ-Волга» и в сборник «Песня» литературного агентства «Новые писатели».

Смирнов Сергей Александрович

Родился в Норильске в 1953 году. Семья деда репрессирована в 1930 году, жила в Казачинске, Тасеево, Стрелке, Галанино. Родители — ветераны Норильского ГМК. После норильской школы окончил МГУ имени М.В. Ломоносова (географический факультет), работал в университете, почти во всех крупных горных системах СССР от Средней Азии до Чукотки, в морской геологии на Арктическом побережье и шельфе от Лены до Колымы и Чаунской губы, на островах Медвежьих и Новая Сибирь. Был грузчиком, костоловом, водителем, связистом, строителем, плотничал. Жил и работал в Игарке. Несколько лет назад вернулся в Норильск, где живёт и по сей день, работает в «Норильскгеологии». Прозу и стихи начал писать в 1980-х, публиковаться — в 2000-х в чукотских и норильских газетах и литературных альманахах, в красноярском журнале «День и ночь».

Феньков Станислав Сергеевич

Поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1973 году. Образование высшее техническое — инженер-системотехник. До открытия собственного дела работал по разным рабочим и инженерным специальностям, служил в армии. Автор пяти сборников стихотворений и текстов песен. Рецензент нескольких книг красноярских авторов. Публиковался в альманахе «Новый Енисейский литератор» и приложениях к нему, в изданиях «Енисей», «День и ночь», «Гостиный Двор» (Оренбург), «Провинциальный интеллигент» (Костомукша), «Новая Немига литературная» (Минск, Беларусь), «Берасцейская скарбница» (Брест, Беларусь), «Соотечественник» (Берген, Норвегия), «Поэзия XXI век» (Москва). Владелец типографии «Семицвет» и одноимённого издательства.